

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

Маркова Мария Александровна

**РУССКАЯ И ЧУВАШСКАЯ БИБЛИОНИМИЯ
В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Иванова Алена Михайловна

Чебоксары – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. БИБЛИОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	11
§ 1.1. Библионимы как объект научных исследований.....	11
§ 1.2. Эволюция библионимов от эпохи рукописной книги до современного этапа	20
§ 1.3. Стилистическая специфика библионимов	33
§ 1.4. Библионимы в аспекте культуры речи	38
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ БИБЛИОНИМОВ.....	48
§ 2.1. Количественно-качественный подход к изучению библионимии ..	48
§ 2.2. Фонетические поэтизмы в художественной библионимии.....	52
§ 2.3. Лексико-семантическая характеристика библионимов	58
§ 2.4. Грамматическая специфика библионимов	67
ГЛАВА 3. ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОНИМОВ	91
§ 3.1. Научный инструментарий исследования	91
§ 3.2. Определение функционально-стилистической принадлежности книги по ее названию.....	93
§ 3.3. Установление заглавия на основе анализа текста	99
§ 3.4. Соотношение авторского и переводного названий книг	104
ГЛАВА 4. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛИОНИМОВ В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ...	112
§ 4.1. Правописание библионимов	112
§ 4.2. Пунктуация в библионимии.....	117
§ 4.3. Микробиблионимы в их отношении к макробиблионимам	125
§ 4.4. Библионимы как объект лексикографии	133

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	144
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	145

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено контрастивному изучению библионимов (названий художественных книг) в русской и чувашской языковых культурах. Выбор темы определяется возрастающим интересом филологической науки к проблемам функционирования названий литературных произведений как значимых элементов социокультурного пространства. Исследование призвано выявить типологические сходства и различия процессов номинации художественных книг в сопоставляемых идиомах.

Актуальность темы исследования. Названия книг являются интереснейшим феноменом ономастики, разработка вопросов которой для науки имеет большое значение как в теоретическом, так и практическом плане. «Библионим подобно генетическому коду несет в себе информацию о языке, культуре, эпохе и самом творце каждого произведения» [64, с. 48]. Согласно К. В. Костиной «библионим – это первое слово автора, направленное к читателю, вбирающее в себя тему, проблему, образы, сюжетную перспективу произведения, отражающее отношение автора к тексту...» [52, с. 189].

В настоящей работе библионимы, относящиеся к сфере художественной литературы, рассматриваются с лингвистической точки зрения. При этом изучается материал двух языков – русского и чувашского. Выбор данных языков обусловлен тем, что русская языковая культура в своем письменном выражении выступает в качестве образцовой для чувашской. В работе по необходимости также используется материал других языков, в частности, английского, немецкого, французского, японского.

Контрастивное изучение библионимов особенно актуально в условиях развития межкультурных контактов. Оно позволяет обнаружить интересные параллели и различия в библиономинации, а также выделить особенности функционирования названий книг как лингвистического и

литературоведческого феноменов, тем самым обогащая знания о закономерностях формирования и восприятия книгоименования в разных культурах.

Степень разработанности темы. Искусство именованя книг имеет долгую историю, однако его системное изучение началось лишь в XX в. с издания книги С. Кржижановского «Поэтика заглавий» (1931). В последующем настоящая проблематика разрабатывалась такими учеными, как З. Д. Блисковский, Л. Я. Гинзбург, Е. В. Джанджакова, Т. Е. Евса, Л. А. Климкова, В. В. Пронин, Н. Н. Устинова, Л. Е. Черкасский, М. А. Черняк, которые внесли значительный вклад в формирование теоретической базы библионимики.

Особенно значимой следует признать работу Н. В. Подольской «Словарь русской ономастической терминологии» (1988), в которой впервые фиксируется сам термин *библионим*.

Заметная часть разработок современных отечественных ученых ставит целью изучение проблем перевода библионимов. Это направление развивается в трудах К. Г. Барановой, О. Д. Давыдкиной, Л. Ю. Дондик, И. А. Лиходкиной, Л. А. Мурадовой, С. В. Оленева.

Особая роль в контексте общелингвистической библионимики принадлежит литературоведческим работам, ставящим целью изучение поэтики заглавий (изыскания Ю. В. Бабичевой, Ю. В. Подковырина, О. В. Федудиной).

Имеется ряд диссертационных исследований, посвященных лингвистическому анализу названий книг, в числе которых следует выделить разработки Т. В. Васильевой, Н. А. Веселовой, С. В. Ивановой, Н. А. Кожинной, М. Л. Корытной, Л. Ли, Н. М. Нанси, О. А. Остапчука, С. Г. Тикуновой, Е. А. Тутатиной.

В чувашской лингвистике тематика библионимов развивается в трудах Э. В. Фомина, М. А. Марковой и А. М. Ивановой, рассматривающих вопросы

функционирования заглавий чувашских книг в синхроническом и диахроническом аспектах.

Несмотря на значительное количество исследований и многоаспектность изучения книжных заглавий, библионимика пока еще полна неопределенностей. Констатация новых фактов, трендов в их развитии в настоящее время представляется более чем актуальной. Поле библионимии остается открытым для многих перспективных направлений и требует дальнейшего изучения.

Объект исследования – названия художественных книг (библионимы) в контексте русской и чувашской языковых культур.

Предмет исследования – лингвистически выражаемые сущностные черты русских и чувашских библионимов.

Цель исследования – изучить специфику русской и чувашской библионимии, выявить и описать в контрастивном аспекте особенности функционирования библионимов в обеих культурах.

Задачи:

- 1) разработать терминологическую основу исследования;
- 2) дать количественно-качественную характеристику русской и чувашской библионимии на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях;
- 3) провести экспериментальное изучение русских и чувашских библионимов на предмет их стилистической обусловленности и текстозависимости;
- 4) установить общие и уникальные черты библиономинации в русской и чувашской языковых культурах;
- 5) изучить прикладные аспекты функционирования библионимов: их правописание, лексикографирование, соотношение заглавий между собой на микро- и макроуровнях.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных лингвистов А. В. Суперанской [90; 91; 92], Н. В. Подольской [80], И. Р. Гальперина [27], В. И. Супруна [93; 94], Н. Н. Устиновой [105; 106; 107], Е. А. Тутатиной [98; 99; 100; 101; 102; 103]. Их изыскания подготавливают основы объективного понимания сущностных черт библионимов и выступают базой дальнейших научных разработок.

Материал исследования – русские и чувашские библионимы в общем объеме около пяти тысяч единиц, а также библионимические ресурсы других языковых культур.

Методы исследования:

- исторический (в целях установления эволюции библионимов во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами);
- функционально-стилистический (для определения специфических черт библионимов согласно сфере использования языка);
- количественно-качественный (в целях семантической, формальной и грамматической классификации библионимов, получения объективных численных данных для глубокого понимания масштаба явления);
- экспериментальный (для изучения стилистической и иной обусловленности названий книг).

Количественно-качественный и экспериментальный методы для исследования библионимии более чем необходимы, так как их использование значительно расширяет тематику разработок в данной области.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней впервые в контрастивном аспекте анализируются библионимы активно контактирующих языков – славянского русского и тюркского чувашского. В ходе долговременных контактов с русским языком чувашский испытал значительные трансформации и развил множество сходных с ним черт. Контаминация с русским языком особенно проявляется в условиях

становления современной чувашской письменной культуры, во многом являющейся производной от русской.

В работе библионимы рассматриваются в качестве лексико-грамматических единиц. Данный подход предполагает квалификацию библионимов как назывного явления синтаксического плана.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты значительно расширяют и углубляют представление об искусстве создания названий книг. В работе констатируются общие и частные параметры библионимии сопоставляемых языков, объясняются их причины, выявляются специфичные модели национально обусловленного подбора названий книгам, в научный оборот вводятся новые термины *полибиблионим, библионимический процесс, книгоименование*.

Практическая значимость исследования обуславливается возможностями применения его результатов в описательной лингвистике и литературоведении, в подготовке учебных курсов по проблемам библионимии, а также в составлении словарей библионимов. Работа может стать основой аналогичных исследований на материале других языков с учетом функционально-стилистической составляющей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Библионимы являются квинтэссенцией текста или совокупности текстов, изданных в качестве самостоятельной полиграфической единицы, и представляют собой сложнообусловленные названия, конструируемые на базе апеллятивной лексики, т. е. одновременно в эксплицитной форме сочетают в себе как свойства нарицательной лексики, так и собственного имени. Библионимы – лексико-грамматические единицы, именующие книги в предикативной форме. При этом они стремятся к номинации книг с помощью слов, входящих в класс имен существительных.

2. Качественные параметры библионимов находятся в зависимости от требований конкретных функционально-стилистических условий: названия художественных текстов – выразительные, семантически объемные; названия публицистических книг – экспрессивные; научные и деловые стремятся к точности; литургические апеллируют к жанрообозначению.

3. Библионимы русской и чувашской письменных культур в семантическом плане идентичны, поскольку названия книг объективно привязаны к общим условиям функционирования литератур. Наблюдаемые различия библионимий внутренне обусловлены и диктуются спецификой сопоставляемых языков, стремящихся собственными средствами дать названия книгам.

4. Библионимы – явление междисциплинарного плана: с одной стороны, они являются объектом ономастики, с другой – литературоведения. Их изучение не может быть полным без учета искусствоведческой составляющей. В частности, важными представляются историко-литературный и текстологический подходы. Библионимы не могут существовать самостоятельно без привязки к конкретному художественному тексту, но могут стать таковыми в случае их наделения афористичными свойствами.

Степень достоверности полученных результатов подтверждается систематизацией научной литературы исследуемой тематики, выведением заключений с опорой на широкий фактологический материал, апробацией диссертационной работы. Результаты исследования основаны на количественно-качественном анализе и экспериментальном изучении библионимов. Статистические подсчеты позволяют объективно оценить развитость изучаемого явления и на этой основе сделать ценные открытия и выводы.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в научных статьях и обсуждены на Международных и Всероссийских научно-практических конференциях «Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам (г. Чебоксары, 2022, 2023), «Язык и слово» (г. Чебоксары, 2023), «Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования» (г. Чебоксары, 2023, 2024), «Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2025» (г. Чебоксары, 2025).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» и в научно-исследовательскую деятельность филологического направления бюджетного научного учреждения «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования Чувашской Республики.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы. Содержит три рисунка и 25 таблиц. Общий объем работы – 158 страниц.

ГЛАВА 1. БИБЛИОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1.1. Библионимы как объект научных исследований

Изучение библионимов – важное направление современных лингвистических исследований, так как именно названия книг отражают специфику языковой и речевой культуры, литературные тенденции эпохи и индивидуальные особенности авторов.

Книжная культура насчитывает многие тысячи лет истории, но вплоть до последнего времени искусство давать названия книгам существовало в скрытой форме.

Серьезное научное изучение книгоименования начинается в XX столетии с работы литературоведа С. Кржижановского, посвященной изучению поэтики заглавий [55]. В последующем данное направление было поддержано многими исследователями, среди которых М. С. Альтман [2], З. Д. Блисковский [13], Л. Я. Гинзбург [28], Е. В. Джанджакова [35], Т. Е. Евса [37], В. Пронин [82], Л. Е. Черкасский [119], М. А. Черняк [120], G. Genette, V. Crampé [129], H. Levin [130] и др.

Параллельно с литературоведческим подходом к изучению заглавий начинают появляться лингвистические изыскания (труды В. С. Мужева [68; 69], И. В. Фоменко [109], М. Вокс [128]).

Следует заметить, что в библионимике достаточно много практических наработок и ценных наблюдений, важных с точки зрения последующего системного анализа исследуемого феномена. В этом плане особого внимания заслуживают труды Э. В. Барякиной [9], Н. В. Большаковой [15], Э. Б. Кузьминой [58], Д. Н. Медриша [67], Е. В. Скударя [85], Е. Щура [125], П. А. Якимова [126].

Лингвистами главным образом изучаются названия художественных изданий, и исключения здесь редки (см. работу Н. П. Харченко, посвященную библионимии научного стиля русского языка [117]). Кроме

того, языковедами не различаются заглавия книг и отдельных литературных произведений, и они, как правило, рассматриваются в качестве феноменов одного порядка, что не совсем справедливо.

Обычно исследования русских ученых посвящаются библионимии известных писателей, и в них заглавия рассматриваются как единицы многомерного ономастического пространства. Таковы работы К. Р. Волковой [25], К. В. Костиной [53], С. А. Скурдиной, Е. Н. Карташовой [86], К. И. Суховой [95].

Заметная часть разработок отечественных исследователей ставит целью изучение проблем перевода библионимов, поскольку именно переводческий аспект становится особенно актуальным в условиях интенсивных межкультурных литературных контактов. Здесь можно назвать исследования таких авторов, как Н. Е. Ананьева [3], К. Г. Баранова [8], О. Д. Давыдкина, Л. Ю. Дондик [32; 33], И. А. Лиходкина [60], Л. А. Мурадова [70; 71], С. В. Оленев, С. О. Гордеева, Е. А. Аникеенко [74].

В изысканиях другой части русистов (Л. А. Климковой [43], Н. Н. Устиновой [105]) разрабатываются теоретические проблемы различных аспектов библионимии. Труды Н. Б. Бугаковой [17], Ю. Н. Гойко [29], Л. А. Климковой [45], А. А. Кручининой [57] сосредоточены на изучении частных проявлений библионимии.

Таким образом, можно сказать, что русская библионимика является стремительно развивающимся разделом современной ономастики.

Вместе с тем заметим, что в филологии совершенно объективно доминируют работы литературоведческой направленности, ставящие целью изучение поэтики заглавий (например, исследования Ю. В. Бабичевой [7], Н. А. Веселовой [22; 24], Т. Р. Петрата [76], Ю. В. Подковырина [79], В. Г. Тюпы [104], О. В. Федуниной [108], А. Bernard [127]). Данные труды при проведении собственно лингвистических исследований выступают в качестве вспомогательного материала.

Особо следует подчеркнуть, что значительный вклад в создание единой библионимической теории вносят диссертационные исследования Т. В. Васильевой [21], Н. А. Веселовой [23], С. В. Ивановой [40], Н. А. Кожинной [49], М. Л. Коротной [51], Л. Ли [59], Н. М. Нанси [72], О. А. Остапчука [75], С. Г. Тикунновой [96], Е. А. Тутатиной [98].

Вслед за русской научная разработка проблем библионимии начинается в чувашской лингвистике. Впервые данная тема возникает в монографии Э. В. Фомина «Чувашская книга конца XVIII – начала XX веков» [114]. Исследованию чувашской библионимии также посвящены работы М. А. Марковой и А. М. Ивановой, которые в основном носят теоретический характер [61; 63; 64] или же рассматривают конкретные вопросы функционирования названий книг [66; 62; 65].

Поскольку библионимика лишь в настоящее время начала складываться в качестве отдельного раздела ономастических исследований, представляется необходимым остановиться на ее терминологических основах.

Терминология ономастики – пример стремительно развивающегося словотворчества, которое формируется в соответствии с эволюцией научных знаний. У нее сложились свои собственные деривационные модели и семантические предпочтения.

Современный этап развития ономастической терминологии предполагает значительное дробление объектов исследования. Практикуемый подход превращает исследования в глубоко специализированные, которые даже от лингвистов смежных областей требуют предварительной подготовки [94, с. 134].

На рубеже XX–XXI вв. определилось новое перспективное направление ономастики – исследование названий объектов искусства, т. е. артионимов, включая названия театральных представлений, музыкальных произведений, скульптур, живописи и т. п.

В настоящее время в наибольшей степени изучаются библионимы. Другие группы артионимов малоизучены, но представляют собой интереснейший материал для научного анализа.

Научное изучение библионимов в рамках лингвистики разнонаправлено. Их можно рассматривать как имена, фразеологизмы и синтаксические единицы.

Библионимы как имена. Библионимы – образец сложных названий. Они не просто именуют книги, но делают это в необычной форме – предикативной. Такой подход не принят в традиционных системах имянаречения. В них оно обычно осуществляется в номинативной форме – словами именных частей речи. В подборе названий книг, даже если они однословны и не содержат сказуемого, всегда имеется некое состоявшееся, законченное утверждение.

Художественные библионимы в первую очередь выполняют обязательную назывную функцию. Другие функции – суммирующая, когнитивная, аттрактивная – реализуются по мере необходимости в условиях, диктуемых конкретными экстралингвистическими факторами.

Библионимы как фразеологизмы. Названия книг, даже самые простые, кодифицируются библиотечной службой в каталогах, базах данных, библиографических указателях. Закрепление в речевой практике превращает библионимы в подобие фразеологизмов, но они, в отличие от последних, не обладают связанным значением.

Библионимам присущи те же параметры, что и фразеологизмам: они воспроизводимы, устойчивы и раздельнооформленны. По своим свойствам библионимы больше всего могут быть оценены в качестве или фразеологических сочетаний, или фразеологических выражений, состоящих, по Н. М. Шанскому, из слов со свободным значением в их закрепленной последовательности и используемых как готовые речевые единицы [123, с. 98].

Библионимы как синтаксические единицы. Библионимы объективно следует характеризовать в качестве предложений, но не слов и

словосочетаний. «...заглавие занимает промежуточное положение между словом и предложением (называя текст, оно одновременно является высказыванием о нем)» [59, с. 4]. Носители языка формулируют мысли в виде предложений, из которых при необходимости вычленяются словосочетания.

Интересно заметить, что по внешним параметрам библионимы имеют много общего с назывными ремарками в ткани драматических произведений. Но никто им не откажет в предикативности. Такой же расклад желателен при синтаксической квалификации назывных фраз, приобретших статус библионимов.

Рассмотренные подходы к изучению библионимов (библионимы как имена, фразеологические выражения и синтаксические единицы) выводят предмет изучения за пределы чистой ономастики и даже лексикологии, и таким образом происходит расширение методической базы ономастических исследований.

Существует несколько возможных направлений научного изучения библионимии: лингвистическое, литературоведческое, семиотическое, полиграфическое, юридическое. Если первые направления понятны даже неспециалистам, то последнее, правовое, кажется не столь очевидным.

Дело в том, что в юридической сфере заглавия книг рассматриваются как объект авторского права. Для филологии в таком подходе важным представляется идея, согласно которой «нарушение исключительных прав при использовании названия произведения может иметь место только в том случае, когда речь идет про оригинальное, нетривиальное название» [41]. То есть, в юридической практике названия книг наделяются разными качественными свойствами и квалифицируются как неповторимые или обычные. С нашей точки зрения, в филологическом аспекте сложно провести границу между двумя указанными категориями библионимов, какими бы они ни были. Для авторов, читателей и исследователей названия книг, даже, казалось бы, простые, обладают особой ценностью.

Библионимом, так сложилось в современном языкознании, именуется название любого текста. В то же время сама внутренняя структура термина обязывает так называть исключительно книги. Между тем разработка библионимических вопросов в силу сложности и разнообразия самого объекта исследования каждый раз ставит ученых перед необходимостью уточнить значение термина *библионим*. Выясняется, что библионимы – это обобщенное название разноуровневых, разнохарактерных, разнонаправленных текстов и, более того, их фрагментов.

Одна из попыток уточнить значение библионима предполагает ввести в обиход усложненные обозначения: макробиблионим – для названий книг и микробиблионим – для названий текстов, входящих в книгу [114, с. 36]. Например, книга М. Лермонтова «Герой нашего времени» состоит из пяти повестей: «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист». В предложенной градации названий художественных произведений «Герой нашего времени» будет являться макробиблионим, а все частные названия повестей следует квалифицировать в качестве микробиблионимов.

Казалось бы, макро- и микробиблионимы – удачные термины, однако они громоздки. Их можно было бы применить в отношении к художественной литературе, в целом пользуясь термином библионим и лишь при необходимости обращаясь к уточненным формам.

Но библионимия абсолютно разная, и ее общая оценка вряд ли возможна. При функционально-стилистическом подходе можно выделить по крайней мере пять ее подразделов – научный, деловой, публицистический, художественный, литургический. В библиографии градация еще сильнее в соответствии с библиотечно-библиографической и универсальной десятичной классификациями [10; 89]. Различаются библионимы и внутри самих стилей согласно видовой и жанровой специфике. Также можно обозначить своеобразие названий по гендеру, идеологии, форме подачи материала. В этих условиях всеохватным нейтральным термином для обозначения заглавий

может стать такой термин, как *текстоним*. Его введение в научный обиход позволит связать термин *библионим* исключительно с названием книг, а термин *текстоним* применять в отношении любого текста или его обособленного фрагмента с приватным именем.

В любом случае существующий терминологический конфликт не может быть разрешен однозначно. Термины *библионим* и *текстоним* будут пересекаться и выступать в качестве синонимов. Например, книга М. Булгакова «Собачье сердце» (СПб., 2016) состоит из повестей «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце» и «Иван Васильевич». Название «Собачье сердце» здесь омонимично выступает в двух ролях: выведенное в заглавие является библионимом, включенное в сборник – текстонимом.

Развитие библионимических исследований далее неизбежно формирует частную базовую терминологию: библионимика (раздел ономастики о названиях книг), библионимия (совокупность библионимов), библионимикон (словарь библионимов). И такой же подход применим к другим формирующимся направлениям ономастических исследований [94, с. 134–135].

Библионимы связаны с аналогичными явлениями в области искусств, среди которых в первую очередь необходимо назвать артионимы, балетонимы и фильмонимы.

Изучение проблем библионимии в контексте искусства не случайно. Литература есть область искусства, по традиции рассматриваемая в рамках филологии. И наши наблюдения за названиями книг очень часто обнаруживают параллели в кинематографе, театральной деятельности, музыкальной культуре и живописи.

Артионимы – названия произведений живописи, скульптуры, графики и пластики – следует признать интереснейшим ономастическим явлением [4; 20; 42]. В широком смысле под артионимами можно понимать и заголовки

художественных текстов, поскольку литература – вид искусства. Но наличие устоявшегося термина *библионим* не поддерживает такую трактовку.

Бытование наименований произведений статичного визуального искусства имеет огромное значение для их понимания и интерпретации. Артионимы обуславливают широкое толкование называемых ими объектов, равно и наоборот. Само произведение и его название находятся в неразрывной взаимосвязи.

По нашим наблюдениям, взаимообусловленность названий статичного искусства и библионимов находит выражение в меньшей степени, в то время как связь библионимов с названиями оперных, балетных постановок и кинокартин проявляется гораздо сильнее.

Именованье оперных постановок – наиболее консервативная область имятворчества. Опере присуща исключительная привязка к классической литературе, например: роман «Капитанская дочка» А. Пушкина (1836) – опера «Капитанская дочка» Ц. Кюи (1911), сказочная пьеса «Любовь к трем апельсинам» К. Гоцци (1760) – опера «Любовь к трем апельсинам» С. Прокофьева (1919), тетралогия «Война и мир» Л. Толстого (1863–1869, 1873) – опера «Война и мир» С. Прокофьева (1942), роман «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского (1880) – опера «Братья Карамазовы» А. Смелякова (2008), поэма «Нарспи» К. Иванова (1908) – опера «Нарспи» Г. Хирбю (1967), поэма «Шывармань» А. Алга (1936) – опера «Шывармань» Ф. Васильева (1960). Опера не стремится к упрощению исходных онимов. В отличие от балета, названия оперных постановок сложнее и пафоснее, нежели названия балетных спектаклей.

Балетонимы – названия балетных постановок. Как и оперная часть, балет представлен закрытым списком спектаклей. Он в основном ориентирован на литературную классику с сохранением оригинальных названий первичных текстов, например: роман «Анна Каренина» Л. Толстого (1873–1877) – балет «Анна Каренина» Р. Щедрина (1972), повесть-феерия «Алые паруса» А. Грина (1916–1922) – постановка «Алые паруса» В. Юровского (1942), повесть «Барышня-крестьянка» А. Пушкина (1830) –

балет «Барышня-крестьянка» Б. Асафьева (1945), повесть «Тарас Бульба» Н. Гоголя (1835) – балет «Тарас Бульба» В. Соловьева-Седого (1940).

В то же время в балетонимах могут допускаться новации: рассказ «Анна на шее» А. Чехова (1895) – балет в двух актах «Анюта» А. Белинского (1982), роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса (1605–1615) – балет «Дон Кихот» М. Петипа (1869), сказочная новелла «Песочный человек» Э. Гофмана (1816) – комический балет «Коппелия» / «Коппелия, или Красавица с голубыми глазами» Л. Делиба (1870).

В искусстве балета заметно стремление к упрощению названий постановок, а именно: к сведению их к именам главных героев. Таким образом складывается впечатление, что балетонимы чаще всего – лишь названия, обусловленные их необходимостью, в них мало изящества, оно в самой постановке.

Общее свойство названий оперных и балетных постановок – их стремление к использованию антропонимов.

В названиях театральных драматических постановок наблюдается другая картина – здесь полное совпадение названий спектаклей и библионимов. Оно уже заложено в основу существования драматического искусства: пьесы пишутся для того, чтобы ставить их на сцене. Пьесы не предполагают в качестве обязательной трансформацию авторского текста. Лишь инсценировки проходят адаптацию под сценическое воплощение, и только они могут претендовать на новые названия.

Фильмонимы – названия фильмов. Художественные фильмонимы имеют сильнейшую взаимосвязь с библионимами: как правило, заглавия книг без каких-либо изменений переходят в разряд фильмонимов, например: роман «Горячий снег» Ю. Бондарева (1970) – художественная картина «Горячий снег» режиссера Г. Егиазарова (1972), роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова (1928) – фильм «Двенадцать стульев» М. Захарова (1976), повесть «Прощание с Матерой» В. Распутина (1976) – кинолента «Прощание с Матерой» Э. Климова (1981).

Преемственность заглавия и фильмонима прослеживается даже при уточнении или изменении названия кинопроизведения, ср.: книга «Найти человека» А. Барто (1968) – художественный фильм «Ищу человека» режиссера М. Богина (1973), драма «Танкисты» Б. Васильева (1970) – фильм «Офицеры» В. Рогового (1971).

Представляется, что современная ономастика определилась с перспективными исследованиями, в соответствии с которыми она все чаще склоняется в сторону ономастики видов искусства. В отличие от других данный раздел ономастики имеет неисчерпаемый ресурс: объем произведений безгранично множится, развиваются частные искусствоведческие науки, и языковеды все чаще обращаются к новому пласту имен, функционирующих в качестве артионимов в широком смысле.

На наш взгляд, интереснейшей проблемой, кроме установления общих принципов номинации объектов искусства, является изучение взаимосвязей между названиями базовых произведений и их реализаций в рамках других искусств.

Художественные библионимы более разнообразны и выразительны, чем названия спектаклей, кинофильмов и произведений изобразительного искусства.

§ 1.2. Эволюция библионимов от эпохи рукописной книги до современного этапа

Библионимы появились с созданием первой книги и прошли сложный путь развития от условного заглавия через желание как можно полнее объять ее содержание снова к упрощенному наречению.

Элементы, сходные с библионимией, наблюдаются и за пределами письменных текстов – в фольклорной традиции. Прозаические произведения устного народного творчества назывались по существенным параметрам повествования: либо по действующему лицу, либо по описываемому событию. Лирические же тексты чаще именовались по первой или по

наиболее запоминающейся строке, обычно припевной части. Вместе с тем локально существовала традиция называть песни по имени человека, который любил их исполнять. Как итог, названия фольклорных произведений обыденны.

Подход именовать тексты по их ключевым составляющим в настоящее время используется фольклористами в текстонимическом процессе при письменной фиксации произведений устного народного творчества, ср. названия сказок «Глиняный парень», «Гуси-лебеди», «Иван-царевич и серый волк», «Как лиса училась летать», «Марья Моревна», «Три медведя», легенд «Алатырь-камень», «Китеж», «Мертвая вода», «Чудь белоглазая», песен «А мы просо сеяли», «Ой, то не вечер», «Порушка-Паранья», «Солдатушки», «Эх, ухнем», «Яблочко».

Данная практика утвердилась и в чувашской фольклористике: сказки «Пикепе хӑрхӑм» («Госпожа и рабыня») «Альтук»¹ («Альдук»), «Пӑхӑр упу» («Медный медведь»), легенды «Улӑп сурчӑ» («Дом Ульпа²»), «Сӗр хапхи» («Земляные ворота»), «Уйӑх сӑнчи хӗр» («Девушка на луне»), песни «Алран кайми» («Не сходящая из рук»), «Ан авӑн, шӗшкӗ» («Не гнишь, орешник»), «Вӗлле хурчӑ» («Пчелка золотая»), «Вӗс, вӗс, куккук» («Лети, кукушка»), заговоры «Кус чӗлхи» («Заговор от сглаза»), «Сар чир» («Желтуха»).

Устойчивые традиции книгоименования складываются уже в эпоху появления первых рукописных книг. Библионимы той эпохи в краткой форме стремились обозначить их содержание в общем. Лексическая избыточность названий доставляла неудобства в использовании. По этой причине параллельно с полными названиями книг сосуществовали краткие, ср.: «The Life and Strange Surprizing Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner: Who Lived Eight and Twenty Years, All Alone in an Un-inhabited Island on the Coast of America, Near the Mouth of the Great River of Oroonoke, Having Been Cast on Shore by Shipwreck, Wherein All the Men

¹ Альтук – чув. дохристианское женское имя.

² Улӑп – чув. исполин, великан.

Perished but Himself. With an Account How He Was at Last as Strangely Deliver'd by Pyrates. Written by Himself»³ (Д. Дефо, 1719) = «Robinson Crusoe» (рус. «Робинзон Крузо»); «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia: in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen anderen unbekanntten Nachrichten vorgestellet, nebst einer noch niemals ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey und dreytzigerley Art tatarischer Voelcker Sprachen und einem kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Laendern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Schytische Antiquitaet betreffen; Bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfaeltigen Erfindung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertigt»⁴ (Ф. И. фон Страленберг, Стокгольм, 1730) = «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia»; «Собор от мног отец толкование о неразумных словесех в Евангелии и в Апостоле и в инех книгах вкратце сложено на память и на готов ответ» = «Изборник Святослава 1073 года»; «Книги святого и праведнаго отца нашего Ефрема Сурианина глаголемыя гречьским языком Паренесис, сказуеть же ся Паренесис, притчя моление, утешение, наказания полезна различна» = «Паренесис Ефрема Сирина» (XIII в.); «Арифметика, сиреч наука числительная. С разных диалектов на славенский язык переведеная и во едино собрана и на две книги разделена»

³ Перевод заглавия: Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб; с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим.

⁴ Перевод заглавия: Северная и восточная часть Европы и Азии: поскольку сюда входит вся Российская империя с Сибирью и великой Татарией, представленная в историко-географическом описании старого и нового времени, и многие другие неизвестные сведения, вместе с Tabula multiglotta двух и тридцати типов татарских языков, никогда не выявленных, и калмыцкой лексикой, но особенно большая правильная карта названных стран и другие различные гравюры на меди, относящиеся к азиатско-хитянской древности; по случаю шведского военного плена в России, собранного и приготовленного на основе нашего тщательного изобретения, в разрешенных дальних путешествиях.

(Л. Ф. Магницкий, 1703) = «Арифметика»; «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора и разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов, сочиненное М. К. в Москве 1755 года» = «Ванька Каин».

При этом допускались и краткие оригинальные библионимы, например: «Евангелие – апракос (краткий)» (1282–1283); «Торжественный триодник» (конец XV в.); «Минья служебная на июль» (первая четверть XVI в.); «Триодь Постная» (вторая четверть XVI в.); «Торжественный изборный смешанного типа» (конец XVI в.); «Жития и сочинения Дионисия Ареопагита» (середина XVII в.).

Кроме того, в библионимии той эпохи вполне обычными являлись параллельные названия книг: «Евангелие апракос краткий = Остромирово Евангелие» (1056–1057); «Евангелие тетр = Зографское Евангелие» (XI–XIII вв.); «Летопись = Лаврентьевская летопись; Писец Лаврентий» (1377); «Евангелие-апракос полный = Евангелие Хитрово» (1400).

Параллельные заглавия обуславливались либо указанием имени переписчика («Лаврентьевская летопись» переписана Лаврентием), либо места происхождения (хранения) («Зографское Евангелие» была подарена братией Зографского монастыря императору Александру II), либо имени владельца (обладателем «Евангелия Хитрово» был боярин Б. Хитрово, «Остромирово Евангелие» переписано по заказу новгородского посадника Остромира, Иосифа по крещению).

В полных названиях книг начальная часть – тематическая – более сильная. Именно она чаще всего и остается при формировании кратких названий, ср.: «Беседы Иоанна Златоуста | на Евангелие от Матфея в переводе Максима Грека, инока Селивана и князя Андрея Курбского» (1584); «Сборник житий и слов | с Правил митрополита Кирилла | на поставление Серапиона, епископа Владимирского, и толковыми канонами» (1604–1605); «Руководение в грамматыку | во славяноросийскую или московскую ко оутреблению оучащихся языка московскаго» (И. Копиевич, Штольценберг, 1706); «Книга Марсова | или воинских дел от войск Царского

Величества Российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войсками Его Королевского Величества свейского» (М. Аврамов, Санкт-Петербург, 1713).

С началом книгопечатания наименование изданий в книжной культуре формировалось согласно следующей схеме (ср. структуру библионима Средневековой эпохи):

жанр + содержание + читательский адрес + автор + место издания + год

библионим

Приведенная схема представляет развернутую структуру библионима, и редко какое название книги могло отвечать ей в полной мере. На практике элементы библионима реализовывались вариативно. Например, в названии книги «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, тако ж всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зярынском и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, Императорской академии наук профессором, по возвращении его в 1743 г. из Камчатской экспедиции» (СПб., 1791) указываются жанр (описание), содержание (народы Казанской губернии) и авторство (Герард Фридрих Миллер).

В названии другой книги «Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия ее Императорского Величества

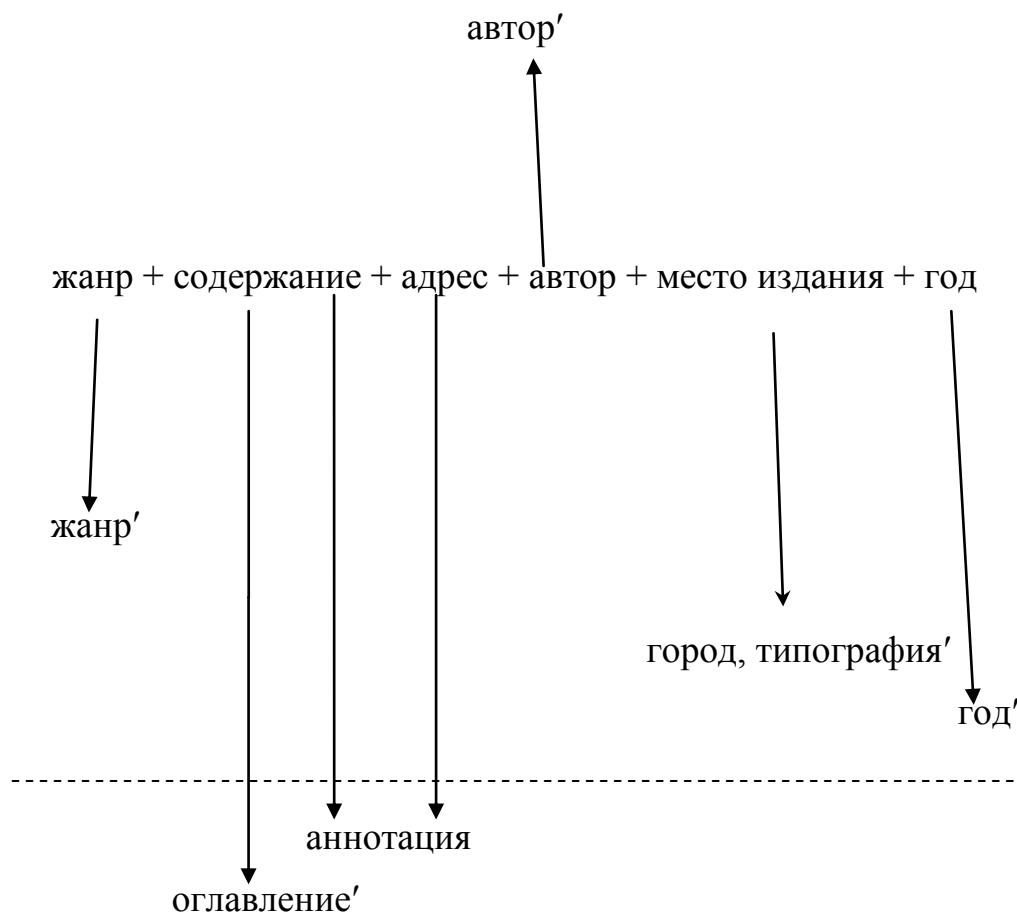
великой государыни премудрейшей монархини и попечительнейшей матери Екатерины Второй в Казань с приложением при том словом о несравненном великодушии августейшей императрицы самодержицы всероссийской, получившей благополучие от прививания оспы выздоровление» (Санкт-Петербург, 1769) внимание акцентируется на жанре ритуала (духовная церемония) и его содержании, кроме этого показателен пафосный характер библионима, диктуемый посвящением книги императрице и соответственно созданное в духе классицизма. Библионим «Пространное землеписание Российского государства, изданное в пользу учащихся по высочайшему повелению императрицы Екатерины Второй» (Санкт-Петербург, 1787) содержит указание на жанр, тему (описание земель) и читательский адрес (учащиеся), а также сведения о заказчике (императрице). Для ср.: настоящий подход – стремление к многословности – также отразился в названии первой русской газеты «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах» (1703). Подобно библионимам, название газеты имело краткие варианты именованья: чаще «Ведомости», реже – «Ведомости о военных и иных делах».

В книжной культуре параллельно существовала альтернативная традиция экономного книгоименования в сфере художественной литературы, ср.: «The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark» («Гамлет, принц Датский», В. Шекспир, 1601), «Cendrillon» («Золушка», Ш. Перро, 1697), «Impudique joyau» («Нескромные сокровища», Д. Дидро, 1748), «L'Ingénu» («Простак», Вольтер, 1767), «Россиада» (М. Херасков, 1779), «Недоросль» (Д. Фонвизин, 1782), «Путешествие из Петербурга в Москву» (А. Радищев, 1790), «Бедная Лиза» (Н. Карамзин, 1792), «Pride and Prejudice» («Гордость и предубеждение», Дж. Остин, 1796–1797).

Конечно, многословное именование книги обеспечивало ее безошибочную идентификацию, но было избыточно и неудобно для воспроизведения. Подобное название являло максимально возможное

средоточие важнейшей информации о книге, размещаемое на обложке и титульном листе и было мини-вариантом самой книги – ее аннотацией [39, с. 291–292].

В дальнейшем, уже на рубеже XVIII–XIX вв., произошло расщепление сложнообусловленных названий на многие частные составляющие. Например, рассмотрим структуризацию сложных библионимов:

Элементы книжного заглавия расходятся по поверхности обложки: имя автора поднимается вверх книжного поля, сильная инициальная часть библионима как семантическая доминанта сохраняется в центре, место и год издания оказываются в нижней части, иные элементы перемещаются с обложки на другие страницы: аннотация размещается на обороте титульного листа, содержание (оглавление) занимает место чаще всего в финальной части книги.

Эволюция названий книг от пространных к упрощенным заняла продолжительное время и завершилась в русской книжной культуре к концу XVIII – началу XIX в. На это же время приходится зарождение чувашской

письменной культуры в его современном виде [77; 78]. Как феномен, ориентированный на русскую книжность и оставаясь ее частью [112, с. 98], она через переводы русской литературы восприняла шаблоны книгоименования. В чувашской среде той эпохи одновременно наблюдаются библионимы, присущие обеим эпохам: средневековой многословной (1) и новой краткой, сущностной (2), ср.: (1) «Пичиксе катихизис, иугярна чуваш зам вали чуваш чильгибе, чибер бияс жин тюрре вырыс закон не и Тора килли юла на да. Хозанды школка зам ра 1806 сиол да, аг'а оих ра = Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык для удобнейшего им уразумения православного христианского закона с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятисловия. В Казанской академии 1803 года апреля месяца» (Москва, 1804); «Святой Евангель Матфей ран, Марк ран, Лука ран, Иоанн ран да чуваш чильге сине савырза хоны Хозан холары архерей пыгагган черггю таврашсамба. Хозанты университетра пичатляне 1820 сиолдалыкра Христос сиоратна-ран = Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, на чувашский язык переведенное при руководстве Казанского преосвященного священнослужителями Казанской епархии. Иждивением Российского библейсаго общества» (Казань, 1820); «Краткое описание суеверий чуваш, сочиненное в 1828 году Курмышского собора протоиереем Александром Протопоповым, изданное в пользу беднаго и сиротствующего духовенства» (Москва, 1845); «Жития св. святителей христовых Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских чудотворцев, с прибавлением сведений о мученике-инородце Аврааме Болгарском» (Казань, 1874); «О святых иконах по учению Православной христианской церкви и о благоговейном почитании и хранении их в чистоте и благолепии» (Казань, 1898); (2) «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (Санкт-Петербург, 1769); «О цели библейского общества» (Санкт-Петербург, 1819); «Чувашские разговоры и сказки» (С. Михайлов, Казань, 1853); «Главные церковные праздники Господни и Богородичны» (Казань, 1877); «Рассказы из русской истории» (Казань, 1882); «Букварь для чуваш = Чăваш кёнеки» (Казань, 1892).

Согласно библиографическим указателям и иной библиотековедческой литературе [110; 111; 122], в дооктябрьский период издана 1301 книга, которые в широком смысле можно назвать чувашскими [122; 114]. Из них 725 на чувашском языке (их тематическое распределение см. в таблице 1).

Таблица 1 – Тематическая типология книг,
изданных на чувашском языке до 1918 г.⁵

Разновидность книги	Количество книг	
	всего	доля, в %
литургическая	491	62,72
публицистическая	65	8,96
научно-популярная	63	8,69
учебная	59	8,14
художественная	39	5,38
деловая	8	1,10
Всего	725	100

Применительно к тому времени сложно говорить о состоявшейся функционально-стилистической дифференциации средств чувашского языка. Тем более это касается библионимов, должных в символической форме указывать на стилистическую принадлежность самой книги (иногда это возможно, например, в случае указания в самом названии книги ее жанра: житие озаглавливает литургическое издание, букварь – учебное, календарь – публицистическое). В связи с этим представляется необходимым оценить их в целом без привязки к конкретным стилевым разновидностям.

Одна из проблемных сторон чувашского книгоиздания рубежа XIX–XX вв. – выбор языка заглавия. Чувашская библионимия дооктябрьской

⁵ Таблица по: [114, с. 68].

эпохи отличается многоязычностью. Можно выделить русский, параллельный русско-чувашский и чувашско-русский, а также собственно чувашский типы (таблица 2).

Таблица 2 – Типология названий книг дооктябрьской эпохи, изданных на чувашском языке

Разновидность библионимов	Количество книг	Доля, в %
русские	366	48,9
русско-чувашские	282	37,6
чувашско-русские	67	8,9
чувашские	34	4,5
Всего	749	100

Русские библионимы чувашских книг обуславливаются несколькими причинами: во-первых, их переводным характером; во-вторых, решениями, препятствующими книгоизданию на языках Российской империи.

В такого рода названиях может указываться язык изложения – чувашский (71 случай из 745): «Церковные молитвы и исповедь на чувашском языке» (Москва, 1809); «Священная история Нового завета на чувашском языке» (Казань, 1874); «Наставления в законе божием епископа Агафодора на чувашском языке» (Симбирск, 1896).

Указание на язык изложения не мешало оформлению параллельного заглавия на чувашском: «Евангелие от Матфея на чувашском языке = Матфей сырнӑ евангелие» (Казань, 1873); «Евангелие от Иоанна на чувашском языке = Иоанн сырнӑ евангелие» (Казань, 1880); «Султалӑк кӑнеки = Календарь на чувашском языке на 1904 год» (Казань, 1903). При этом в чувашской части библионима указание на язык отсутствует.

Чувашские части двуязычных названий часто выступали символическими аналогами русских оригинальных библионимов: «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки = Чăваш кёнеки» (Казань, 1874), где *чăваш кёнеки* – чувашская книга; «Главные церковные праздники Господни и Богородичны = Аслă прасниксем» (Казань, 1882), где *аслă прасниксем* – великие праздники; «Господа нашего Иисуса Христа святое евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна = (Пирён туррăмър Иисус Христосăн ырă евангелийё)» (Симбирск, 1898), где параллельное чувашское заглавие – Господа нашего Иисуса Христа святое евангелие; «Третья и четвертая книги для чтения графа Л. Н. Толстого = Школра вулакан кёнекесем» (Л. Толстой, Симбирск, 1907), где собственно чувашская часть библионима – книги, читаемые в школе.

Исключительно чувашские заглавия использовались редко. Первый собственно чувашский библионим датируется серединой XIX в.: «Пичиксе катихизис кусарна чуваш зам вали чуваш чильгибе чибер биляс жин тюре вырыс закон не и Тора килли юла на да» (Москва, 1852). В последующем подобные библионимы появляются в книжном потоке начала XX столетия.

Параллельные заглавия проявляют разную степень семантической идентичности (таблица 3). Абсолютное совпадение заглавий наблюдается почти в 70 процентах случаев, частичная идентичность – в девяти с лишним. Доля несогласованных между собой библионимов составляет чуть более 21 процента.

Таблица 3 – Семантическая идентичность параллельных заглавий

Степень идентичности	Всего единиц	Доля, в %
абсолютно идентичные	242	69,3
частично идентичные	33	9,4
неидентичные	74	21,2
Всего	349	100

Согласно нашим исследованиям, семантическая идентичность параллельных библионимов в среднем составляет 0,74 пункта при максимуме в единицу. Для ср.: семантическое расстояние между оригинальными и переводными названиями современных чувашских библионимов соответствует 0,82 единицам [113, с. 262].

Расхождения в переводных названиях дооктябрьского периода в редких случаях можно объяснить внутренними различиями контактирующих языков. Чаще всего в наблюдаемых несовпадениях и упрощениях проявляются сложности в переводческой работе.

Другая черта большинства чувашских изданий того времени – их анонимность, поскольку такая литература представляла собой переводы богослужебной литературы, в частности, житий, псалтырей, молитвенников, в свою очередь также анонимных.

Указание авторства становится обязательным в последней трети XIX в.: «Тора корнны праздник синьчэнь сумах = Поучение учителя чувашина Вас. Васильева в день Богоявления Господня» (Казань, 1871), «Главные церковные праздники Господни и Богородичны = Аслă прасниксем» (перевод с татарского В. Васильева, Казань, 1873), «Жития св. святителей христовых Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских чудотворцев, с прибавлением сведений о мученике-инородце Аврааме Болгарском» (составитель Г. Филиппов, Казань, 1874), «О чуме, как узнавать эту болезнь и что делать для того, чтобы остановить ее распространение = Выльăх мурё» (М. А. Исаков, Казань, 1882).

Важным выразительным показателем чувашской библионимии рубежа XIX–XX вв. следует признать длину заглавий: их средний объем составляет 12,53 слова. Значительные объемы библионимов обеспечиваются, с одной стороны, двуязычным параллельным оформлением заголовков, ср.: «Два поучения о страданиях и смерти господа нашего Иисуса Христа = Иисус Христос Туррăмър асапланса вилни синчен» (Казань, 1898) – 16 слов;

нужнее наша милостыня? = Пирён пулăшу кама кирлĕрех?» (Казань, 1905) – восемь слов; «Патша 1905-мĕш сұлта юпа уйăхĕн 17-мĕш кунĕнче кăларнă манифест Россия халăхĕшĕн епле усăли = Высочайший манифест 17 окт. 1905 г. и его значение для русского народа» (Симбирск, 1906) – 32 слова. С другой стороны, длина чувашского библионима складывается под воздействием сложившейся традиции давать подробные названия книгам, ср.: «Жития святых первоверховных апостолов Петра и Павла и святителя Николая Мирликийского чудотворца» (Казань, 1879) – 12 слов; «Освящение мужского чувашского Александро-Невского монастыря Казанской губер. Козьмодемьянского уезда, совершенное высокопреосвященнейшим Димитрием, архиепископом Казанским, 15 июня 1903 года» (Симбирск, 1904) – 18 слов; «Книга для духовно-нравственного чтения и первоначального наставления в законе божием, составленные для начальных народных училищ и сельских школ протоиереем Платоном Афинским» (Симбирск, 1906) – 21 слово.

Избыточная длина заглавия особенно характерна изданиям официально-деловой направленности, в которых в состав библионима также вносится гриф, ср.: «Ядринское уездное земское собрание. Журналы XXII очередного Ядринского уездного земского собрания, состоявшиеся с 30-го сентября по 4-е октября 1886 года, и доклады уездной управы с приложениями, а также смета и раскладка с объяснительною запискою на 1887 год и отчеты: хозяйственный с 1-го июля 1885 по 1-е июля 1886 года и денежный за 1885 год и за 1-е полугдие 1886 года» (Казань, 1887) – 60 слов; «Цивильское уездное земское собрание. Постановления Цивильского уездного земского собрания XXXXII очередного заседания 10, 11, 12, 13 и 14 октября 1906 года и экстренного заседания 17 февраля 1907 года» (Казань, 1907) – 28 слов; «Проекты уставов: а) Православного Святодуховского духовно-просветительского Братства при храме Симбирской чувашской учительской школы и женского при ней училища и б) Церковного

чувашского трудового женского общежития на речке Вараксарке в Староайбесинском приходе Буинского уезда Симбирской епархии, учреждаемого Святодуховским братством и ходатайство и разрешение устроить молитвенный дом-храм для церковного трудового женского общежития на речке Вараксарке на Староайбесинском приходе Буинского уезда Симбирской епархии» (Симбирск, 1911) – 61 слово.

Чувашские библионимы обретают современный вид в начале XX в.

Таким образом, библионимы в письменных культурах исходно развивались в виде содержательно всеохватного заглавия. К концу XVIII – началу XIX столетий сложился современный тип книгоименования – сущностно-символический, возникший в результате распада сложного библионима на мелкие метатекстовые единицы – имени автора, места и года издания, оглавления (содержания).

В чувашской книжной культуре, представляющей производную от русской, русские хронологические пласты сложных и простых заглавий книг сосуществовали параллельно. Сущностно-символический тип заглавия в чувашской библионимии устанавливается в начале XX в.

§ 1.3. Стилистическая специфика библионимов

Эволюция библионимов со второй половины XIX в. начинает осуществляться с учетом функционально-стилистической составляющей.

В стилистике принято выделять пять функциональных разновидностей письменного употребления языка: публицистический, деловой, научный, художественный и литургический [36; 46; 48; 73; 87]. Каждый из них обладает специфическими чертами, позволяющими точно определить принадлежность текстов к конкретному стилистическому типу.

Названия книг, привязанные к конкретным текстам, представляют собой их минимальные фрагменты, которые не обязаны носить в себе четко очерченное стилистическое значение. Тем не менее современные библионимы, за небольшим исключением, позволяют безошибочно произвести стилистическую идентификацию озаглавливаемого произведения.

Стилистическая специфика библионимов отчетливо проявляется при изучении выполняемых ими функций. В итоге складывается неповторимый образ стилистически обусловленных библионимов (таблица 4).

Таблица 4 – Функции библионимов во взаимосвязи со стилями⁶

Стиль	Функции библионимов						
	номинативная	информативная	концептуально-содержательная	эстетическая	аттрактивная	экспрессивная	символическая
Художественный	+	±	+	+	+	+	+
Публицистический	+	+	+	±	+	+	±
Деловой	+	+	+	–	–	–	–
Научный	+	+	+	–	–	–	–
Литургический	+	+	+	–	–	–	±

Номинативная функция библионимов обязательна. Она реализуется потому, что текст имеет заглавие. Номинативную функцию следует назвать базовой, на основе которой реализуются другие.

⁶ (+) – качество речи поддерживается данным стилем, (±) – необязательный признак стиля, (–) – отрицательное качество стиля.

В дихотомической взаимосвязи с номинативной находится информативная функция, вкладывающая в библионим конкретное значение.

Информативная функция библионимов специфично востребована в художественной литературе в связи с ее стремления к выразительным средствам. «Заглавие выступает в качестве отправной точки и “конечной инстанции” сложного процесса осмысления читателем авторского замысла и происходит это через два вида семантической связи: центробежную и центростремительную... Авторский замысел раскрывается через сюжет и характеры действующих лиц, а читатель начинает осмысление идеи автора, наоборот, по ходу ознакомления с содержанием произведения» [14, с. 140].

В то же время двуединство номинативной и информативной функций обуславливают концептуально-содержательное значение библионимов, отражающее идеи текста: «Характер этого вида информации в художественном тексте определяется тем, что концепт автора отражается в тексте, как правило, опосредованно, в образной и содержательно-фактуальной информации. В текстах научной, научно-популярной и учебной литературы содержательно-концептуальная информация текста получает отражение в тезисах текста» [27].

Эстетическая функция, служащая украшению речи, присуща художественной и публицистической библионимии, и не поддерживается другими разновидностями. В художественных библионимах эстетическая сторона проступает максимально, а в публицистических сглаживается, ср.: «Евгений Онегин» (А. Пушкин) – аллитерация и ассонанс; «Преступление и наказание» (Ф. Достоевский), «Былое и думы» (А. Герцен) – противопоставление; «Барышня-крестьянка» (А. Пушкин), «Бедный принц» (А. Куприн) – оксюморон; «Осень цвета кофе» (Н. Антонова) – скрытое сравнение; «Окаянные дни» (И. Бунин), «Завтра была война» (Б. Васильев) – необычное словоупотребление; «Ленком – мой дом» (М. Захаров), «Человеку мало века» (Ф. Углов) – рифмование и т. п. Аналогичные свойства проявляются и в чувашской библионимии: «Ăмăртупа юрату»

(«Соревнование и любовь», Н. Айзман), «Вёскён Максём» («Максим-хвальбишка», М. Белов), «Сәка сулси саврака» («Узоры на листьях», А. Емельянов), «Утнәсемён усәлать сул-йёр» («Дорогу откроет идущий», А. Галкин) – звукопись; «Сәлтәрсем шыва кёрессё» («Звезды купаются», Ю. Петров) – метафора; «Тәрна сассиллэ кунәмсем» («Дни с журавлиной песней», А. Аливанов), «Симёс ылтән» («Зеленое золото», А. Артемьев), «Сиплэ сәмах» («Целебное слово», А. Галкин) – эпитет; «Юхать юхан шыв» («Течет река», Л. Таллеров) – инверсия; «Юратрәм эп, хирсем, сире» («Полюбил я вас, поля», В. Алендей) – цитата из одноименного стихотворения Я. Ухсая, инверсия, ритм, обращение; «Иртнэ кунсем-сулсем» («Дни и годы минувшие», Т. Юн) – преднамеренное оформление каждой части парного слова *кун-сул* ‘жизнь; судьба’ во множественном числе.

Аттрактивная функция библионимов ставит целью привлечение внимания читателей. Она важна для художественных и публицистических изданий, где высока конкуренция между авторами, и каждый из них пытается вызвать хотя бы первичный интерес к книге, например: «Остров. Подлинная история» (Д. Орехов) – книга отсылает читателя к одноименному художественному фильму П. Лунгина; «Литературная рабыня: будни и праздники» (Н. Сорбатская) – повествование о работе безымянных авторов, пишущих книги за других людей; «От испанки до Covid-19» (В. Новоселов) – издание появилось в период коронавирусной инфекции.

Привлекательность книги в большей степени, чем название, может быть обусловлена именем автора (ср.: «Не унывай!» – книга народной артистки РСФСР Л. Ивановой, «Старый дом» – сборник рассказов известного детского писателя В. Крапивина), известным событием или именем («Чернобыльская молитва» С. Алексеевич, «Довлатов. Биография» В. Попова), а также превосходным полиграфическим оформлением.

Во многом аттрактивность достигается через реализацию в библиониме экспрессивной функции, направленной на усиление эмоционального воздействия на читателей с помощью широкого спектра выразительных

средств, например: «Похороните меня за плинтусом» (П. Санаев) – хоронят на кладбище, «Географ глобус пропил» (А. Иванов) – вряд ли учитель пропивает глобус, «Поляна, где пляшут скворечники» (В. Крапивин) – скворечники не пляшут, «Президент каменного острова» (В. Козлов) – президенты руководят странами или организациями, «Остановите самолет – я слезу» (Э. Севела) – самолет невозможно срочно остановить, «Улыбайлики. Жизнеутверждающая книга прожженного циника» (М. Ганапольский) – окказионализм *улыбайлики*, а также преднамеренно ошибочное орфографирование слова *прожженный*.

Нередко авторы в художественной библионимии стремятся к выражению символической функции. Обычно это происходит благодаря удачно подобранному образу, метафоре или иным тропам, например: «Герой нашего времени» (М. Лермонтов), «Вишневый сад» (А. Чехов), «Алые паруса» (А. Грин), «Плаха» (Ч. Айтматов), «У войны не женское лицо» (С. Алексиевич).

Итак, библионимы художественного стиля в полной мере отзываются на требования выполняемых ими функций. С ними созвучны библионимы публицистического стиля. Указанные стили расходятся в реализации эстетической и символической функций.

Антиподами художественных и публицистических заглавий выступают деловая и научная библионимии. Внешне они как будто одинаково реагируют на требования функций, но внутренне имеют большие различия на лексическом и грамматическом уровнях.

Библионимы всех функциональных стилей положительно отзываются на такие функции, как номинативная, информативная и концептуально-содержательная.

Различия между стилями обнаруживаются в рамках эстетической, аттрактивной, экспрессивной и символической функций. Именно здесь формируются две полярные позиции книгоименования: одна утвердительная, присущая художественному и публицистическому стилям, другая –

не отвечающая заявленным функциям, характерная деловому, научному и литургическому разновидностям.

Функции библионимов взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они проявляют активность в зависимости от стилистической принадлежности текста, и конкретное сочетание активностей создает приватный стилистический образ библионимов.

§ 1.4. Библионимы в аспекте культуры речи

Анализ библионимов во взаимосвязи с коммуникативными качествами речи, на первый взгляд, не имеет особого смысла. Дело в том, что культура речи – наука, отвечающая за строгое соблюдение требований литературного языка. Библионимы как явление письменной культуры не могут нарушать металектические нормы.

Практика именованья книг в целом согласуется с указанным подходом. В то же время, согласно наблюдениям, качественные параметры литературной речи по-разному отзываются на требования функциональных стилей, что находит отражение и в библионимии (таблица 5).

Таблица 5 – Качественные параметры библионимов
в аспекте культуры речи

Стиль	Качества речи						
	точность	логичность	правильность	богатство	чистота	выразительность	уместность
Художественный	±	±	+	+	±	+	+
Публицистический	±	+	+	+	±	+	+

Стиль	Качества речи						
	точность	логичность	правильность	богатство	чистота	выразительность	уместность
Деловой	+	+	+	-	+	-	+
Научный	+	+	+	-	+	-	+
Литургический	+	±	+	±	+	±	+

Точность как коммуникативное качество сводится к безошибочному называнию предметов объективной реальности. В библионимике скорее всего следует расширить понимание точности до состояния, когда название способно полнее, исчерпывающе охватить содержание книги.

В библионимии делового и научного стилей точность признается обязательным параметром. Также нельзя отказать в точности библионимам литургического стиля.

Данное качество своеобразно проявляется в контексте художественной и публицистической литературы. Точность библионимов указанных стилей в основном сводится к использованию тропов и символов, как будто искажающих содержание книг. С другой стороны, библионимия данных сфер сама по себе не дает читателю целостного представления о книге. Художественная библионимия лишь намекает на содержание текста, при этом ее наполнение истинным смыслом происходит по мере знакомства с книгой.

Специфичная точность публицистических текстов чаще отражается в символическом именовании книги, ср.: название «Мастер и Маргарита» М. Булгакова указывает на главных героев романа, но исключительно по нему невозможно определить содержание книги, «А зори здесь тихие» Б. Васильева констатирует спокойствие утреннего часа, но не рассказывает о

трагических сражениях Великой Отечественной войны. То же можно сказать о публицистическом библиониме «Я был на этой войне» В. Миронова – книга повествует о вооруженном конфликте, но о каком? В то же время книга «Чеченский излом» Н. Трошева уже напрямую отсылает читателя к известным событиям отечественной истории рубежа XX–XXI вв.

В публицистической литературе чаще, чем в другой, авторы обращаются к сложной организации названий. Не так редко в ней библионимы состоят из двух частей, первые из которых являются обобщенными, вторые – уточняющими суть книги: «Город. Штурм Грозного глазами лейтенанта спецназа» (А. Загорцев), «Прыжок волка: очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней» (Г. Садулаев), «Валерий Легасов: высвечено Чернобылем» (С. Соловьев, Н. Кудряков, Д. Субботин), «Советский Союз. Последние годы жизни» (Р. Медведев).

Другой параметр культуры речи – логичность – оперирует параметрами синтаксического уровня: части фраз должны состоять в рациональной взаимосвязи. Безусловно логичными обязаны быть названия в сфере научной и деловой литературы. В других стилях логичность заглавий может быть специфичной, обусловленной художественным замыслом авторов, ср.: «Люди в голом» (А. Аствацатуров), «Дважды два равняется одуванчику» (И. Жиленко), «Верх по лестнице, ведущей вниз» (англ. «Up the down staircase») (Б. Кауфман). Алогизмы как художественный прием в библионимии используются в целях придания книгам аттрактивных свойств.

Собственно такое коммуникативное качество речи, как правильность, является базовой, обеспечивающей реализацию других параметров, напрямую связанных с культурой языка [30, с. 40]. У авторов нет объективной необходимости нарушать правила, тем более в условиях мини-текста, каковыми безусловно являются заглавия. Если же происходит сознательное отступление от правил, то оно должно быть уместным. Библионимы кодифицируют то или иное употребление, за исключением явно

ошибочных, например: «Серебряная Булгария: основные вехи истории» (Д. Мадуров, 2018)⁷.

Отметим, что в библионимии существует феномен индивидуальной ошибочной интерпретации заглавий: «Приступ лени на Казани» ← «Преступление и наказание» (Ф. Достоевский), «Тарас и Бульба» ← «Тарас Бульба» (Н. Гоголь), «Дядя Степа-пеликан» ← «Дядя Степа-великан» (С. Михалков), «Старуха Баскервиль» ← «Старуха Изергиль» (М. Горький). В свою очередь феномен ложных названий, мондегринов, может стать основой нового творчества, в частности, других книг и словарей [84].

Богатство речи оценивается количеством языковых знаков, используемых в коммуникации, их разнообразием. Указанным свойством, проявляемым на общесистемном уровне, а не индивидуальном, выделяются художественный, публицистический и литургический стили, на их фоне лингвистически монотонными кажутся деловой и научный. Теми же стилистическими качествами обладают их библионимы.

Богатство библионимов прежде всего обеспечивается лексическими и стилистическими средствами. Важны также синтаксические способы, например, разнообразие типов предложений. Во всех стилях в качестве заглавий книг обычно используются односоставные номинативные предложения, повествовательные по цели высказывания. Но в художественной сфере вполне обычно обращение к двусоставным предложениям, сложноподчиненным фразам, восклицательным и вопросительным конструкциям.

Интересным параметром, свидетельствующим о богатстве библионимов, следует признать их словесную длину. Максимальная

⁷ После обнаружения ошибки книга была переиздана с корректным названием. Обложка с ошибочным орфографированием сохранилась на сайте Национальной библиотеки (см.: В Национальной библиотеке Чувашской Республики состоится презентация исследования Дмитрия Мадурова «Серебряная Булгария: основные вехи истории. – URL : https://gov.cap.ru/Info.aspx?id=3879550&gov_id=49 (дата обращения : 03.02.2024)).

вариативность в количестве слов в названиях книг в диапазоне от одного до n характерна художественной литературе, притом n , согласно нашим исследованиям, в современной русской литературе может выражаться показателем в 18 единиц: «Волшебная голоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы» (М. Сергеев). Средние показатели длин библионимов присущи публицистической и литургической литературе, максимальные – деловому и научному.

Другим средством, обеспечивающим богатство библионимов, следует назвать пунктуацию, сопровождающую заглавия. Так, библионимы делового и научного стилей настолько просты, что практически не требуют никаких пунктуационных знаков. На их фоне публицистические и особенно художественные заглавия используют знаки пунктуации по максимуму, ср.: «Клиническая фармакология в практическом здравоохранении», «Современные аспекты нефрологии детей и подростков» (Т. Настаушева, В. Ситникова), «Справочник по кадровому делопроизводству для работников организаций», «Большая книга директора по персоналу» (Е. Рудавина, В. Екомасов), «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (В. Пелевин), «Я – никто...» (И. Винер), «Зачем я убил коростеля?» (В. Астафьев), «О, этот вьюноша летучий!» (В. Аксенов).

Литургическая библионимия в пунктуационном оформлении занимает промежуточное положение между двумя блоками стилей.

Чистота выражается в использовании в речи литературной лексики и несмешением разностилевых средств между собой. Наиболее чистыми являются деловая, научная и литургическая библионимии.

Правило чистоты речи нарушается иноязычными вкраплениями. Обычно это характерно для художественной и публицистической библионимии, например: «Будущего.net» (В. Шалыгин), где *net* – англ. ‘сеть’; «Паника-upgrade. Кровь Древних» (А. Мазин), где *upgrade* – англ. ‘обновление’; «Ведьма носит Reebok» (Н. Первухина), где *Reebok* – название

американской фирмы; «S-T-I-K-S. Человеческий улей» (А. Каменистый), где *stiks* – англ. ‘палочки’; «Success [успех] в большом городе» (И. Хакамада), «Смит Уилл: Will. Чему может научить нас простой парень, ставший самым высокооплачиваемым актером Голливуда» (У. Смит), где *will* – англ. ‘успех’. Допущение иноязычного неадаптированного материала используется авторами для привлечения внимания читателей. Это мощный элемент, придающий книгам выразительные свойства.

Выразительность библионимов связана с реализацией ими аттрактивной функции, то есть, направлена на привлечение внимания читателей.

Максимальной выразительностью отличаются библионимы художественного и публицистического стилей. Она может быть сформирована с помощью средств всех уровней языковой системы:

– фонетических через обращение к звукописи: аллитерации и ассонансу («Топот шахматных лошадок» В. Крапивина, «По ком звонит колокол» (англ. «For whom the bell tolls») Э. Хемингуэя), «Юратса юрланя юрәсем» («Песня души») Г. Ефимова; «Хурләханәм, ан хурлан» («Не плачь, смородина») М. Волковой), рифме («Москва Ква-Ква!» В. Аксенова; «Тук-тук, это хирург» Ф. Фестуса; «Чунтан-вартан» («От души») Г. Орлова), ритмической организации («Не жалею, не зову, не плачу...» С. Есенина; «А я говорю, вероятно, за многих...» А. Ахматовой), эрративам («КлаТбище домашних жЫвотных» («Pet Sematary») С. Кинга; «Нигде» (англ. «Nowhere») Н. Геймана; «АукцЫон» М. Марголиса), использованию нечитаемых знаков или цифр («Жутко громко & за пределами близко» (англ. «Extremely loud and incredibly close») Д. С. Фозер; «Пи*дец, сказал отец» Дж. Халперна; «11/22/63» С. Кинга);

– лексических путем использования тропов («Бегущая по волнам» А. Грина; «Охотники за мифами» Е. Гагловой; «Кявак хуппи» («Сполохи») С. Лашмана; «Чёре хушать» («Сердце велит») Г. Ангера; «Изысканный труп» (англ. «Exquisite Corpse») П. Брайт; «Когда солнце взойдет на западе»

А. Кей); окказионализмов («Непоэмание» В. Полозковой); «Послемрак» (яп. アフターダーク) Х. Мураками, «Зверочеловекоморок» (пол. «Zwierzoczlekoopior») Т. Конвицкого), игры слов («Иван Царевич и серый морг» Я. Корбут);

– грамматических путем специфичной организации заглавия с помощью инверсии («Не думай о секундах свысока» Р. Рождественского; «Юратрём эп, хирсем, сире» («Полюбил я вас, поля») В. Алендея), прямой речи («Режиссер сказал: одевайся теплее, тут холодно» А. Казанцевой; «Я знаю, ты где-то есть» (фр. «Si tu existes ailleurs») Т. Коэна; «Ты вейнулся, Снеогг, я знаала...» (англ. «You came back, Sneogg, I knew it...»), М. Хуберат), синтаксически осложненного библионима («Жила-была женщина, которая хотела убить соседского ребенка» Л. Петрушевой; «Женщины не умеют парковаться, а мужчины – паковаться!» (англ. «Women can't park, men can't pack») Д. Роллс; «Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения» (швед. «Min mormor hälsar och säger förlåt») Ф. Бакмана).

В свою очередь нарушения коммуникативных качеств речи вполне могут быть осмыслены как средство выразительности художественной и публицистической библионимии.

Между тем библионимы делового, научного и литургического стилей не выделяются выразительностью, ср.: «Устав Организации Объединенных наций», «Справочник по кадровому делопроизводству для работников организаций»; «Неравновесная термодинамика и физическая кинетика» (Х. Биккин, И. Ляпилин), «Биологически активные вещества в растворах: структура, термодинамика, реакционная способность» (В. Абросимов, А. Агафонов, Р. Чумаков и др.), «Русская и Сербская Православные Церкви в XX веке (история взаимоотношений)» (М. Шкаровский), «Санкт-Петербургская (Ленинградская) епархия в 1944–1991 годах: документы и лица», «“К покаянию и исправлению”: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви».

Уместность – важнейшее качество речи, выражающееся в умении строить ее с учетом контекста общения. В библионимии следует говорить о двух аспектах уместности: во-первых, библионим должен соответствовать требованиям функциональных стилей; во-вторых, он обязан гармонично соотноситься с содержанием книги. Так, библионим «Живи и помни» (В. Распутин) в полной мере соответствует ожиданиям художественного стиля и в обобщенной форме дает название истории о дезертирстве героя, повлекшего за собой смерть близкого человека, и его последующей долгой жизни отшельником. Название книги «О соотношении поэтической лексики русского романтизма и церковнославянской традиции» (Ю. Лотман) отвечает требованиям публицистического стиля и рассказывает о влиянии древнерусского языка, церковнославянских элементов на формирование русской поэзии XIX века. Библионим «Документирование трудовых правоотношений» (В. Андреева) свидетельствует о деловой стилистической принадлежности книги и полностью перекрывает ее содержание. Книга под названием «Методы математической статистики в исследованиях мировой экономики и международного маркетинга» (Н. Диденко, Д. Скрипнюк) является научной, а суть ее достаточно полно отражается в заглавии. Название «На руках у Бога. О радости быть христианином» (С. Мажуко) говорит о литургическом содержании текста – о возвышенном характере общения со Всевышним.

Нарушения других коммуникативных качеств речи, точности, логичности, правильности, богатства и чистоты могут быть признаны правомерными, если участники литературного процесса их признают необходимыми, объективно обусловленными.

Таким образом, на основе активности коммуникативных качеств совпадают библионимические образы, с одной стороны, публицистического и художественного стилей, с другой – делового и научного. Разница библионимов названных блоков обеспечивается разным языковым наполнением, зависящим от функционально-стилевой принадлежности

озаглавливаемого текста. Художественный библионим стремится к эстетичности, символизму, пафосу, положительному или негативному, что актуализирует такие качества речи, как выразительность, богатство, уместность и правильность. При реализации тех же качеств публицистическая библионимия ориентируется на актуальные события и сенсационность звучания.

Особняком стоит литургическая библионимия. Она ощущает давление библейской основы, требующей строгого подхода к тексту, фетишизированного восприятия слова с тем, чтобы не допустить разнотолкований Священного Писания. В то же время богослужebная литература стремится быть доступной пастве, и отсюда возникает необходимость в более простых речениях.

В любом случае качественно-коммуникативные параметры библионимов системно обуславливаются в зависимости от функционально-стилистической принадлежности книг и обретают конкретное звучание.

С учетом функционально-стилистической специфики названий книг, установленной выполняемыми ими функциями в сочетании со своеобразными коммуникативными чертами заглавий, формируется многосложный объективный образ каждого типа библионимов. В ряде случаев образ во многом будет сходиться между собой, как это происходит с художественной и публицистической библионимией, или же максимально расходиться – библионимии научного и делового стилей противостоит литургическая традиция.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Библионим как название книги является объектом ономастических исследований.

Книжные названия за всю историю письменности прошли значительный путь развития от сложных именований, представляющих

аннотации, до условных. Библионимы той эпохи в краткой форме стремились обозначить содержание книги в целом и были многословными, что обеспечивало безошибочную идентификацию издания, но лексическая избыточность в названиях была неудобной в использовании. Эволюция библионимов от пространных к упрощенным заняла продолжительное время и завершилась в русской книжной культуре к концу XVIII – началу XIX в. Чувашские библионимы обретают современный вид в начале XX в.

Эволюция библионимов в настоящее время происходит в рамках функциональных стилей.

Научный интерес к художественной библионимии объективен: названия художественных текстов являются результатом многосложной, качественной работы писателя, квинтэссенцией авторской мысли. Они сложнообусловлены, находятся с другими произведениями в тесной интертекстуальной взаимосвязи, нередко становятся основой новых произведений в рамках иных искусств. Указанные проявления не присущи библионимии других функциональных стилей. Объединяет в единое целое все виды библионимов их нацеленность на отражение в заглавии сути книги.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ БИБЛИОНИМОВ

§ 2.1. Количественно-качественный подход к изучению библионимии

В лингвистической науке 1960–1970 гг. ведущими признавались методы математического и статистического анализа. Как отмечает классик отечественного языкознания Б. Н. Головин, «...преподаватели-филологи высших учебных заведений нуждаются сейчас не в математизации своего языка и своих научных представлений, а в доброй помощи математической науки» [31, с. 3].

Указанные подходы в чувашской лингвистике не получили существенного развития, хотя количественные представления о функционировании чувашского языка были бы нелишними.

С нашей точки зрения, изучение библионимов не может быть полновесным без обращения к количественно-качественным методам.

Настоящее исследование носит прикладной характер с выходом на эмпирический уровень.

В рамках работы изучается целый ряд исчисляемых параметров заглавий. Результаты базируются на арифметических вычислениях и определении доли конкретного показателя по процентной шкале. Цифровые данные округляются до сотых.

Возможны два подхода к количественному изучению библионимов: первый простой, стремящийся к описанию генеральной совокупности (в исследовании реализуется в чувашской части), второй предполагает обращение к статистическому инструментарию для установления вероятностных показателей тех или иных признаков (в большей степени подходит для изучения русских библионимов).

В данной работе статистические сведения используются для облечения в цифры свойств библионимии, интуитивно ощущаемых. У автора нет цели

выведения параметров распределения, в том числе вероятностей и частотностей конкретных языковых элементов.

Русская библионимия рассматривается в двух выборках. Первая из них состоит из тысячи названий книг эпических жанров, датируемых второй половиной XX в., и в основном включает в себя заглавия классических литературных текстов, авторами которых являются, в частности, В. Астафьев, А. Битов, Б. Васильев, В. Войнович, С. Довлатов, Ф. Искандер, В. Козлов, В. Липатов, В. Панова, Л. Петрушевская, Э. Севела, А. Солженицын, М. Шолохов.

Вторая русская выборка, представляющая срез с 2001 по 2025 гг., состоит из 500 заглавий книг, написанных современными авторами, среди которых Е. Водолазкин, А. Иванов, О. Назарова, В. Пелевин, Д. Рубина, А. Сальников, В. Сорокин, М. Трауб, Г. Яхина.

Использование второй выборки важно прежде всего для проверки результатов исследования первой базовой части, а также для обозначения путей развития новой библионимии.

Приведенные в данной работе срезы условные, граница между ними проходит по рубежу XX–XXI вв., иначе говоря, вторая выборка является продолжением первой.

Чувашская выборка, состоящая из одной пробы, включает тысячу заглавий второй половины XX в. Если исходить из статистических показателей генеральной выборки, она представляется вполне репрезентативной: по данным Книжной палаты Чувашской Республики с 1769 г., когда была издана первая чувашская книга, по 2024 г. выпущено около 20 тысяч чувашских книг, из которых на чувашском языке около десяти тысяч названий, включая многочисленные переиздания.

В чувашскую выборку преимущественно включены названия прозаических изданий, в основном Л. Агакова, А. Артемьева, И. Лисаева, Е. Лисиной, Б. Чиндыкова, Ф. Уяра и др. с допущением вкраплений, представляющих другие роды литературы. Четкое разграничение книг на лирические, эпические и драматические в чувашской лингвокультуре не всегда бывает возможным, так как имеется заметный пласт сборников, сочетающих прозу с лирикой и драмой.

Вторая чувашская выборка на материале первой четверти XXI в. невозможна по объективным причинам: количество прозаических книг, издаваемых на чувашском языке, недостаточно велико. Собранный новый список чувашских библионимов примерно на 70 процентов состоит из названий поэтических изданий, вследствие чего не может быть использован в рамках настоящей работы.

И чувашская, и русская выборки состоят из названий оригинальных книг, переводные библионимы в исследовании не используются.

В работе дается обобщенный анализ художественных библионимов без дифференциации на жанры, учета гендерной принадлежности авторов, читательского адреса. Это необходимо для формирования базового исследования, предполагающего более узкое целенаправленное изучение библионимии в будущем.

Выборки, как русская, так и чувашская, составлены случайным образом. Названия книг в них включались без предварительной субъективной оценки их лингвистической и литературной оригинальности, что важно в целях объективного системного описания библионимического процесса, так как «достоверность в первую очередь обеспечивается характером отбора элементов генеральной совокупности: выборку должны составлять только случайно взятые элементы, поскольку, в противном случае, можно создать выборку какого угодно объема из нужных для исследователя единиц» [11, с. 62].

Так как «увеличение объема выборки влечет повышение достоверности результатов исследования» [11, с. 62], было принято решение сформировать их объемными – в тысячу единиц каждая. Они фундаментальны по своим свойствам, не делятся на множество проб.

Источниками библионимов послужили библиографические указатели Российской государственной библиотеки, Книжной палаты Чувашской Республики, репертуар книжных издательств, публикуемый в сети интернет.

Качественный анализ результатов, полученных в ходе количественных исследований, по большей части проводится в параграфах, посвященных лексико-семантической и грамматической специфике библионимов.

Очевидно, что библионимия именитых авторов может сама по себе выступить темой отдельных изысканий. Так, значительное литературное наследие принадлежит русским писателям К. Булычеву, В. Крапивину, В. Пелевину, Д. Рубиной. Их библионимия имеет индивидуальные черты: названия приключенческих и фантастических книг К. Булычева более ориентированы на детско-юношеское восприятие и в целом позитивно организованы («Алиса Селезнева. Сто лет тому назад», «Тринадцать лет пути», «Два билета в Индию», «Звездолет в лесу»); издания В. Крапивина о детских переживаниях, где мир естественный и сверхестественный сосуществуют рядом, отражают в себе эту особенность через неожиданные сочетания слов («Голубятня на желтой поляне», «Самолет по имени Сережка», «В глубине Великого кристалла», «Стража Лопухастых островов»); библионимы в творчестве В. Пелевина ориентированы на крайнюю степень выразительности, допуская в широких пределах иностранную лексику в оригинальной графике («Чапаев и Пустота», «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре», «Empire V», «iPhuck 10»); заглавия книг Д. Рубиной многоэмоциональные («Не вычеркивай меня из списка», «Я вас лублу», «Бонжорно, команданте», «Яша, ты этого хотел?»).

Предварительные наблюдения, установленные в ходе сбора фактического материала, сводятся к следующим тезисам:

1. Названия книг XX в. классические, в них строго выдерживаются требования литературного языка. В XXI в. авторами в практику вводятся экспериментальные библионимы с лексическими новообразованиями, неожиданными или алогичными сочетаниями слов, больше встречается названий в форме двусоставных предложений. Последние очень популярны в чувашской литературе XX в.

2. Библионимы существуют в бесконечном пространстве, их четкое разделение на эпохи невозможно. Традиции книгоименования плавно перетекают из одного периода, обусловленного доминирующим литературным течением, в другой, в основе основ сохраняя имяопределяющую опору.

§ 2.2. Фонетические поэтизмы в художественной библионимии

Поэтизмы⁸ – ожидаемый элемент в художественной библионимии. Требовать их открытого использования в каждом отдельно взятом заглавии нельзя. Поэтичностью отличаются названия книг в их цельности, не отражая поэтических свойств в имплицитной форме.

Выразительные средства, поэтизмы, используемые в библионимии, могут быть подсчитаны. Согласно нашим наблюдениям, в русской выборке, включающей тысячу названий, поэтизмов насчитывается 251 единица (таблица 6).

⁸ В настоящей работе под поэтизмом понимаются средства художественной выразительности в целом.

Таблица 6 – Поэтизмы в русской библионимии

Поэтизмы				
всего	фонетические	лексические	морфологические	синтаксические
251	5	188	4	54

Чувашской выборке присущи несколько иные показатели (таблица 7).

Таблица 7 – Количество поэтизмов в чувашской библионимии

Поэтизмы				
всего	фонетические	лексические	морфологические	синтаксические
288	8	138	–	142

Обе библионимические культуры обращаются к поэтическим средствам в равной мере, но при этом русская библионимия более ориентирована на лексические средства выразительности, чувашская – на синтаксические. Несущественными для обеих лингвистических культур следует признать поэтизмы фонетического и морфологического порядка.

Фонетические поэтизмы художественных библионимов по преимуществу проявляются в устной форме. Они могут фонетически, а вслед за ней и графически, отчетливо проступать в названии книги (звукописные элементы) или существовать в скрытой форме (просодические единицы).

Звукопись в виде аллитерации и ассонанса реализуется в поэтических заглавиях. Вместе с тем она проникает и в область библионимии прозаических текстов, ср.: «Бриллианты для диктатуры пролетариата» (Ю. Семенов) – повторение *а, и, л, р*, рифма *бриллианты – пролетариата*; «Снежный дом со свечей на окне» (О. Назарова) – повторение *с, э, о*; «Сатан карта синчи хура хямла сырли» («Ежевика вдоль плетня», Б. Чиндыков) – повторение *а, с, х*, ямбический ритм; «Юратса юратман юрату» («Притворная

любовь», А. Пртта) – повторение *й, у, т, а*, анапест; «Т’аватк’ал т’ёл’ксем» («Квадратные сны», М. Карягина) – повторение *й, ё, т*. Звукопись особо примечательной становится в связи с фоносемантикой, а именно в той части, которая сопряжена с цветовыражением звукобукв [38].

Рифма как составное явление звукописи может присутствовать в названии книги не так часто, например: «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (Л. Филатов) ← *Верьте аль не верьте, а жил на белом свете Федот-стрелец, удалой молодец* (Л. Филатов). Обычно это происходит потому, что в макробиблиониме, обусловленном названием-строкой, уже используется внутренняя рифма. Подобные названия также могут иметь нестихотворную обусловленность: «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле» (А. Алексин).

Что касается просодики библионимии, необходимо отметить: все библионимы без исключения по необходимости могут быть наделены фонетической выразительностью – интонационной.

В соответствии со стилистикой языковых средств допускается три стиля интонирования – нейтральный, высокий и низкий, ср.:

а) нейтральный с ровным произношением:

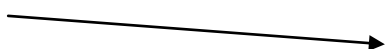
«Апельсины из Марокко» (В. Аксенов);

б) высокий с возрастающей силой и с выдерживанием паузы:

«Апельсины | из Марокко»;

в) низкий с быстрым проговариванием и падением силы произношения:

«Апельсины из Марокко»

Надо полагать, что все библионимы исходно имеют стилистически нейтральную интонацию, которая может быть уточнена с учетом содержания книги.

В редких случаях, когда библионимы содержат другие маркеры, в основном лексические, стилистическая коннотация уже сама по себе может быть прописана в заглавии. Например, книги «Анискин и Боттичелли» (В. Липатов), «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (В. Войнович) имеют ироничный пафос; «Бессмертная любовь» (Л. Петрушевская), «Не стреляйте в белых лебедей» (Б. Васильев), «Семь дней творения» (В. Максимов) – возвышенный.

Другой важной фонетической чертой библионимов является их ритмическая организация. Она прежде всего важна в заглавиях лирических сборников, когда микробиблионим в виде первой строки какого-либо стихотворения переосмысливается в качестве библионима макроуровня: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» (Н. Рубцов) ← *Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, / восторженный сын удивительных вольных племен! / Как прежде скакали на голос удачи капризной, / я буду скакать по следам миновавших времен...* (Н. Рубцов); «Времена не выбирают» ← *Времена не выбирают, / в них живут и умирают* (В. Кушнир); «Среди нехоженных дорог одна – моя» (сборник стихотворений разных авторов) ← *Среди нехоженных путей / один – пусть мой. / Среди невзятых рубежей / один – за мной. / А имена тех, кто здесь лег, / снега таят. / Среди непройденных дорог / одна – моя* (В. Высоцкий).

Тот же поэтический стиль сохраняется в названиях прозаических произведений, представляющих лирические цитаты: «И дольше века длится день» («Буранный полустанок», Ч. Айтматов) ← *И полусонным стрелкам лень / ворочаться на циферблате, / и дольше века длится день, / и не кончается объятье* («Единственные дни», Б. Пастернак); «Как молоды мы были...» (А. Пахмутова, Н. Добронравов) ← *Ничто на Земле не проходит бесследно, / и юность ушедшая все же бессмертна. / Как молоды мы были! /*

Как молоды мы были! / Как искренне любили, / как верили в себя! (Н. Добронравов); «Когда мы были молодые...» (Ю. Мориц), «Когда мы были молодыми» (А. Нехаев) ← *Когда мы были молодые, / когда мы были молодые / и чушь прекрасную несли, / фонтаны били голубые / и розы красные росли, / когда мы были молодые / и чушь прекрасную несли...* (Ю. Мориц).

Такого рода названиям близок жанр одностиший, популярных в современной русской литературе, ср.: «Хотелось бы чуть-чуть всемирной славы», «Я всех умней, но это незаметно», «Ну что тебе сказать о логарифмах?..» (Н. Резник), «Не спрашивай у женщин: почему...», «Боюсь, что я с тобою просто счастлив...», «В пути нас друг от друга уболтало...», «Заслушался, мадам, как Вы молчите...» (В. Вишневский).

В высокопафосном интонационном оформлении библионимов значение имеет пауза, ср.: «Паломничество Ланселота» (Ю. Вознесенская) ≠ «Паломничество | Ланселота»; «Искупить кровью» (В. Кондратьев) ≠ «Искупить | кровью»; «Ўалтӑр витеӑр сул курнать» («Звезда путеводная», букв. «Через звезды видна дорога», Л. Таллеров) ≠ «Ўалтӑр витеӑр | сул курнать»; «Телейсӑр чух телейлӑскер» («Счастливая в беде», Г. Ефимов) ≠ «Телейсӑр чух | телейлӑскер».

В однословных названиях пафос можно выразить интонационно, а также через бóльшую, чем обычно, длительность ударного слога: «Плӑха» (Ч. Айтматов), «О́мут» (С. Яковенко); «Пі́р» (В. Соркин); «Кё́пёр» («Мост», В. Иванов-Паймен), «Нарспі́»⁹ (К. Иванов).

Выделение слов логическим ударением уточняет содержание русских библионимов, ср.: «Приказано выжить» (Ю. Семенов) ≠ «Прика́зано выжить» ≠ «Приказано вы́жить»; «Тринадцатый подвиг Геракла» (Ф. Искандер) ≠ «Трина́дцатый подвиг Геракла» ≠ «Тринадцатый по́двиг Геракла» ≠ «Тринадцатый подвиг Гера́кла». Как показывают примеры с разноместным

⁹ Нарспи – чувашское дохристианское женское имя из перс. نوروژ [но: рӯ:з] ‘новый день’ и чув. тике / ти ‘дева, госпожа’.

логическим ударением, русские библионимы в зависимости от восприятия читателем могут трактоваться по-разному, поэтому в целях объективной интерпретации заглавий важно знать авторскую позицию.

В чувашских библионимах логическое ударение не определяется интонационно, а передается с помощью грамматических средств. Например, ударными становятся слова, занимающие позицию перед сказуемыми и сказуемые в начале высказывания, а также слова, предшествующие частицам: «Юманлăхра çапла пулнă» («Мальчик из Юманлых»), букв. «Тăк случилось в Юманлых», Л. Агаков), «Йрт, купăсçă, маларах» («Дайте дорогу гармонисту»), букв. «Пройди, гармонист, вперед», И. Лисаев), «Асаннёр пур-и?» («Дома ли бабушка?»), букв. «Есть ли бабушка?», В. Енеш), «Анне хăсан канать-ши» («Когда отдыхает мама», букв. «Мама когда же отдыхает?»). Трактовка чувашских библионимов закладывается в них с самого начала самим автором.

Рассмотренные параметры организуют фоннику библионимов, но их не стоит воспринимать в качестве единственно возможных. Удачные заглавия должны звучать гармонично и обладать обаянием, которое обеспечивается всеми языковыми единицами в составе библионимов.

Таким образом, фонетическая сторона бытования библионимов в обеих языковых культурах находит фрагментарное, а не целостное системное отражение. В них либо очевидно существуют конкретные звукописные черты, либо их нет, и тогда поэтичность заглавий формируется в рамках суперсегментной составляющей – через конкретную интонацию.

Поэтичность библионима сильнее всего проявляется в лирических микробиблионимах, вынесенных в заглавие. Там сходятся в единое целое и ритм, и звукопись, включая рифму, и стиль чтения.

§ 2.3. Лексико-семантическая характеристика библионимов

Библионимы рассматриваются в рамках ономастики. Ономастика является частью лексикологии. Значит ли это, что библионимия – сущность исключительно лексическая? Она шире, поскольку вполне может формировать названия, равные предложениям. Следовательно, необходимо говорить о библионимах с позиций синкретизма лексикологии и грамматики, т. е. как о лексико-грамматических единицах.

Другая специфичная черта библионимов – наличие у них лексического значения, которого, согласно ономастическим постулатам, у собственных имен не может быть, при этом у них имеется этимологическое значение, частично перекликающееся с лексической семантикой.

Значение онимов заключается в связи названия с обозначаемым объектом. Но когда дело касается библионимии, данное правило не срабатывает. С одной стороны, библионим – это просто заглавие, и в этом плане у него нет семантики, а есть только функция. С другой – библионим дает тексту смыслообуславливающее название, которое явно превалирует над номинативной функцией.

Семантика библионимов двуслойна. Во-первых, они обладают свободным, поверхностным лексическим значением, когда семантика заглавий выводится на основе языковых единиц, входящих в библионимическую единицу без обращения к содержанию книги. В этом случае название являет собой обычное предложение, даже если оно однословное. Во-вторых, при осмыслении этих самых фраз в качестве библионимов меняется их семантическая трактовка, глубинное лексическое значение заглавий формируется содержанием всей книги, ср.: *вам и не снилось* – нечто невообразимое; то, чего не может быть – «Вам и не снилось» (Г. Щербакова) – история первой любви Романа Лавочкина и Кати Шевченко; *юманлӓх сулӓӓ тӓкмарӓ* (чув. дубрава не сбросила листву) – «Юманлӓх сулӓӓ тӓкмарӓ» («Дубы на сбросили листья», А. Афанасьев) –

роман о жизни чувашской деревни в годы Великой Отечественной войны, значение книги обусловлено народным поверьем, предсказывающим несчастья в предстоящем году, если дубы не сбросят листья к зиме.

Лексическое значение библионимов, дающих название сборникам, наполняется содержанием всех включенных в них текстов, ср.: «Попугай, говорящий на идиш» (Э. Севела) – сборник рассказов о судьбе евреев в эпоху СССР, включающий помимо указанного такие произведения, как «Наш президент», «Волчица», «Белые ночи», «Осведомитель», «Муж графини», «Праведник», «Субботние подсвечники», «Загадочная славянская душа», «Еврейские мелодии», «Исключение из правил», «Морская болезнь», «Фамильное серебро», «Потомок Чингисхана», «Берлинские окна», «Эхо войны», «Судный день», «Очки», «Женщины из Цфата» и «Молитва»; «Каснӑ чӗлӗ» («Отрезанный ломоть», Е. Алексеева-Аксуби) – сборник рассказов о современной жизни, состоящий из таких произведений, как «Сӑка йывӑс авӑнмасть» («Липа не гнется»), «Сумӑр витӗр» («Сквозь дождь»), «Ӱкӗнӳ» («Сожаление»), «Качака ҫилли» («Вымя козы»), «Шурӑ халатлӑ хӗрарӑм» («Женщина в белом халате»), «Юратупа кӗвӗсӳ» («Любовь и зависть»), «Ӑраскал» («Судьба»), «Каснӑ чӗлӗ» и др.; «Тыткӑн – тертлӗ вырӑн» («Через горнило плена») – сборник повестей «Шурӑ ялав айӗнче» («Под белым флагом») П. Андреева, «Тӑшман ункинчен – тыткӑна» («Из вражеского окружения – в плен») Ю. Владимирова и «Тыткӑн – тертлӗ вырӑн» И. Скобелева, являющимися рассказами о войне. В подобных названиях библионим становится многозначным: с одной стороны, озаглавливает конкретный рассказ, с другой – определяет сущность всей книги.

Свободное значение фраз-библионимических аналогов абстрактно, оно может быть случайным, временным. Контекстное же значение библионима привязано к конкретному тексту, оно закреплено в заглавии, дополнительно кодифицировано в сопровождающих документах: в библиографической записи, указателях, базах данных.

В аспекте лексической типологии библионимы могут вступать между собой в различные семантические отношения, в частности, омонимичные и вариативные.

Библионимические омонимы – идентичные названия разных книг, ср.: «Детство» М. Горького и Л. Толстого, «Кавказский пленник» А. Пушкина, Л. Толстого, С. Черного, «Бедные люди» Ф. Достоевского и Л. Толстого, «Лебедянь» И. Тургенева и И. Соколова-Микитова.

Омонимичные библионимы возникают не только в контексте национальной литературы, но и на стыке контактирующих культур: «Золото» Д. Мамина-Сибиряка, Б. Полевого и П. Гринуэя (англ. «Gold», перевод С. Таска); «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (фр. «Les Confessions», перевод Д. Болтина) и Л. Толстого; «Генрих IV» А. Дюма (фр. «Henri IV», перевод М. Позднякова) и В. Д. Балакина; «Семь дней творения» М. Абрамовича и М. Леви; «Семейная реликвия» П. Горелика и Р. Пилчер.

В чувашской литературе омонимичность названий встречается в исключительных случаях: «Џăкăр чĕлли» («Кусок хлеба») Е. Лисиной и Р. Шевлеби; «Песни низовых чувашей» М. Кондратьева и «Sånger från nedre Tjuvasjien» (швед. «Песни низовых чувашей») Е. Лисиной. В последнем случае библионим случаен, символичен, никакого отношения к содержанию книги не имеет, кроме как топоса включенных в сборник прозаических произведений: события в них разворачиваются в среде низовых чувашей.

Заметный слой омонимов составляют технические наименования сборников, частых в обеих лингвокультурах: «Избранное», «Избранные произведения» / «Суйласа илнисем», «Малое собрание сочинений», «Собрание сочинений» / «Сырнисен пуххи», «Стихотворения» / «Сăвăсем».

Библионимические варианты – вторые названия книг, как правило, различающиеся по языковому наполнению на фоне утвердившегося библионима. Обычно они существуют сами по себе как первично реализованные исторические библионимы и в некоторых случаях могут сопровождать основное название в скобках, например: «Роман о дьяволе» /

(«Мастер и Маргарита») М. Булгакова, «Евдокия» («Семья Пирожковых») В. Пановой, «Бурлаксем (Элнет)» («Бурлаки (Элнет)») Н. Мранькки, «Вутра (Шуррисемпе сапӑсни)» («В огне (Борьба с белыми)»), В. Краснов-Асли).

У библионимов могут появиться варианты при реализации исходной литературной основы в рамках других искусств, например: повесть «А зори здесь тихие» Б. Васильева и опера «Зори здесь тихие» К. Молчанова, повесть «Спутники» В. Пановой и фильм «На всю оставшуюся жизнь...» П. Фоменко, драма «Айтар» («Айдар») П. Осипова и постановка «Пирён пурнӑç хӑтлӑхра» (букв. наша жизнь в благодати) В. Оринова, драма «Константин Иванов» И. Максимова-Кошкинского и спектакль «Вёри юнлӑ семсе чун» (букв. мягкая душа с горячей кровью) В. Яковлева.

Межотраслевая вариативность еще более усложняется в условиях межкультурной коммуникации, например: повесть «Барышня-крестьянка» А. Пушкина = инсценировка «Чунӑм, Лиза-Акулина» (чув. «Душа моя, Лиза-Акулина»), драма «Чайка» А. Чехова = «Пилӑк пӑтлӑ юрату» (чув. «Пять пудов любви»). Последнее название связано с отзывом самого автора о драме: «много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви» [121, с. 85].

В библионимии встречаются и паронимы, например: «Бессмертник» (Н. Сова) – «Бессмертный» (О. Славникова); «Как молоды мы были» (Н. Добронравов) – «Когда мы были молодые...» (Ю. Мориц) – «Когда мы были молодыми» (А. Нехаев); «Сто дней до потопа» (В. Вознесенская) – «Сто дней до приказа» (Ю. Поляков); «Вӑйӑран вӑкӑр» («Играй, да меру знай, О. Алексеев) – «Вӑйӑран вӑкӑр тухать» («Не шали с огнем», П. Вашават, В. Савельев).

Другая специфичная черта современной библионимии заключается в использовании авторами в озаглаивании книг неологизмов и окказионализмов, например: «Счастьеловка» (А. Левкин), «Непоэмание» (В. Полозкова), «Алхимистика Кости Жихарева» (М. Успенский), «Космотехнолухи» (О. Громыко), «Славянская чудо-юдология»

(А. Никольская), «Куклолов» (Д. Стрельченко), «Совдетство» (Ю. Поляков), в которых встречаются несуществующие лексические единицы *счастьеловка*, *непоэманье* (*непонимание* + *поэма*), *алхимистика*, *космотехнолухи*, *чудо-юдология*, *куклолов*, *совдетство* (советское детство).

Словотворчество в библионимии было активным и прежде, ср.: «Аристофаниана с лягушками» (В. Аксенов, 1967), «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» (В. Войнович, 1976), «Ночной Сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году» (В. Каверин, 1983), в которых такие слова, как *аристофаниана*, *иванькиада*, *Немухин* по настоящее время можно квалифицировать в качестве неологизмов.

Следующей лексической особенностью художественной библионимии должна бы стать ее привязка к поэтическим средствам. Однако исследования показывают, что внешнепроявляемый поэтизм присущ лишь четверти заглавий (таблицы 6 и 7).

Основными выразительными средствами русской библионимии выступают лексические единицы, среди которых эпитеты, сочетания слов с антонимичными значениями, парадоксальными отношениями, разностилевой принадлежностью, аллюзии, библеизмы, макаронизмы и т. п.: «Бабочка на штанге» (В. Крапивин), «Белые одежды» (В. Дудинцев), «Воюющие псы одиночества» (А. Маринина), «Голубое сало» (В. Сорокин), «Дверь в чужую жизнь» (Г. Щербакова), «Дни и ночи» (К. Симонов), «Живые и мертвые» (К. Симонов), «И был вечер, и было утро» (Б. Васильев), «Козы и Шекспир» (Ф. Искандер), «Конспект романа» (В. Панова), «Мой дедушка – памятник» (В. Аксенов), «Бегство рогатых викингов» (В. Крапивин), «Белый квадрат» (В. Сорокин), «В четверг после дождя» (А. Битов), «Возвращение блудного мужа» (Ю. Поляков), «Не хлебом единым» (В. Дудинцев), «Семь дней творения» (В. Максимов), «В поисках грустного бэби» (В. Аксенов), «Время секунд хэнд» (С. Алексиевич).

В порядке исключения в русской библионимии встречается метонимия, оксюморон и гипербола: «Говорит седьмой этаж» (А. Алексин), «Горячий снег» (Ю. Бондарев), «Миллион приключений» (К. Булычев).

Интересным представляется сочетание нескольких поэтизмов в одном названии. Таких библионимов обнаруживается не так уж и много, и в основном они сочетают в себе выразительные элементы разных уровней: «Кораблики, или “Помоги мне в пути...”» (В. Крапивин) – деминутив, сдвоенное заглавие, цитата; «Жила-была старушка в зеленых башмаках...» (Ю. Вознесенская) – фольклоризм, ритм; «Ивушка неплакучая» (М. Алексеев) – деминутивная форма существительного, аллюзия и антонимия относительно ботанического названия *ивушка плакучая*, инверсия; «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» (В. Войнович) – неологизм, двойное название; «Ночевала тучка золотая» (А. Приставкин) – ритм, инверсия, эпитет.

В чувашской библионимии наиболее востребованы метафора, эпитет, архаичная лексика, афоризмы: «Алăри пурнесем те тан мар...» («Не все пальцы равны...», В. Кузьмин), «Вёсекен кўлĕ» («Летающее озеро», Е. Лисина), «Вутпа сулам витёр» («Сквозь огонь и бурю», С. Эльгер), «Йўсĕ пыл» («Горький мед», Л. Федорова), «Сĕнĕ пурнăс хĕвелĕ» («Солнце новой жизни», М. Сеспель), «Анлă Атăл хĕрринче» («На широкой Волге», И. Григорьев), «Кăвак куслă ачалăх» («Голубоглазое детство», Н. Ыдарай), «Кĕмĕл пĕлĕтсем» («Серебряные облака», Н. Терентьев), «Айпике» («Айпиге», Н. Васильев), «Сурпанлă сурăх» («Овечка в сурбане», А. Савельев-Сас), «Элпи чечекĕсем» («Цветы Эльби», М. Юхма), «Ĕмĕр тикĕс килмест» («Прожитого не вернуть», Г. Краснов), «Сăкăртан асли сук» («Хлеб – имя существительное», букв. нет важнее хлеба, А. Алексеев).

Среди редких поэтических единиц чувашской библионимии следует назвать повторы, уточнения, оксюморон, диалектизмы, антонимичные отношения: «Виçĕ ывăлпа виçĕ хĕр» («Три сына, три невесты», В. Алендей), «Ĕмĕтленнĕ ĕмĕт» («Заветная мечта», П. Осипов), «Ўркенмен кахал» («Лентяй», букв. неленивый лентяй, Г. Луч), «Сарамат пĕкки» («Радуга на

рассвете», букв. дуга сарамата, Г. Краснов), «Сёрен кёперё умёнче» («У подножия радуги», А. Галкин), где *сарамат пёкки, сёрен кёперё* – диал. радуга; «Инсетре ку пулнă, Тухăсра» («Далеко то было, на Востоке», Н. Евстафьев), «Тыр вырнă чух, ирхине» («Утро на жатве», С. Эльгер), «Ырăпа усал» («Доброе и злое», Н. Терентьев).

Ряд чувашских библионимов сочетает в себе несколько поэтизмов: «Малалла – хёвел анăснелле!» («Вперед – на запад!», М. Уйп) – уточнение, пафос; «Паттăрсем хыпарсăр сұхалмассё» («Герои без вести не пропадают», М. Кибек) – афористичность, предикативность; «Пуслăха мёнле юрамаллаши?» («Как угодить начальству?», В. Синичкин) – предикативность, вопрошение; «Уйăх витёр сул курнать» («Сквозь лунный свет серебрится дорога», М. Кибек), «Сулăм витёр сул выртать» («Дорога в пламени», А. Алга) – фольклоризм, предикативность; «Сунатсăр-и эфир?» («Мы безкрылые?», А. Лукин) – предикативность, инверсия, риторический вопрос; «Шавласа сулсă тăкăнать» («Шумят осенние листья», букв. с шумом литься падают, Л. Таллеров) – предикативность, инверсия.

Рассмотрение библионимов в целях их распределения по лексико-семантическим группам не имеет смысла. Желателен иной подход к установлению семантической типологии заглавий. Таким подходом, на наш взгляд, можно назвать объективные, признаковые и иные классификации, актуализирующиеся в связи с целями конкретных исследований. В рамках настоящей работы в качестве примера рассматривается классификация, направленная на изучение функционирования собственных имен в составе библионимов.

Имя в имени – интересное явление, заслуживающее внимания в силу существования самого феномена. В указанной ситуации имя остается существительным в функции подлежащего или дополнения. Никаких дополнительных преобразований с именем, его усложнение в составе другого имени не происходит. Оно включается в структуру другого названия по необходимости на правах обычного слова.

Подсчеты показывают, что русские библионимы в большей степени, чем чувашские, включают в себя собственные имена, а также составляют большее качественное разнообразие (таблица 8).

Таблица 8 – Собственные имена в русской библионими
(на основе выборки в тысячу единиц)

Виды онимов	Частота	Примеры
Антропонимы	129	«Один день Ивана Денисовича» (А. Солженицын), «Необычайные похождения Севы Котлова» (А. Алексин), «Любавины» (В. Шукшин)
Топонимы	49	«В окопах Сталинграда» (В. Некрасов), «Витька с Чапаевской улицы» (В. Козлов), «Москва – Петушки» (В. Ерофеев)
Названия предметов, объектов и явлений	4	«Гравилет “Цесаревич”» (В. Рыбаков), «Операция “Икс два нуля”» (В. Липатов), «Отель “У погибшего альпиниста”» (братья Стругацкие), «Тойота Королла» (Э. Севела)
Зоонимы	2	«Белый Бим черное ухо» (Г. Троепольский), «Фактор Мурзика» (В. Войнович)
Всего	184	

Доля библионимов с собственными именами в русской выборке стремится к 20 процентам. В чувашской же библионимии доля собственных имен в три раза меньше, чем в русской (таблица 9).

Таблица 9 – Собственные имена в чувашской библионимии

Виды онимов	Частота	Примеры
Антропонимы	47	«Нарспи» (К. Иванов), «Салампи» («Саламби», А. Артемьев), «Араслан» (Г. Луч), «Чи матурри – Урине» («Самая храбрая Урине», В. Енеш)
Топонимы	16	«Сёнъял ачисем» («Дети Синьяла», Е. Лисина), «Атълпа Сёве хушшинче» («Между Волгой и Свягой», А. Алга), «Энёш хёрринче» («На берегу Аниш», Г. Терентьев)
Всего	63	

В чувашской выборке встречается только два вида имен: антропонимы и топонимы. При этом число первых заметно превышает количество вторых. Для ср.: в русской библионимии отмечены четыре вида собственных имен: доминирующие антропонимы и топонимы, а также единичные зоонимы, названия предметов, объектов и явлений.

Итак, поэтизм русской библионимии обусловлен лексически в большей степени, чем поэтизм чувашских заглавий, в целом тяготеющих к синтаксическим способам выразительности.

Русская библионимия, по сравнению с чувашской, создается более широким кругом выразительных средств: разнообразие поэтических элементов чувашской и русской культур выражается соотношением 1 : 2.

При этом поэтичность чувашской библионимии несколько выше русской.

§ 2.4. Грамматическая специфика библионимов

Практически все специфичные свойства заглавий реализуются в условиях библионимического мини-текста, напрямую сопряженного с грамматическим ярусом.

Морфемный уровень задействован в библионимическом процессе в скрытой форме, и его участие в озаглавливании книги можно обнаружить лишь через использование количественных методов.

Элементарный морфологический параметр, который можно измерить, – распределение лексических единиц, входящих в состав библионимов по частям речи.

Согласно результатам вычислений, обе русские выборки имеют схожие показатели: основная часть речи в библионимах – имена существительные с долей в 57,63 процентов (таблица 10). Сказанное также подтверждается наблюдениями О. Е. Фроловой: «Анализ заглавий с грамматической точки зрения свидетельствует о безусловном доминировании именительного падежа (которым обычно соответствуют существительные. – М. А.) ...» [116, с. 51].

Таблица 10 – Распределение частей речи в русской библионимии
(выборка в 1000 единиц)

Часть речи	Слов	Доля, в %
имена существительные	1582	57,63
имена прилагательные	346	12,6
предлоги	265	9,65
имена числительные	115	4,19
глаголы	112	4,08
местоимения	97	3,53

Часть речи	Слов	Доля, в %
союзы	93	3,39
наречия	63	2,95
причастия	38	1,38
частицы	30	1,09
подражательные слова	3	0,11
междометия	1	0,04
Всего	2745	100

Как видно из таблицы, между существительными и следующей частью речи – именами прилагательными – наблюдается резкое падение частотности – почти в пять раз. Затем в ранжированное следование знаменательных частей речи включаются предлоги с долей в 9,65 процентов, далее следуют имена числительные (4,19 %), глаголы (4,08 %), местоимения (3,53 %), союзы (3,39 %) и наречия (2,95 %). Наименее частотны причастия (1,38 %), частицы (1,09 %), подражательные слова (0,11 %) и междометия (0,04 %).

Отметим, что в пробе в 500 библионимов наблюдаются те же свойства, присущие основной выборке (таблица 11).

Таблица 11 – Распределение частей речи в русской библионимии
(выборка в 500 единиц)

Часть речи	Слов	Доля, в %
имена существительные	794	58,98
имена прилагательные	170	12,61
предлоги	99	7,34
глаголы	68	5,04
местоимения	61	4,52

Часть речи	Слов	Доля, в %
наречия	46	3,41
имена числительные	40	2,97
союзы	36	2,67
причастия	16	1,19
частицы	16	1,19
междометия	2	0,15
Всего	1348	100

Выявленные расхождения между показателями обеих выборок кажутся случайными.

Важным, на наш взгляд, является сравнение показателей частей речи в библионимии с аналогичными показателями в художественной литературе. Согласно частотному словарю русского языка, части речи в художественном стиле распределяются в следующем порядке: существительные – 23,44 процента, глаголы – 18,96, местоимения – 14,94, предлоги – 10,54, наречия – 8,98, союз – 8,56, прилагательные – 7,37, числительные – 0,99, частицы – 1,1, причастия – 1,05 [118, с. 927]. Иначе говоря, во всех выборках, включая чувашскую (таблица 12), доля имен существительных в библионимах почти в три раза превышает их количество в обычной художественной речи. Таким образом, в библионимии в большей степени чувствуется стремление к использованию имен существительных, т. е. библионимы в прямом смысле стремятся к озаглавливанию книги при помощи существительных.

Чувашская выборка дает еще более контрастные показатели между именами существительными и прилагательными, нежели русская, – их доли различаются уже в семь раз, ср.: 67,35 процентов существительных против 9,76 процентов прилагательных (таблица 12).

Таблица 12 – Распределение частей речи в чувашской библионимии (выборка в 1000 единиц)

Часть речи	Слов	Доля, в %
имена существительные	1436	67,35
имена прилагательные	208	9,76
глаголы	128	6,0
причастия	83	3,89
местоимения	73	3,42
имена числительные	66	3,09
послелог	44	2,06
деепричастия	32	1,50
частицы	28	1,31
наречия	24	1,13
союз	6	0,28
междометия	2	0,09
подражательные слова	2	0,09
Всего	2132	100

Чувашская библионимия в сравнении с русской более глагольная: доля глаголов и их форм (причастий и деепричастий) в сумме составляет 11,39 процентов и превосходит долю прилагательных.

Неожиданным свойством следует признать наличие подражательных слов (0,11–0 %¹⁰) и междометий (0,04–0,15 %) в русской библионимии. Казалось бы, они должны быть более органичными в чувашской библионимической практике в силу специфики языка, тяготеющего к использованию подражательных слов [5; 6; 50], но их доля в чувашской

¹⁰ Данные первой и второй выборок.

выборке меньше, чем в русской – по 0,09 процента междометий и подражательных слов.

Значительными являются различия русской и чувашской библионимии по таким свойствам, как предметность, качественность и динамизм (таблица 13).

Таблица 13 – Предметность, качественность и динамизм библионимов¹¹

Параметры	Русская выборка – 1	Русская выборка – 2	Чувашская выборка
предметность	3,66	3,59	4,49
качественность	0,24	0,25	0,15
динамизм	0,07	0,08	0,14

Обе русские выборки удивительным образом выражаются близкими показателями исследуемых параметров.

На фоне русских библионимов резко выделяются данные чувашской выборки. Чувашские библионимы более предметны и динамичны, но менее качественны. Так, предметность заглавий на чувашском языке в 1,23, динамизм в два раза выше русских; качественность чувашских библионимов ниже русских в 1,6 раза. Для ср.: согласно предварительным наблюдениям Б. Н. Головина, предметность русских сказок составляет 0,83, качественность – 0,07, динамизм – 0,97; предметность научного текста – 2,07, качественность – 0,36, динамизм – 0,12 [31, с. 148].

Показатели предметности, на наш взгляд, подтверждают номинативный настрой озаглавливания книг, присущий обеим

¹¹ Вычисления на основе формул Б. Н. Головина: «Предметность может измеряться отношением числа имен существительных и местоимений-существительных к числу прилагательных и глаголов: $P = C + Mc / P + G$. Качественность можно измерить отношением числа прилагательных и наречий к числу имен существительных и глаголов: $K = P + H / C + G$.

Действенность (динамизм) допустимо определять через отношение глаголов к именам и местоимениям: $D = G + Pч + Дч / C + P + M$ [31, с. 147].

лингвокультурам. В то же время повышенный динамизм чувашских библионимов обусловливается сильной глагольной природой самого чувашского языка и традицией номинирования книг полновесными фразами.

Самым важным в исследовании библионимии следует назвать синтаксический аспект. Он в первую очередь возводится к такой элементарной исчисляемой категории, как длина библионимов в словах. В обеих русских выборках средняя длина художественных заглавий составляет 2,7 слова.

Согласно подсчетам, самые востребованные названия книг состоят из двух слов – 35,5 процентов в первой русской выборке и 35,2 процентов во второй. Популярны названия из трех единиц: 25,5 процентов (во второй выборке 22,2). В русской библионимии высока доля однословных названий – 16,2 процентов (20 %) (таблицы 14 и 15).

Самые востребованные длины библионимов – в два-три слова: их доля в первой выборке составляет 61 процент в первой выборке и 57,4 во второй. Учет следующего показателя – доли однословных названий – увеличивает долю самых востребованных длин библионимов до более чем 77 процентов.

Таблица 14 – Распределение длин русских библионимов по количеству слов
(выборка в 1000 единиц)

Длина библионимов в словах	Количество библионимов	Доля, в %
2	355	35,5
3	255	25,5
1	162	16,2
4	131	13,1
5	48	4,8
6	23	2,3

Длина библионимов в словах	Количество библионимов	Доля, в %
7	11	1,1
8	5	0,5
9	4	0,4
10	4	0,4
11	1	0,1
15	1	0,1
Всего	1000	100

В первой русской выборке наблюдается резкое падение доли разнообъемных библионимов с каждым шагом – до десяти процентов: доля двусловных библионимов – 35,6, трехсловных – 25,5, однословных – 16,2. Во второй выборке данная закономерность выдерживается не столь последовательно: 35,2 – 22,2 – 20,0 – 12,0.

Данные второй русской выборки идентичны первой. Имеются незначительные различия в пределах случайности.

Обращает на себя внимание такой момент, как ранжированное распределение объема библионимов в словах: оно в обеих выборках абсолютно идентично.

Таблица 15 – Распределение длин русских библионимов по количеству слов
(выборка в 500 единиц)

Длина библионимов в словах	Количество библионимов	Доля, в %
2	176	35,2
3	111	22,2
1	100	20,0

Длина библионимов в словах	Количество библионимов	Доля, в %
4	60	12,0
5	22	4,4
6	15	3,0
7	11	2,2
8	2	0,4
9	1	0,2
10	1	0,2
11	1	0,2
Всего	500	100

На фоне русской чувашская библионимия имеет радикальные отличия. Средняя длина чувашских библионимов в словах – 2,1 против 2,7 в русских выборках. Наиболее востребованная длина чувашских библионимов в два слова – почти 56 процентов, затем наблюдается резкое падение доли одно- и трехсловных названий – до 19 процентов (таблица 16). Названия в четыре слова редки, в пять-шесть слов – исключение.

Таблица 16 – Распределение длин чувашских библионимов по количеству слов (выборка в 1000 единиц)

Длина библионимов в словах	Количество библионимов	Доля, в %
2	559	55,9
1	192	19,2
3	191	19,1
4	49	4,9
5	6	0,6

Длина библионимов в словах	Количество библионимов	Доля, в %
6	3	0,3
Всего	1000	100

Чувашская библионимия избегает слишком длинных названий: максимально зафиксированные заглавия в изученном срезе имеют шесть слов («Сатан карта синчи хура хӓмла сырли» («Ежевика вдоль плетня», Б. Чиндыков); «Сак юрра эп ахаль мар юрларӓм» («Я не зря спел эту песню», В. Митта; «Сӓр сирӓм утӓм та виӓӓ талӓк» («Сто двадцать шагов и трое суток», В. Садай)), в то время как в русской – 15 («Ночной Сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году», В. Каверин).

Во всех случаях наблюдается закономерность: чем длиннее библионим, тем ниже его частотность.

Другим значимым аспектом научного анализа библионимов является исследование их синтаксических свойств.

Существует два подхода к синтаксической классификации библионимов. Первый из них предполагает распределение заглавий на словоформы, словосочетания и предложения. Второй же требует квалификации всех названий исключительно в качестве предложений.

Библионимы-словоформы, выделяемые в отдельную группу библионимов, состоят из одного знаменательного слова, чаще из имени существительного в именительном падеже. Библионимы, выраженные словоформами, могут рассматриваться как синтаксемы в тех случаях, когда они выполняют синтаксическую функцию (являются элементом неполного предложения) или когда они являются ключевыми элементами, вокруг которых строится понимание всего текста. В данной категории библионимов выделяется одно слово, которое несет смысл и является ключевым элементом, характеризующим содержание произведения, например: повесть

«Буря» В. Воеводина повествует о молодом матросе, пережившем шторм; роман «Искупление» Н. Брыкина посвящен судьбе героя, занятом трудным поискам правды жизни в годы Гражданской войны; книга «Глухомань» Б. Васильева рассказывает не столько о жизни в одноименном городе, а сколько о глухомани в душах людей; баллада «Ар сури» («Леший») чувашского писателя М. Федорова являет собой пересказ быличек о лешем; книга «Кёпер» («Мост») В. Иванова-Паймена так озаглавлена, поскольку в ней описывается начало новой жизни, и роман завершается эпизодом о возведении моста через реку из чувашской деревни в русскую. Выбор существительного в качестве заглавия – это важный стилистический прием, позволяющий автору эффективно управлять вниманием читателя и передавать ключевые идеи произведения.

Библионимы, где используются нарицательные имена существительные, обозначают общие понятия, предметы, явления или классы объектов, а не конкретные единичные экземпляры. Они используются для выполнения широкого спектра задач, определяемых как контекстом произведения, так и замыслом автора. Выбор нарицательного имени существительного в качестве заглавия – это осознанный прием, позволяющий автору точно и лаконично обозначить тему произведения, создать нужную атмосферу и наладить контакт с читателем.

Библионимы, в которых используются собственные имена существительные, обозначают конкретные, единичные объекты, лица, места или события. Использование собственных имен в заглавиях преследует определенные цели, связанные с акцентированием уникальности, конкретности и индивидуальности. Использование собственных имен существительных в заглавиях – это мощный инструмент, позволяющий автору акцентировать внимание на конкретных объектах, создавать эффект достоверности, привлекать читателя и выражать свои идеи через ассоциации и символы. В рамках этого подхода собственные имена существительные могут быть представлены следующим образом:

а) антропонимы (обозначают конкретного человека, который является главным героем, ключевой фигурой или просто играет важную роль в произведении), например: «Бубуш» (Ю. Кисина), «Ёлтышевы» (Р. Сенчин), «Заххок» (В. Медведев), «Чагин» (Е. Водолазкин), «Илюк» («Илюк»¹², М. Акимов), «Катя» (Н. Янгас), «Хветусса» («Феодосия», В. Алендей).

Библионимы-антропонимы, используя имена собственные людей, акцентируют внимание на конкретной личности, которая зачастую является главным героем, определяя через его судьбу тематику произведения, создавая эффект достоверности и реалистичности, привлекая внимание к известной личности или к особенностям характера и судьбы персонажа, формируя определенные ожидания читателя и иногда неся символическую нагрузку, связанную с именем или его носителем;

б) зоонимы (имена собственные, присваиваемые отдельным животным для их идентификации), например: «Каштанка» (А. Чехов), «Конек-Горбунок» (П. Ершов), «Мухтар» (И. Меттер), «Улӑхпи» («Луговая», Е. Лисина).

Библионимы-зоонимы используются для того, чтобы сфокусировать внимание на конкретном животном как главном герое, вызвать определенные эмоции (симпатию, сочувствие), создать образ верности, преданности и раскрыть отношения между человеком и животным;

в) топонимы (названия конкретных географических объектов): например, «Брисбен» (Е. Водолазкин), «Вонгозеро» (Я. Вагнер), «Остров Крым» (В. Аксенов), «Атӑл» («Волга», А. Эсхель), «Хусан» («Казань»).

Библионимы-топонимы выполняют множество функций: определяют место действия и создают атмосферу, связывают произведение с историческим контекстом, отражают тему и проблематику через символизм места, персонифицируют пространство, делая его действующим лицом, привлекают внимание экзотичностью, выражают авторское отношение и

¹² Илюк – рус. Илья.

могут использоваться в метафорическом смысле, формируя у читателя определенные ожидания и представления о произведении.

Также можно выделить библионимы-эргонимы (названия организаций, учреждений), библионимы-хрононимы (названия исторических событий), библионимы-мифонимы (имена мифологических существ и персонажей), библионимы-космонимы и библионимы-астронимы (названия небесных тел и созвездий) и т. п.

С точки зрения количественной характеристики обозначаемых предметов, выделяют следующие группы библионимов:

а) библионимы-существительные в форме единственного числа, например: «Шалаш» (А. Кононов), «Библиотекарь» (М. Елизаров), «Восход» (П. Замойский), «Набег» (О. Гурьян), «Ултав» («Обман», Л. Агаков), «Сёлкёш» («Мокрый снег», С. Павлов), «Ахрём» («Эхо», Н. Петровская), «Арсури» («Леший», М. Федоров);

б) библионимы-существительные в форме множественного числа: «Фашисты» (К. Рябов), «Спутники» (В. Панова), «Рядовые» (Е. Гурвич), «Тавансем» («Родные», П. Ял кир), «Сёлкусем» («Родники», И. Михайлов), «Телейлисем» («Счастливые», А. Лазарева), «Йёрсем» («Следы», А. Ерусланов).

Библионимы, представленные существительными в форме единственного или множественного числа, являются своеобразным инструментом, способным значительно влиять на восприятие произведения и формировать у читателя или зрителя определенные ожидания. Выбор между единственным и множественным числом в заглавии – это не просто вопрос грамматики, а тщательно продуманный стилистический прием, служащий для передачи конкретных смысловых оттенков и подчеркивания ключевых аспектов содержания.

Словосочетания – следующая группа библионимов, представленные как сочинительными, так и подчинительными сочетаниями слов.

«Сочинительные словосочетания – соединения однофункциональных форм слов на основе сочинительной связи. Их общая формула – форма слова + однофункциональная ей и соединенная с ней сочинительной связью форма другого слова (формы других слов)» [12, с. 599]. Выделяют следующие виды сочинительных словосочетаний:

1) существительное + существительное с союзом *и* (чув. *тата, та / те, -на / -не*): «Костры и зори» (Н. Алексеев), «Будни и праздники» (Н. Давыдова), «Мастер и Маргарита» (М. Булгаков), «Море и люди» (Г. Гук), «Братья и сестры» (Ф. Абрамов), «Друзья и враги» (К. Симонов), «Цветы и звезды» (Г. Валиков), «Мороз и солнце!» (М. Смородинов), «Ашшэ, амашэ тата хёрэ» («Отец, мать и их дочь», Г. Ефимов), «Карач Иванов тата Берия» («Герасим Иванов и Берия», Г. Краснов), «Сёр тата сын» («Земля и люди», В. Садай), «Поль тата Палюк» («Поль и Палюк», С. Ялавин), «Сулсем тата сынсем» («Годы и люди», Б. Борлен), «Ёнену тата шанчак» («Вера и надежда», В. Пастухов), «Вэхат тата шэпа» («Время и судьба», М. Ара), «Амартупа юрату» («Совревнование и любовь», Н. Айзман), «Туслэхпа юрату» («Дружба и любовь», А. Афанасьев).

К этой же подгруппе относятся субстантивированные полные прилагательные и причастия с союзом *и*: «Белые и черные» (А. Котов), «Живые и мертвые» (К. Симонов), прилагательные в предложном падеже, множественном числе «О смелых и умелых» (Н. Богданов), а также краткие страдательные причастия с союзом *и*: «Прокляты и убиты» (В. Астафьев);

2) деепричастие + деепричастие с союзом *и*: «Ликуя и содрогаясь» (И. Бабель), «Йёплесе те питлесе» («За ушко да на солнце», А. Калкан);

3) количественно-именные сочетания с союзом *и*: «Две зимы и три лета» (Ф. Абрамов), «Вищё кун та вищё каş» («Три дня и три ночи», Ф. Уяр);

4) наречие + наречие с союзом *и*: «Отныне и навсегда» (Л. Вершинин), «Близко и далеко» Б. Полевой.

Значительную группу библионимов составляют подчинительные словосочетания. «Подчинительные словосочетания – это основанные на

подчинительной связи соединения слов (главный компонент) с определенной формой другого слова (зависимый компонент). Общая формула подчинительных словосочетаний – слово + соединенная с ним подчинительной связью форма другого слова» [12, с. 599].

Библионимы данной подгруппы могут быть выражены простыми и сложными словосочетаниями, ср.: «Горная весна» (А. Авдеенко), «Крутая волна» (В. Азаров), «Суя телей» («Ложная любовь», Л. Агаков), «Ылтән вәчәра» («Золотая цепочка», Л. Агаков), «Йёплё роза» («Колючая роза», Ю. Григорьев); «В год великого пробуждения» (Х. Абдрашитов), «Тайна двух океанов» (Г. Адамов), «Необычайные похождения Севы Котлова» (А. Алексин), «Комната на солнечной стороне» (Е. Анучина), «Виçё бвәлпа виçё хёр» («Три сына и три дочери», В. Алендей), «Сар сүселлө сарә тутәр» («Белый платок с белой бахромой», В. Алендей).

В зависимости от части речи главного слова различаются четыре основные группы библионимов-словосочетаний:

1) субстантивные: «Черная грамота» (Я. Апушкин), «Дальняя дорога» (А. Арбузов), «Трудное счастье» (И. Арсентьев), «Хур кайяк сүлө» («Дорога лебедей», С. Асамат), «Телей усси» («Ключи от счастья», А. Афанасьев), «Хәрушә төлөк» («Страшный сон», А. Галкин);

Согласно Л. Ли, «именно субстантивные именные библионимы особенно часто реализуют авторскую модальность и выражают авторские оценки, используются для достижения ряда конкретных целей, связанных с привлечением внимания, передачей информации и организацией текста» [59].

Продуктивны субстантивные конструкции, в которых зависимое слово выражено глагольной формой – причастием, деепричастием: «Блистающий мир» (А. Грин), «Сожженная Москва» (Г. Данилевский), «Суйласа илнө кавсем» («Избранные рассказы», М. Данилов-Чалдун), «Чёнмен хәна» («Незванный гость», Г. Луч), «Аманнә турат» («Раненая ветка», Л. Маяксем);

2) глагольные: «Пришедшие из мрака» (А. Безуглов), «Бегущая по волнам» (А. Грин), «Сăнўкерчĕкпе калашни» («Разговор с фотокарточкой», В. Антонов), «Сисёмпе туслашни» («Как подружиться с молнией?», Л. Сачкова);

3) адъективные: «Последний из удэге» (А. Фадеев), «Далекая от солнца» (М. Михеев), «Телейсёр чух телейлĕскер» («Счастливая в беде», Г. Ефимов), «Таси паха!» («Скатертью дорога», С. Абаш);

4) адverbальные: «Наперекор ветрам» (И. Дубинский), «Далеко от Москвы» (В. Ажаев), «Юлташпа юнашар» («Рядом с другом», А. Алга).

Часто встречаются заглавия, которые имеют форму прилагательного в сравнительной степени: «Южнее главного удара» (Г. Бакланов), «Сильнее атома» (Г. Березко), «Сильнее смерти» (М. Арцыбашев), «Хурсăран та сирĕпрех» («Крепче стали», Н. Евстафьев), «Темисе хут вайлăрах» («Намного сильнее», В. Садай).

Активно используемыми библионимами являются субстантивные словосочетания, на втором месте – глагольные. Адъективные и наречные библионимы встречаются реже, из чего можно сделать вывод, что они наименее продуктивны при формировании заглавий произведений.

В рассматриваемой системе классификации библионимов особое внимание уделяется заглавиям, представляющим полноценные предложения. В русской и чувашской лингвистических культурах активно употребляются библионимы в форме простых предложений, которые бывают односоставными, двусоставными (повествовательными, вопросительными, побудительными).

Библионимы-простые предложения – синтаксические единицы с одной грамматической основой, которая может состоять как из двух главных членов – подлежащего и сказуемого, так и из одного – подлежащего или сказуемого.

По характеру грамматической основы такого рода библионимы делятся на два типа [59]:

1) двусоставные (с подлежащим и сказуемым), например: «Борьба продолжается» (В. Белугин), «И грянул бой!» (Н. Богданов), «Дорога уходит в даль...» (А. Бруштейн), «Лев не возвращается по следу» (Р. Галимов) «Сулӓм витӓр сул выртать» («Дорога через пламя», А. Алга), «Сӓлтӓрсем шыва кӓресӓ» («Звезды купаются», Ю. Петров), «Куккук җаплах авӓтать» («Кукушка все кукует»), «Хумсем сырана җапасӓ» («Волны бьют о берег», Н. Терентьев), «Эпӓ таврӓнатӓп» («Я вернусь», С. Абаш), «Вӓйӓран вӓкӓр тухать» («Не шали с огнем», П. Вашават), «Ёлӓк җапла пулӓ» («Давно это было», И. Вольнов), «Уйӓх җаплах җутатать» («Луна все еще светит», В. Шарапов);

2) односоставные, представляющие структурный тип, в котором грамматическая основа выражена одним главным членом – подлежащим или сказуемым, функционирующим самостоятельно либо с зависимыми словами. По совокупности семантических и структурных свойств среди односоставных предложений-заглавий выделяются следующие основные их подтипы:

– определенно-личные. Главный член выражен глаголом в форме первого или второго лица единственного либо множественного числа настоящего или будущего времени, а также глаголом в повелительном наклонении. Определенно-личные предложения, благодаря своей структуре, служат для активного воздействия на слушателя/читателя, выражения личных чувств и переживаний и передачи информации в краткой и выразительной форме, например: «Не проходите мимо» (Б. Егоров), «Вооружайте доброту!» (И. Краснов), «Люблю и ненавижу» и (Г. Баженов), «Кай, кай Ивана» («Выйди, выйди за Ивана», Н. Айзман);

– неопределенно-личные. В подобных односоставных предложениях действующее лицо не указывается, а главный член выражается глаголом в форме третьего лица множественного числа настоящего или будущего времени либо глаголом прошедшего времени во множественном числе. Если автор хочет сосредоточить внимание читателя на самом событии или

процессе, а не на том, кто его совершает, неопределенно-личное предложение в названии может быть эффективным решением, так как акцент на действии или событии, а не на конкретном персонаже, например: «Бойцов не оплакивают» (Р. Хигерович), «Как солнышко будили» (Н. Мишутин), «Кашнинех килте кётеcсё» («Каждого ждут дома», В. Эльби);

– безличные. В таких предложениях сказуемое выражено безличным глаголом, действующего лица нет. Безличные библионимы используются для описания состояний природы, человека, окружающей среды; выражения необходимости, возможности/невозможности, желания; создания определенной атмосферы: печали, покоя, тревоги, например: «Было приказано выстоять» (Б. Зубавин), «Пурёнас пулать» («Надо жить», В. Антонов), «Пулать вёт пурнёcра» («Бывает же», А. Тимофеев), «Пурёнасчё сынсем пек» («Жили бы как люди», Н. Терентьев);

– обобщенно-личные. В обобщенно-личных предложениях сказуемое, как правило, выражается глаголом во втором лице единственного числа настоящего или будущего времени, реже – в форме третьего лица множественного числа либо в повелительном наклонении, при этом действие приписывается любому лицу в целом. Выражают общие истины, пословицы, поговорки, правила, советы, обобщенные наблюдения. Обобщенно-личные предложения используются для придания тексту большей обобщенности, выразительности, поучительности. Они делают высказывание более общим и применимым к различным ситуациям и людям, например: «Не поле перейти» (Н. Полякова), «Cёкёртан асли cук» («Дороже хлеба нет», М. Алексеев), «Уй куслэ, вёрман хёлхаллэ» («У поля есть глаза, у леса – уши», Ю. Николаева);

– назывные. В назывных предложениях грамматическая основа представлена одним главным членом – подлежащим, выраженным существительным в форме именительного падежа единственного числа. Назывные предложения часто используются в названиях книг для указания темы или основной идеи произведения, например: «Искупление» (Н. Брыкин), «Одиночество» (Н. Вирта), «Война» (В. Вишневский), «Высота»

(Е. Воробьев), «Хăват» («Мощь», С. Аслан), «Вутлан» («Вотланы»¹³, А. Афанасьев).

Особый пласт библионимов составляют заглавия в виде сложных предложений. Они часто носят цитатный характер. Это пословицы, цитаты из песен, литературных произведений, речи персонажей. В группе заглавий, представляющих сложные предложения, выделяются следующие подгруппы:

1) заглавия-сложносочиненные предложения. В сложносочиненном предложении части соединены сочинительными союзами и относительно равноправны, независимы друг от друга. Выделяются следующие предложения:

– с соединительным союзом: «Что такое хорошо и что такое плохо» (В. Маяковский);

– с противительными союзами: «Правда – хорошо, а счастье лучше» (А. Островский);

2) заглавия-сложноподчиненные предложения. Сложноподчиненное предложение состоит из неравноправных частей, где одна предикативная часть зависит от другой. Так, в конструкции заглавия «Жаль, что вас не было с нами» (В. Аксенов) выделяется изъяснительное придаточное, «Он сделал все, что мог» (В. Ардаматский) – местоименно-соотносительное придаточное, «Стреляли, чтобы жить» (И. Арсеньев) – придаточное цели;

3) заглавия-бессоюзные предложения. Предикативные части соединены здесь без помощи союзных средств – интонационно и по смыслу. Например: «Кам Алтая, кам Чутая» («Кто на Алтай, кто в Четаи», С. Абаш), «Ситетпёр хёрёхе – иртетпёр хёрёхрен» («Нам уже за сорок», Г. Краснов), «Кама – куля, кама – хуля» («Кому – счастье, кому – горе», Г. Мальцев).

4) заглавия, состоящие только из придаточной части сложноподчиненного предложения, главная часть отсутствует, такие заглавия можно отнести к «незавершенным», своеобразному «осколочному типу», например: «Единожды предав» (В. Глебов) – придаточное условия;

¹³ Вутлан (рус. Вотланы) – название ряда чувашских селений.

«Которая ждет» (М. Михеев) – придаточное определительное, «Эсё пур чух...» («Когда ты есть...», А. Назул), «Хёвел аннă чух» («На закате», М. Белов), «Пăр кайсанах» («Сразу же после ледохода», Г. Ангер) – придаточные времени. Заглавия, состоящие только из придаточной части сложноподчиненного предложения, с отсутствующей главной частью, создают эффект незавершенности, недосказанности, интриги или акцентируют внимание на условии или причине, о которых пойдет речь в тексте. Это интересный стилистический прием, который может использоваться для различных целей. Такое заглавие является синтаксически неполным, поскольку отсутствует главный член предложения. Это создает ощущение обрыва мысли и требует от читателя активного участия в осмыслении текста. Придаточная часть в таком заглавии выполняет роль свернутого содержания или ключевого вопроса, на который будет дан ответ в основной части текста.

По целеустановке библионимы-предложения бывают повествовательные, вопросительные и восклицательные:

1) повествовательные: «Все начинается с любви» (Р. Рождественский), «Я жду тебя» (Н. Полякова), «Чыса самрăкранах упра» («Береги честь с молодую», А. Первенцев), «Тăрăр вайă картине» («Встаньте в круг», В. Эльби);

2) восклицательные: «И грянул бой!» (Н. Богданов), «Этих дней не смолкнет слава!» (Ю. Герман), «Эй, вы, живые!» (В. Погильдяков), «Шавлăр, хурамасем!» («Шумите, вязы!», А. Николаев);

3) вопросительные: «Кто сумеет отгадать?» (В. Чаплина), «Хурама сулси мён пăшăлтатать-ши?» («Что шепчут листья вяза?», И. Вашки), «Кам-ши эпё?» («Кто же я?», Р. Сарпи).

Использованный метод синтаксической типологии библионимов просто констатирует наличие их определенных типов – словоформ, словосочетаний, предложений, основываясь на разноопределенном подходе, но не позволяет оценить все их многообразие с единой точки зрения. В нем объект исследования расщепляется на три вида (словоформу, словосочетание и предложение) и, надо сказать, в этом и кроется его недостаток. С нашей

точки зрения, более рационально названия книг рассматривать исключительно в качестве предложений, но не словосочетаний. Таким образом будет обеспечиваться единообразный подход к анализу библионимического материала. В этом случае в синтаксическом плане библионимы обеих языковых культур укладываются в семь-восемь идентичных типов (таблица 17).

Таблица 17 – Распределение чувашских библионимов согласно синтаксическим свойствам

Тип	Всего	Доля, в %	Примеры библионимов
Простые, односоставные назывные	802	80,2	«Сул синчи сута́сем» («Огни в пути», С. Аслан)
Простые, двусоставные	118	11,8	«Кентти ўсет» («Кентти растет», Е. Афанасьев)
Простые, односоставные безличные	49	4,9	«Тимёре туптама пёлмелле» («Железо надо ковать умеючи», Т. Педеркки)
Простые, односоставные определенно-личные	19	1,9	«Ирт, купăсă, маларах» («Дайте дорогу гармонисту», И. Лисаев)
Простые, односоставные неопределенно-личные	2	0,2	«Кашнинех килте кётеççё» («Каждого ждут дома», В. Эльби)
Бессоюзные сложные	7	0,7	«Лар-ха, калаçар»

Тип	Всего	Доля, в %	Примеры библионимов
			(«Посидим-поговорим», И. Шордан)
Сложноподчиненные	3	0,3	«Эс лартнӑ чечексем» («Цветы, посаженные тобой», М. Юхма)
Всего	1000	100	

В большинстве чувашские библионимы с долей в 80,2 процента являются простыми, односоставными, назывными предложениями, а в целом простые односоставные заглавия в чувашской библионимии достигают общей доли в 87, 2 процентов.

Еще раз обратим внимание на следующий момент: в чувашских названиях книг существенна доля простых двусоставных предложений – 11,8 процентов, что связано с традицией в чувашской литературе называть книги предикативными фразами типа «Асанне хӑнана килет» («Бабушка едет в гости», И. Кузнецов), «Сӑлтӑрсем тапӑра анаҫсӗ» («Звезды сходят в табор», В. Садай), «Вӑсет кайӑк кӑвакал...» («Летят утки», И. Лисаев).

На долю сложных предложений в чувашской библионимии приходится лишь один процент названий: «Капкӑн утать – капкӑн кулать» («Капкан шагает – капкан смеется», А Эсхель, составитель); «Кулас-и, кулас мар-и?» («Смеяться или нет», С. Абаш); «Мӑн кун иртсен – тунти кун» («В понедельник – после пасхи», Ю. Терентьев); «Ванюш курнӑ тӗлӗнтермӗшем» («Приключения Ванюша», З. Нестерова).

Иная синтаксическая традиция присуща русской культуре книгоименования. Она, по сравнению с чувашской, более разнообразна, в ней, в частности, встречаются сложносочиненные названия («Гипсовый трубач, или Конец фильма» (Ю. Поляков), «Золотой ключик, или

приключения Буратино» (А. Толстой)), которые отсутствуют в чувашской части (таблица 18).

Таблица 18 – Распределение русских библионимов согласно синтаксическим свойствам (выборка в 1000 единиц)

Тип	Всего	Доля, в %	Примеры библионимов
Простые, односоставные назывные	821	82,1	«Мой старший брат» (А. Алексин)
Простые, односоставные безличные	63	6,3	«Камни с дороги надо убрать» (В. Ширяев)
Простые, двусоставные	55	5,5	«А поутру они проснулись» (В. Шукшин)
Сложносочиненные	27	2,7	«И был вечер, и было утро» (Б. Васильев)
Простые, односоставные определенно-личные	18	1,8	«Не стреляйте в белых лебедей» (Б. Васильев)
Простые, односоставные неопределенно-личные	6	0,6	«Таких не убивают» (К. Булычев)
Сложноподчиненные	7	0,7	«Смеется тот, кто смеется» (В. Катаев)
Бессоюзные, сложные	3	0,3	«Собирайся, мы уезжаем» (М. Трауб)
Всего	1000	100	

Обе библионимические системы стремятся к озаглавливанию книг простыми односоставными предложениями: их доля в сумме достигает выражения в 87,2–90,8 процентов.

Сложный синтаксис с его показателем в 3,7 процента более востребован в русской библионимии (для ср.: в чувашской – лишь один процент библионимов со сложным синтаксисом).

Доля простых двусоставных заглавий в русской библионимии в два раза меньше чувашской: 5,5 процента против 11,7 процентов.

В русской библионимии больше, чем в чувашской, простых односоставных (82,1 %), безличных (6,3 %), неопределенно-личных (0,6 %) фраз, бессоюзных (0,3 %), сложноподчиненных (0,7 %) и сложносочиненных (2,7 %) предложений.

Согласно второй выборке в 500 единиц, в русской библионимии сохраняется та же типология предложений (таблица 19).

Таблица 19 – Распределение русских библионимов согласно синтаксическим свойствам (выборка в 500 единиц)

Тип	Количество	Доля, в %
Простые, односоставные, назывные	422	84,4
Простые, двусоставные	33	6,6
Простые, односоставные, безличные	23	4,6
Простые, односоставные, определенно-личные	13	2,6
Простые, односоставные, неопределенно-личные	1	0,2
Сложносочиненные	7	1,4
Бессоюзные, сложные	1	0,2
Всего	500	100

Все выборки показывают близкие результаты в начальной части ранжированных списков: явные доминанты в традициях книгонаречения – простые односоставные и простые двусоставные предложения с общей долей от 96,3 в первой русской выборке и 80,4 во второй до 99 процентов в чувашской.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Сущностные параметры библионимов являются вещественным отражением экстралингвистических условий, главным из которых является функция давать имена книгам с учетом содержания произведения.

Языковая сущность библионимов русской и чувашской книжной культур складывается при участии единиц всех ярусов. Параметры фонетического, лексического и грамматического уровней по-разному участвуют в библионимическом процессе: они могут подчеркнуто максимально пронизывать библионимы или вовсе могут отсутствовать в них.

На фонетическом уровне особое значение имеют звукопись и графоны (или эрративы [125]). Звукописные элементы обычно встречаются в библионимах-цитатах, поэтически обусловленных. Графоны же (намеренно искаженные написания) диктуются идейно-эстетическими принципами авторов и более всего направлены на привлечение внимание пользователей к книге.

На лексическом уровне в библионимии имеют место омонимия, паронимия и вариативность, а синонимия и антонимия не находят практической реализации. Вместе с тем художественные библионимы насыщаются поэтизмами в виде аллюзий, неожиданными сочетаниями слов, неологизмов, архаизмов и иных тропов.

На морфологическом уровне в библионимах более всего востребованы слова именных частей речи, а именно – существительные, что подтверждает подлинную имянацеленность заглавий на глубинной грамматической основе.

На синтаксическом ярусе превалируют простые односоставные назывные предложения, поскольку именно они более всего обладают номинативным потенциалом.

Свойство сочетать в названиях книг подлинно лексические и полнограмматические предикативные черты позволяют говорить о библионимах как о сложных лексико-грамматических единицах.

ГЛАВА 3. ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОНИМОВ

§ 3.1. Научный инструментарий исследования

Экспериментальная лингвистика еще не сформировалась в качестве самостоятельного раздела со стройной системой научного аппарата [11, с. 29]. Тем не менее имеются области языка и речи, в рамках которых необходимо обращение к экспериментальным методам. Одной из них и является библионимия.

Эксперимент по изучению определенных параметров, присущих заглавиям, в данной работе проводится в контексте социологической науки. Разыскания выполняются на практическом уровне с выходом на эмпирический уровень [54].

Исследование ставит целью экспериментальное изучение библионимов – проверку существующих представлений о заглавиях, а также установление новых закономерностей их функционирования.

Предпринятый эксперимент включает в себя несколько самостоятельных исследований:

1) изучение принадлежности текста к конкретной функционально-стилистической разновидности, его родового статуса и содержания через анализ библионимов (респондентами определялась принадлежность книг на основе изучения 25 случайных библионимов);

2) сравнение оригинальных авторских заглавий с названиями, данными респондентами (участниками эксперимента анализировались десять рассказов русской и чувашской подборок);

3) анализ авторского заглавия во взаимосвязи с переводом названий книг, осуществленным участниками эксперимента (респондентам для перевода на русский язык предлагалось 50 библионимов на чувашском языке).

В третьей части эксперимента для определения качественного уровня переводов применена шкала оценок, выраженная следующими показателями: полное совпадение авторского и респондентского заглавий оценивалось в единицу, частичное совпадение – в полбалла, полное несовпадение приравнивалось нулю.

Этапы проведения эксперимента:

- подготовительный, в ходе которого разрабатывался научный инструментарий, проводились предварительные опыты с тем, чтобы скорректировать тактику проведения исследований;
- основной, включивший саму процедуру изысканий с предварительным анализом полученных данных;
- заключительный, связанный с подведением итогов эксперимента.

Названия книг для анализа в обеих выборках – русской и чувашской – подбирались таким образом, чтобы они для большинства из респондентов не были знакомы. Акцент был сделан на современную литературу.

Выборки складывалась случайным образом.

Общее количество участников эксперимента – 250 респондентов, из которых с родным русским и чувашским по 125 человек. Конкретное количество респондентов варьирует от эксперимента к эксперименту, что обуславливается целями исследования. Например, во втором подэксперименте, направленном на установление заглавий на основе изучения текстов, в качестве респондентов приняло участие по 25 представителей обеих этнических культур. В данном случае большее количество участников стало бы явной помехой в подведении объективных итогов исследования, порождая нескончаемое число заглавий.

Согласно задачам эксперимента, не было необходимости более дробного деления респондентов по возрасту, образованию и характеру работы.

Эксперименты с библионимами не ограничиваются изучением названных параметров. В более сложном варианте допустимо исследование,

которое перед испытуемыми ставит целью подбор заглавий содержательно однотипным текстам из предложенных экспериментаторами. Или же участникам эксперимента можно предложить вывести название книги на основе изучения неопубликованной рукописи с обязательным уточнением у испытуемых обоснований формулируемых ответов.

§ 3.2. Определение функционально-стилистической принадлежности книги по ее названию

Библионимы наряду с лексическим и грамматическим обладают функционально-стилистическим значением. Оно не всегда может быть очевидным потому, что библионимы вне контекста стилистическую семантику могут четко и не проявлять. В особенности это касается однословных заглавий.

Эксперимент, направленный на определение функционально-стилистической принадлежности книги по ее названию, ставит целью пере проверку справедливости заключения, согласно которому чувство стиля присуще каждому человеку со средним образованием [47, с. 90–104]. Вместе с тем необходимо иметь в виду: в нашем случае в качестве изучаемого материала служат как минимум не микротексты, а срезы речи, равные заглавию книг.

Участникам эксперимента на материале русской и чувашской выборки предлагается установить функционально-стилистическое значение 25 книг художественного (8 / 11 названий), научного (3 / 4), публицистического (5 / 4), делового (4 / 2) и литургического (5 / 4) содержания.

Респондентам были предложены следующие библионимы из русской выборки: «Аналитическая геометрия» (И. И. Привалов), «Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности» (А. Никонов), «Бабушка сказала сидеть тихо» (Н. Реньжина), «Богослужбные заметки» (В. Лукьянов), «Божественная литургия святителя Иоанна Златоуста», «Всенощное бдение. Литургия», «Геометрическая оптика неоднородных сред» (Ю. Кравцов), «Деловая переписка» (И. Кузнецов), «Дети мои» (Г. Яхина), «Земельный

кодекс Российской Федерации», «Корни дуба» (В. Овчинников), «История новоевропейской философии в ее связи с наукой» (П. Гайдено), «1984» (Д. Оруэлл), «Музыка в аэропорту» (Е. Мамонтов), «Наполеонов обоз» (Д. Рубина), «Не надейтесь избавиться от книг!» (У. Эко, Ж.-К. Карьер), «Ненастье» (А. Иванов), «Общевоинские уставы ВС РФ с Уставом военной полиции», «Петровы в grippe и вокруг него» (А. Сальников), «Руководство к изучению Устава Богослужения Православной церкви» (К. Субботин), «Святое евангелие апракос на русском языке», «Сталин. Наваждение России» (Л. Млечин), «Столкновение. Откровенная история Виталия Калоева» (К. Каспари), «Тойота Королла» (Э. Севела), «Федеральный Закон “О персональных данных”».

Чувашская выборка включала следующие библионимы: «Ева Лисина: пултару тёнчи» («Ева Лисина: мир творчества», Ю. Яковлев), «Ёҫ хучёсем ҫырасси» («Обучение деловому письму», Л. П. Сергеев), «Илемлĕ ир» («Красивое утро», Г. Харлампов), «Килех, профессор!» («Возвращение профессора», А. Леонтьев), «Мӑн кун кӗллисем» («Пасхальная служба на чувашском языке»), «Матфей ҫырӑ таса Евангели» («Евангелие от Матвея»), «Савӑнтар ҫынсене» («Приноси людям радость», А. Лазарева), «Савнӑс ҫуртне ҫӳриччен йӗрӳ ҫуртне ҫӳре» («Лучше иди в дом плача, чем в дом веселия (против пьянства)»), «Сивӗ ир» («Холодное утро», Е. Лисина), «Ҫӗнӗ халал» («Новый Завет»), «Ҫулталӑк кӗнеки» («Календарь года», П. Семенова, О. Алексеева), «Ҫырнисен пуххи» («Собрание сочинений», Г. Айги), «Тимӗр тыткӑнран» («Из железного плена», Г. Ефремов), «Хальхи ҫаваш ҫӗлхи» («Современный чувашский язык», И. А. Андреев), «Хирте вӗршӗнсем вӗҫеҫҫӗ» («Стрижи летают над полем», В. Алендей), «Ҫаваш литературин антологийӗ» («Антология чувашской литературы»), «Ҫаваш Республикин Конституцийӗ» («Конституция Чувашской Республики»), «Ҫаваш сӑмахӗсен кӗнеки» («Словарь чувашского языка», Н. И. Ашмарин), «Ҫаваш халӑхӗ малалла кайӗ-ши, каймӗ-ши?» («Может ли чувашский народ иметь свое будущее?», Г. Комиссаров), «Ҫаваш ҫӗлхи тӗпчевҫисем» («Исследователи чувашского языка»), «Чи хакли» («Самое дорогое», Л. Агаков), «Чуну таса

пулсан» («Если совесть чиста», Г. Харлампове), «Шупашкар калаҫать» («Говорят Чебоксары», Т. Ерина, Э. Фомин), «Элчел. Шухайшла каларман повесть» («Горькая участь: невыдуманная повесть», В. Савелькин), «Юманлăх ҫулҫа тăкмарĕ» («Дубы не сбросили листья», А. Афанасьев).

Величина выборок случайная с завышенной долей художественных библионимов.

Согласно полученным данным, предсказуемость кодифицированных авторами заглавий в русском эксперименте находится в интервале от 0,5 в публицистической литературе до 0,88 в научной при максимально возможном показателе в единицу; в чувашской – от 0,76 в публицистической сфере до 0,84 в литургической (таблица 20).

Таблица 20 – Предсказуемость стилистической принадлежности книг на основе оценки библионимов

Выборка	Функциональные стили				
	художественный	научный	публицистический	деловой	литургический
Русская	0,58 ¹⁴	0,88	0,5	0,7	0,79
Чувашская	0,81 ¹⁵	0,82	0,76	0,81	0,84

¹⁴ В русской выборке вычисления производятся по следующей схеме: сумма правильных ответов 125 участников делится на общее количество ответов, например, в случае с художественным стилем 557 правильных ответов из 950 возможных определяет долю совпадений респондентского выбора с принадлежностью текста определенному стилю, равную в 0,58 из единицы возможного. Для каждого функционального стиля доля правильных ответов разная: она находится в зависимости от количества книг конкретного стиля из списка в 25 названий. Для научного стиля возможное количество правильных ответов 425 при фактическом 375, публицистического фактически 285 при возможных 575, делового – 386 из 550, литургического 497 из 625.

Результаты исследования по обоим экспериментам дают утвердительный ответ на возможность определения стилистической принадлежности книги исключительно по ее названию. Однако наблюдается разница между русской и чувашской частями эксперимента: русская выборка имеет средний показатель узнаваемости стиля в 0,69, в то время как чувашская – в 0,8. Разница, видимо, диктуется масштабами реализации письменных культур: русская – мажоритарная, не позволяющая охватить ее на индивидуальном уровне, чувашская – миноритарная, допускающая ее отслеживание каждому интересующемуся ею. Иначе говоря, скорее всего в результатах эксперимента отражается личностный опыт респондента.

Библионимы несут отпечаток стиля в основном на лексическом уровне: использование научной терминологии обычно указывает на научное содержание книги («Геометрическая оптика неоднородных сред», А. Кравцов, Ю. Орлов; «Общественная география. Цифровые приоритеты XXI века», В. Блануца), выразительные и сенсационные названия свидетельствуют в пользу публицистики («Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности», А. Никонов; «Борис Ельцин: от рассвета до заката 2.0», А. Коржаков), религиозная номенклатура обязательно присутствует в заглавиях православной книги («Святое евангелие апракос на русском языке», «Догматическое богословие», О. Давыденков). Фонетика благодаря стихотворной ритмике и звукописи обладает возможностями предсказать принадлежность книг к художественной литературе: «Не отрекаются, любя», В. Тушнова; «Ваше благородие, госпожа удача», Б. Окуджава; «Ты был мечтою моей хрустальной», Л. Рубальская. Синтаксис

¹⁵ В чувашской выборке вычисления производятся по следующей схеме: сумма правильных ответов 125 участников делится на общее количество ответов, например, в случае с художественным стилем 912 правильных ответов из 1125 возможных определяет долю совпадений респондентского выбора с принадлежностью текста определенному стилю, равную в 0,81 из единицы возможного. Для научного стиля возможное количество правильных ответов 450 при фактическом 373, публицистического фактически 342 при возможных 450, делового – 341 из 450, литургического 377 из 450.

библионима художественной литературы пытается выйти за пределы привычной грамматики, вполне сочетая в себе однословные именованья с распространенными двусоставными предложениями, также допуская инверсию и другие тропы, ср.: «Ненастье» (А. Иванов), «Бабушка сказала сидеть тихо» (Н. Реньжина), «Белеет парус одинокий» (В. Катаев), «В минуты музыки печальной» (Н. Рубцов).

Экспериментально принадлежность художественной книги по названию к конкретному роду литературы определяется значительно хуже. Положительные ответы случайны, и их можно рассматривать как статистическую погрешность. Библионимы в эксперименте представлены в анонимной форме, поскольку имя известного автора может стать ключом к правильному установлению родовой принадлежности книги.

Такие же отрицательные результаты выводятся при установлении жанра книги на основе библионима. Здесь возможны исключительно случайные совпадения, если только в самом названии книги не будет указания на ее жанр: «Стихотворения и баллады» (В. Жуковский) – сборник стихов и баллад, «Роман о девочках» (В. Высоцкий) – роман (?)¹⁶, «Мифы и легенды народов мира» – сборник мифов, «Элчел. Шухайшласа кайларман повесть» («Смерть. Невыдуманная повесть», А. Савелькин) – повесть, «Тривим йысна калавёсем», «Рассказы дядюшки Тривима», Г. Орлов) – сборник рассказов, «Юптарусем» («Басни», А. Галкин) – книга басен. Однако указание на жанр в заглавии не всегда имеет отношение к содержанию самой книги, ср.: «Альпийская баллада» (В. Зазубрин) – сборник, состоящий из романа, повестей и рассказов, но не баллад. Последнее заглавие отнюдь не дезориентирующее, а символическое, образное.

¹⁶ Жанр книги «Роман о девочках» В. Высоцкого не определен. В большинстве своем исследователи склоняются к мнению о ее романной сущности.

В редких случаях по названию книги можно предположить ее жанр, например: «Смерть ради смерти», «Убийца поневоле», «Черный список» (А. Маринина) – детективы, «Приключения Незнайки и его друзей» (Н. Носов), «Волшебник Изумрудного города» (А. Волков), «Денискины рассказы» (В. Драгунский), «Сигнальщики и горнисты» (А. Алексин) – детская литература.

Результаты исследования частично могут быть улучшены через раскрытие имени автора, специализирующегося в известном жанре, например: издания «Невидимая книга», «Демарш энтузиастов», «Марш одиноких» при указании автора С. Довлатова сразу же обретают черты сборника повестей и рассказов; «Флаги весны», «Радиус действия», «Алешкины мысли» с учетом авторства Р. Рождественского воспринимаются в качестве сборника поэтических произведений.

Безусловно, функционально-стилистическая принадлежность книг более или менее точно определяется на основе их заглавий. Здесь ключевым элементом становится лексика. Другие уровни языковой системы проявляются в меньшей степени, но они тоже играют определенную роль. К примеру, фонетические маркеры поэтического текста в заглавии, прежде всего ритм – повод предположить, что книга является сборником лирических произведений.

Для определения более конкретных внутренних сущностей книги – рода и жанра художественного произведения – одного лишь библионима недостаточно, введение дополнительных параметров, например, имени автора, способны улучшить родовую и жанровую идентификацию книги.

В библионимии наблюдается закономерность: чем конкретнее вопрос о книге при ориентации исключительно на ее название, тем более затруднителен ответ. Какова стилевая основа книги? Какому роду

принадлежит текст? В каком жанре написано произведение? О чем оно? С каждым новым вопросом точность ответа заметно снижается.

Таким образом, показатели экспериментального изучения стилистической принадлежности книг в сопоставляемых лингвокультурах совпадают. Тем самым подтверждается тезис речеведов о чувстве стиля у носителей языка. Незначительные различия в ответах русских и чувашских респондентов обуславливаются социокультурными особенностями функционирования национальных литературных традиций.

§ 3.3. Установление заглавия на основе анализа текста

Эксперимент по изучению оригинальных заглавий и их респондентских соответствий предполагает поиск ответа на вопрос – насколько предсказуемы авторские библионимы? Исследование показывает неоднозначность ответа: предугадывание названия незнакомого текста – задача непростая.

В данном эксперименте приняло участие 50 респондентов – по 25 человек в каждой выборке. Экспертам на озаглавливание предлагалось по десять рассказов (таблицы 21 и 22). Использование книг, текстов крупных жанров делает эксперимент нереализуемым, поскольку предполагает знакомство с книгой целиком, а это превращает изыскания в сверхдорогое и долгосрочное мероприятие.

В результате исследования на русском материале были установлены следующие количественные характеристики: среднее количество предлагаемых экспертами названий для каждого текста – 12,3, интервал – от

восьми до 14 вариантов из 25 возможных, средний индекс совпадений – 4,5 из десяти возможных, неугаданных библионимов – два (таблица 11)¹⁷.

Таблица 21 – Установление заглавий анонимных текстов (часть русская)

Оригинальное название	Предложенные варианты	Всего совпадений
«Золотой луг» (М. Пришвин)	9	4
«Как Миша маму хотел перехитрить» (Е. Пермяк)	13	–
«Как Саша маму напугал» (Б. Житков)	12	–
«Как я под партой сидел» (В. Голявкин)	14	1
«Лев и собачка» (Л. Толстой)	11	7
«Музыкант» (В. Бианки)	11	6
«Настоящий болельщик» (А. Шалай)	14	9
«Печень» (В. Осеева)	14	5
«Совесть» (А. Гайдар)	11	8
«Сыновья» (В. Осеева)	14	5
Всего	123	45

Названия текстов русской выборки простые, невыразительные. Это связано с доминированием назывной функции у большинства микробиблионимов, поскольку конкретный рассказ сам по себе не существует в качестве самостоятельной книжной единицы и особо не нуждается в усилении.

Характерные черты, присущие русской выборке, также наблюдаются в чувашской (таблица 22).

¹⁷ Методика вычислений: суммарное количество совпадений делится на количество текстов, т. е. $45 / 10 = 4,5$.

Таблица 22 – Установление заглавий анонимных текстов (часть чувашская)

Оригинальное название	Предложенные варианты	Всего совпадений
«Атӑл» (В. Садай) – «Волга»	14	3
«Каҫхи садра» (Н. Мартынов) – «В вечернем саду»	19	–
«Пӑр кайни» (И. Моисеев) – «Ледоход»	10	–
«Пӑрремӑш юр» (Н. Сладков) – «Первый снег»	19	–
«Пушӑ вӑхӑтра» (В. Чебоксаров) – «В свободное время»	12	–
«Стадионра» (Н. Ларионов) – «На стадионе»	17	2
«Сурхури» (В. Иванов-Паймен) – «Сургури» ¹⁸	12	6
«Сил» (Ю. Силэм) – «Ветер»	12	–
«Укӑсенттей» (Л. Таллеров) – «Уксенттей» ¹⁹	12	4
«Ял хушшинче» (В. Петров) – «В деревне»	15	–
Всего	142	15

Но количественные показатели в чувашской части значительно отличаются относительно русских: среднее количество предлагаемых названий в ней – 14,9, интервал – от 12 до 19 вариантов, средний индекс совпадений – 1,5 из возможных 10, не угаданных названий – шесть, т. е. более половины.

Вариативность названий чувашских текстов больше, чем в русской выборке на 2,6 единицы. Интервал вариантов также смещен в правую сторону (12–19), тогда как в русской выборке он занимает середину шкалы (8–14). Усредненный индекс совпадений ничтожно мал – всего лишь

¹⁸ Сурхури – название чувашского праздника, совпадающего с Рождеством.

¹⁹ Уксенттей – чувашский вариант русского имени Авксентий.

1,5 единицы, в русской выборке он в три раза больше и практически составляет половину.

Наблюдается наличие взаимосвязи с объемами текстов и их названиями: чем короче текст, тем конкретнее и менее выразительно его название. Заглавия длинных текстов могут казаться простыми, такими не являясь. В любом случае они наделяются чертами образности разной интенсивности.

Предлагаемые респондентами названия в совокупности оригинальнее авторских.

Авторские заглавия – единственно кодифицированные. В то же время у экспертов наблюдаются разные подходы к озаглавливанию текста и у них в совокупности больше свободы, чем у писателей: последние стремятся подобрать текстам уместные названия. Можно допустить, что выразительные заглавия респондентов по отдельности также будут оцениваться как нейтральные, но вместе они представляются более чем привлекательными, ср.: авторское «Сыновья» – экспертные «Вырастили на свою голову», «Три мальчика, а сын – один; авторское «Настоящий болельщик» – экспертные «Спортивный лифт», «Викторины фанатов футбола вышли на новый уровень». Чувашские экспертные библионимы менее выразительны.

Заслуживающими внимания представляются случаи, когда ни один из респондентов не смог установить авторские заглавия. В русском срезе нераспознанными являются два рассказа из десяти – «Как Саша маму напугал» Б. Житкова и «Как Миша маму хотел перехитрить» Е. Пермяка. Данные произведения не только по манере изложения имитируют детское мировосприятие, но и в заглавии повторяют детскую манеру текстообозначения, к чему совсем не были готовы респонденты.

В чувашской части эксперимента неопознанных текстов больше, чем опознанных: шесть из десяти. Названий, предлагаемых респондентами для их номинации, максимально много: рассказам «Касхи садра» («В вечернему

саду») Н. Мартынова, «Пёрремёш юр» («Первый снег») Н. Сладкова, «Сил» («Ветер») Ю. Силэм респондентами было предложено по 19 вариантов из 25 возможных; «Ял хушшинче» («В деревне») – 15, «Пушă вăхăтра» («В свободное время») – 12, «Пър кайни» («Ледоход») – 10. Многовариантность заглавий складывается по причине того, что участники эксперимента при номинации рассказов обращали внимание на разные аспекты описываемых реалий, например, рассказ «Пёрремёш юр» получает названия по месту описываемых событий (леса) – шесть текстонимов, персонажей в виде животных и времени года – по четыре, красоте природы – три, действию героев повествования – два.

В подборе русских текстонимов участниками эксперимента наблюдается зависимость от читательского опыта. Например, высокий индекс узнаваемости текстов с долей в 0,35–0,45 единиц (из одного возможного) проявляют такие рассказы, как «Лев и собачка» Л. Толстого и «Золотой луг» М. Пришвина. В случаях с другими значительными показателями (рассказами «Настоящий болельщик – 0,45; «Совість» А. Гайдара – 0,4) совпадение авторского и экспертных названий происходит на основе ключевых слов в финальной части рассказа – логического ударения, ср.: «Через полчаса он [Денис] наконец выбрался из лифта. Чертыхаясь и проклиная все на свете, *настоящий болельщик* (выделено нами. – М. А.) отправился смотреть второй тайм»; «Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалкой ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над ее головой веселые птицы. И очень тяжело было на ее сердце, которое грызла беспощадная *совість* (выделено нами. – М. А.)».

В чувашской выборке в большинстве своем авторские заглавия не угадываются, ср.: в русской выборке в той или иной мере были повторены исходные названия в восьми случаях из десяти, в чувашской – в четырех. Так, текстоним «Сурхури» («Рождество») безошибочно устанавливается в шести случаях из десяти, «Уксентей» («Уксентей») – в четырех, «Атъл»

(«Волга») – в трех, «Садра» («В саду») – в двух. Совпадения вызываются тематикой повествования: в первом случае речь идет о чувашском аналоге Рождества – празднике *сурхури*, во втором название выводится по имени главного героя, в третьем и четвертом текстах выделяются локации, которые признаются заглавными как авторами, так и читателями.

Как показывают результаты исследования, совпадение или несовпадение авторских и респондентских заглавий малозначимо: идентичные названия респондентами подбираются не абсолютно. С точки зрения экспериментального изучения библионимии, важнее исследовать смысловую обусловленность вариативных текстонимов, определяемых респондентами.

§ 3.4. Соотношение авторского и переводного названий книг

В современной российской полиграфии существует правило, регламентирующее издание книг на других языках: названия книг, увидевших свет на нерусском языке, должны приводиться в переводе в выходных данных. Казалось бы, здесь достаточен технический перевод. Однако данный подход часто дает сбой, так как соприкасающиеся языковые культуры разные, и привычное мыслевыражение для одного языка в прямом переводе на другой не всегда воспринимается в качестве адекватного, удачного.

Существует два пути перевода библионимов: первый предполагает авторский подход, второй – технический, служебный. Во всех случаях новое переводное заглавие обязано соответствовать нормам принимающего языка, при этом сохраняя связь с оригинальным названием.

Библионимы, предложенные респондентам в рамках эксперимента для перевода с чувашского на русский, по семантическому соотношению между

собой исходно распределяются следующим образом: идентичные (индекс 1) – 30 названий из 50 возможных, частично соответствующие друг другу (индекс 0,5) – восемь, полностью несоответствующие заглавия (индекс 0) – 12. В итоге складывается средний индекс идентичности чувашских оригинальных и русских переводных онимов, равный 0,68²⁰.

Идентичные библионимы доминируют среди других. Это связано с тем, что в большинстве своем авторами книг практикуется простой технический перевод. Данный подход не мешает в названиях сохранить заложенную в первичной лингвокультуре образность, так как она существует не сама по себе, а как реалья, резюмирующая содержание книги. Такого рода переводы позволяют служить единству оригинального и переводного текстов.

Экспериментальные наблюдения над библионимами, в которых приняло участие 25 человек, показывают, что их перевод на другой язык при единственно верном, одобренном автором, всегда предполагает много вариантов (рисунки 1–3).

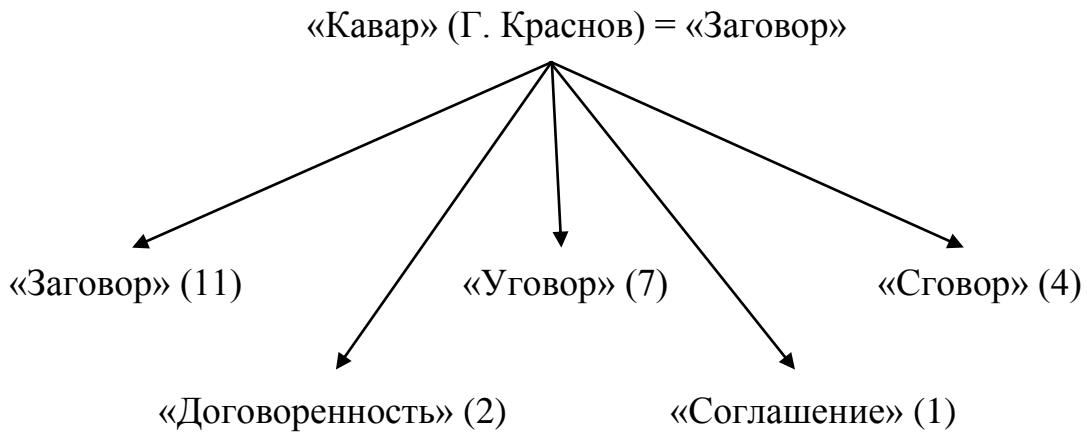

Рисунок 1 – Варианты перевода библионима «Кавар»

²⁰ Методика вычисления: сумма абсолютно и частично идентичных заглавий делится на общее количество книг, вовлеченных в эксперимент, т. е. $30 + 4 = 34 / 50 = 0,68$.

Доминантами в переводах выступают названия, являющиеся их семантическими или контекстуальными эквивалентами, ср. также: «Гул сути» (А. Лукин), букв. наружный свет – «Рассвет» при респондентских «Утро» / «Заря» / «Восход» / «Свет улицы» / «Свет зари» / «Уличный свет» / «Свет дня»; «Сенкер ачалӑх» (Л. Мартьянова) – «Голубое детство» при предлагаемых респондентами «Детство без забот» / «Ясное детство» / «Безоблачное детство» / «Счастливое детство» / «Беззаботное детство» / «Светлое детство».

Чем проще оригинальное название, тем в большей степени с ним соотносится перевод, данный респондентами, например: «Чи хакли» (Л. Агаков) – «Самое дорогое» (100 %); «Чапаев ачисем» (Г. Луч) – «Дети Чапаева» (72 %) / предлагаемое респондентами «Дети Чапая» – 28 %); «Манӑн ҫӑлтӑр» (А. Лукин) – «Моя звезда» (92 %) / предлагаемое респондентами «Звезда моя» – 8 %); «Таната» (Ф. Уяр) = «Тенета» (96 %) / 0 – 4 %).

Семантически созвучный перевод чаще дается респондентами в том случае, если человек знает не только оригинальное чувашское заглавие, но и его русское кодифицированное название, ср.: «Савни юррисем», (П. Эйзин – «Песни любимой» (88 %) (предлагаемое респондентами «Песни возлюбленного» – 12 %), «Ҫӑкӑр чӗлли» (Е. Лисина) – «Кусок хлеба» (80,8 %) / вариативное авторское «Ломоть хлеба» (19,2 %).

Частично идентичные библионимы уже являют результат стечений ряда обстоятельств: с одной стороны, здесь имеет место условный творческий перевод, который и дает расхождение, с другой – языковая культура контактирующих идиомов вполне может сойтись в конкретном случае, в результате чего формируется совпадение.

Библионим «Ӑс паракансем» – буквально дающие ум, т. е. учителя. При этом кодифицированное русское соответствие данного заглавия – «Нравоучители» (рисунок 2).

«Ӑс паракансем» (Н. Максимов) ≈ «Нравоучители»

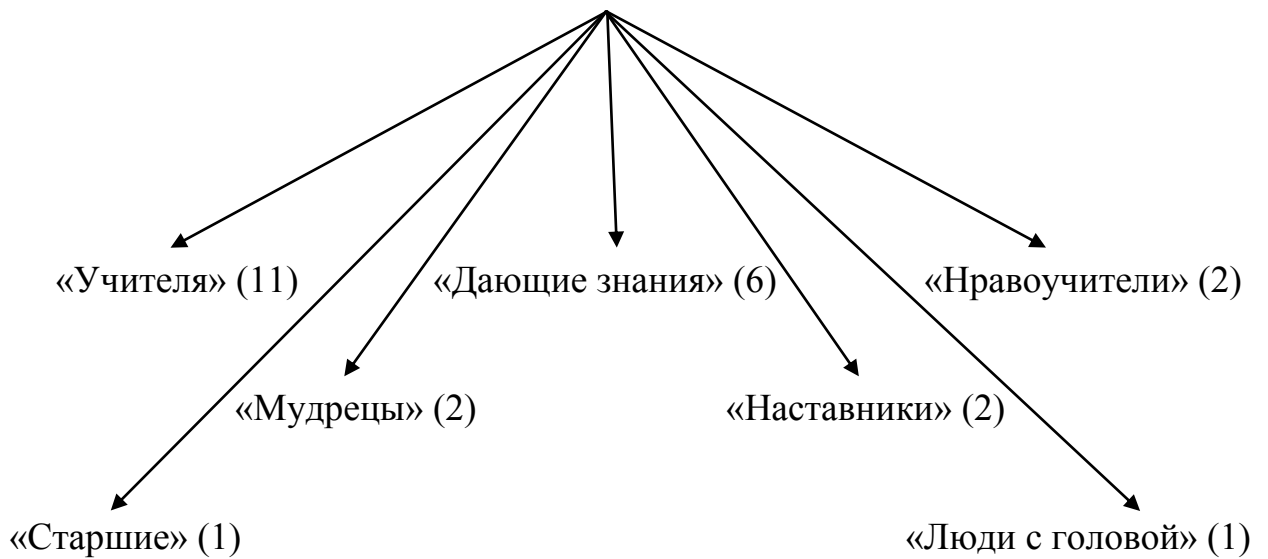

Рисунок 2 – Варианты перевода библионима «Ӑс паракансем»

Не случайно названию чувашской книги «Ӑс паракансем» респондентами предлагаются такие русские эквиваленты, как «Учителя» (44 %), «Мудрецы», «Наставники» (по восемь процентов). Популярный вариант «Дающие знания» с долей в 24 процента представляет собой калькированный перевод чувашского библионима. Ср. также: «Пӑрка мучи калавӑсем» (Е. Лисина) – «Рассказы дедушки Прка», предлагаемые респондентами – «Рассказы деда Поррки» / «Рассказы деда Паррки» / «Рассказы Пӑрка» / «Рассказы дедушки» / «Дедушкины рассказы» / «Сказки деда Паррка» / «Сказки Пӑрка»; «Тайлак сын тӑлкӑ» (Н. Максимов) – «Сон шизофреника», предлагаемые респондентами переводы «Сны сумасшедшего» / «Сон душевнобольного» / «Странные сны».

Абсолютные несоответствия между оригинальными и переводными названиями книг – результат смыслового перевода и несовпадения языковых стратегий. Реализацию последнего фактора можно увидеть на следующем рисунке (рисунок 3).

«Хёвелпе туслашнă çăкасем» (А. Лукин) ≠ «Липы под солнцем»

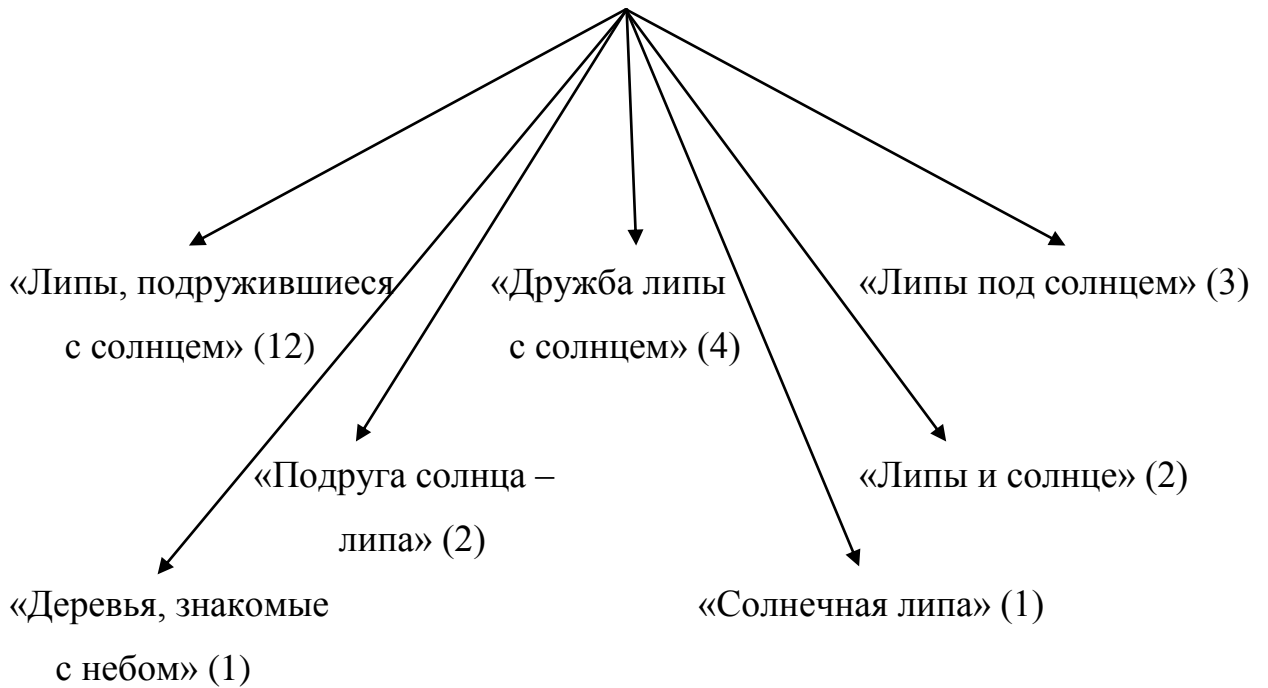

Рисунок 3 – Варианты перевода библионима «Хёвелпе туслашнă çăкасем»

Респонденты совершенно справедливо предлагают такой вариант перевода, как «Липы, подружившиеся с солнцем». Данное название является буквальным переводом чувашского библионима, в то время как автором устанавливается условное русское название в виде «Липы под солнцем». Предлагаемый большинством респондентов перевод, несмотря на его семантическую идентичность с оригиналом, сложно назвать удачным: он содержит в своем составе причастный оборот, который усложняет библионим. Иные варианты в номинации книги «Хёвелпе туслашнă çăкасем» единичны.

Множат вариативность переводных названий полисемия и омонимия слов, встречающихся в составе библионимов. У участников эксперимента нет возможности уточнить значение слов с учетом широкого контекста – содержания книги. Особенно это касается случаев, когда библионим состоит из одной лексической единицы, например: «Тивлет» (А. Лукин) – «Счастье», предложенные участниками эксперимента переводы в дополнение к

кодифицированному названию «Счастливики», «Участь», «Благодать», «Причина», «Судьба», «Доля»²¹; «Тапă» (Н. Максимов) – «Напряжение», предложенные респондентами переводы «Давление», «Удар», «Ловушка», «Капкан», «Силки», «Толчок» (базар)²², при этом все приведенные варианты имеют право на существование вне контекста.

В респондентских интерпретациях чувашских библионимов допускаются ошибки по причине незнания семантики ряда архаичных слов, например: «Тупă сасси илтёнместчĕ» (И. Лисаев) – «Где-то далеко канонада...», в интерпретации респондентов – «Не было слышно и стука мяча», «Не слышно пушек», «Не был слышен звук танка», «Выстрелы не слышны», «Не слышен звук ствола», «Клятва не слышна» (пароним *тупа* 'клятва'), «Не слышно грома пулемета», «Гул пушек не слышен», «Не слышно пушечного ядра»²³; «Сĕр тĕнĕлĕ» (Г. Ефимов) – «Земная ось», переводы респондентов – «Дуга земли», «За что держится планета», «К ночи», «Ближе к ночи» (пароним *сĕр тĕлне* 'к ночи')²⁴.

Образный перевод невозможно предугадать, ср: «Кĕвĕсĕкене кĕве сĕет» (Г. Краснов), букв. ревнивого поедает моль – «Все от любви»; «Чўречерен хурăн шаккать» (И. Лисаев), букв. береза стучится в окно – «Береза в окне»; «Пĕр шухăш-кăмăлпа» (В. Петров), букв. единогласно, единомысленно –

²¹ **Тивлет** 1. Судьба, доля, участь. 2. Счастье, благополучие, благосостояние. 3. Благо, добро; дар. (здесь и далее толкования по: Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. – М. : Русский язык, 1982. 712 с.).

²² **Тапă**¹ 1. Удар, толчок, биение, пульсация. 2. Напор, давление; нажим; напряжение. 3. Паводок, разлив; подпор воды (например в пруду). 4. Водопой. 5. *перен.* пульс, ритм. . *диал.* водяная мельница. **Тапă**² Ловушка, капкан, западня. **Тапă**² *уст.* праздник сельской молодежи в начале лета и место его проведения. **Тапă**⁴ старая шерсть.

²³ **Тупă**¹ Пушка, орудие. **Тупă**² Мяч. **Тупă**³ 1. Отгадка, разгадка; ответ. 2. Ответ, решение. 3. Смысл, суть.

²⁴ **Сĕр**¹ Земля (планета). 2. Мир. 3. Суша. 4. Почва, грунт. 5. Земельные угодья. 6. Местность; край, сторона, территория, страна. 7. Место. 8. Пол. 9. *В формах косвенных падежей употребляется в качестве служебного имени со значением места и времени.* **Сĕр**² Ночь. **Сĕр**³ Сто. **Тĕнĕл** ось.

«Единым фронтом»; «Сёр саврӑнать» (Ю. Семендер), букв. земля крутится – «Орбита».

Итак, чувашские оригинальные и русские переводные библионимы находятся в дихотомической взаимосвязи. В большинстве своем они тождественны по смыслу и легко угадываются респондентами. Случаи неполной семантической соотнесенности не так часты и вызываются желанием автора осуществить образный перевод. К тому же существует разность контактирующих языковых культур, не позволяющая создать абсолютные соответствия. Полное несовпадение чувашского и русского заглавий уже диктуется лакунарным характером средств принимающего языка. Различающиеся разноязычные названия одной и той же книги в семантическом плане обладают свойством взаимодополнять друг друга.

Русские названия чувашских книг, входящие во вторую (с индексом 0,5) и третью группы (0), практически никогда не могут быть установлены респондентами в силу индивидуального авторского подхода к интерпретации библионима средствами другого языка. Совпадения могут быть либо случайными, либо потому, что респонденты знакомы с сопоставляемыми текстами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Изучение функционирования библионимов – одна из редких областей лингвистики, которая допускает использование экспериментальных методов. Эксперимент в данном случае социально обусловлен, направлен на выявление семантических взаимосвязей, обнаруживаемых в контактологической библионимии, и не требует использования технического инструментария.

Способны ли библионимы включать в себя функционально-стилистическую, тематическую и родовую информацию? Здесь речь идет о минимальном фрагменте текста, который способен безошибочно определять

его стилистическую и иную принадлежность. Но являются ли библионимы тем самым минимумом? Представляется, что вполне очевиден вывод, подкрепляемый респондентами: чем многословнее библионим, тем выше вероятность правильного определения стилистической, тематической и родовой принадлежности всего текста.

Выведение исходного заглавия, установленного автором, на основе анализа текста – сложноразрешимая задача для респондентов. В данном случае сходятся два подхода – писательский и читательский, а они, как показывают результаты эксперимента, имеют разные стратегии книгоименования. Авторские заглавия сложно и многослойно обосновываются самим писателем, в то же время читатели в условиях эксперимента чаще избирают технический подход, ориентированный на ключевые слова.

Оригинальные и переводные заглавия в большинстве своем семантически идентичны. Расхождения между ними обуславливаются условным образным подходом к переводу, новым осмысливанием своего произведения автором. Также причиной иного названия книги может стать специфика принимающего языка, не обнаруживающего в своей системе прямых аналогов мыслевыражению, привычных в другой лингвокультуре. Если в первом случае респонденты без проблем находят иноязычные эквиваленты, соответствующие кодифицированным заглавиям, во втором случае такой результат становится невозможным.

ГЛАВА 4. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛИОНИМОВ В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

§ 4.1. Правописание библионимов

Специальных правил, регулирующих правописание библионимов, не существует. Они оформляются согласно общим требованиям. Правилами регламентируется только прописное написание слов в заглавиях: «Названия литературных и научных произведений, произведений искусства, документов, периодических изданий и т. п. заключаются в кавычки и в них пишутся с прописной буквы первое (или единственное) слово и собственные имена. К ним относятся: а) названия, не сочетающиеся синтаксически с родовым наименованием, напр[имер]: роман «Дворянское гнездо», рассказ «Дама с собачкой», поэма «Кавказский пленник», опера «Пиковая дама», балет «Спящая красавица», фильм «Летят журавли», картины «Бурлаки на Волге», «Девушка, освещённая солнцем», скульптура «Мыслитель», симфония «Юпитер», газеты «Аргументы и факты», «Московские новости», «Вечерняя Москва», журналы «Новый мир», «Русская речь», сборник «Синтаксис и стилистика», программа «Партнёрство ради мира» [81, с. 186], б) названия, включающие родовые наименования, напр.: «Роман без вранья», «Оптимистическая трагедия», «Повесть о настоящем человеке», «Литературная газета», «Учительская газета», издания «Газета», «Еженедельный журнал».

Если наименование художественного произведения состоит из двух названий, соединённых союзом или, то с прописной буквы пишется также первое слово второго названия, напр[имер]: «Двенадцатая ночь, или Что угодно», «Ирония судьбы, или С легким паром» [81, с. 186] (см. также: [83, с. 28–29]).

Библионимии в основном присуще строгое следование орфографическим правилам.

Между тем с рубежа XX–XXI вв. в библионимию широко внедряются экспериментальные подходы, в первую очередь касающиеся орфографии, а именно: строчные написания заглавий, прописное оформление части слов, использование нечитаемых знаков, иноязычных вкраплений. Каждое экспериментальное название привлекает к себе повышенное внимание читателей и требует глубокой интерпретации.

Итак, в библионимах последнего времени допускается нетрадиционное строчное и прописное орфографирование. Одним из таких примеров можно назвать книгу с параллельным русско-чувашским названием, изданную Е. Лисиной «двенадцатилетний Айги = вун иккёри Айхи». В книге представлены детские литературные опыты поэта. Строчное написание первого слова в заглавии, видимо, отсылает читателей к творчеству мастера, часто пренебрегавшего прописными началами слов там, где это предписывается правилами, например: *сокровенная песнь: / «ничего мне не надо» / да много я тоже / ничего-то не знаю / только то еще поле...* («Песенка для себя»). Иначе говоря, в названии сборника детских произведений мы видим отражение авторской орфографии, которой часто придерживался поэт, будучи уже зрелым литератором.

В заглавии книги «неСтрашная энциклопедия чудищ, юдищ и бук» (А. Никольская) нашли отражение две взаимоисключающие идеи, и у книги как бы два названия: страшная и нестрашная. Двойственность заглавия в данном случае передается графически. Для ср.: аналогичный смысл, но уже через посредство другого знака – дефиса, формируется у книги «Маленькие по-беды принцессы Алисы» (А. Ромашкина).

Следующий яркий пример с разным начертанием букв – библионим «Книга чудОМищ» (А. Никольская), где *чудомищ* – сочетание слов *чудище* и *дом*: в книге ведется рассказ про жилище, в котором обитают разные мифические существа. Выделение прописными буквами части названия

усложняет его без обращения к приему многословия, иначе книга должна была бы называться, например, как «Книга чудищ, живущих в доме» (?).

В библионимах могут быть использованы разнообразные нечитаемые знаки, что связано с желанием авторов дать книгам максимально неповторимые названия, ср.: «<НРЗБ>» (С. Гандлевский) – сокращение от *неразборчиво*, включенное в угловые скобки; «\$то причин убить босса» (М. Нарышкин), в котором знак доллара намекает на бизнес-историю с криминальным звучанием; «Ласточ...ка» (М. Трауб), где многоточие в середине слова по крайней мере выделяет название среди многих подобных; «#они любили в интернете» (М. Маркина), где хештег – признак ключевых слов, используемых в социальных сетях при ключевых словах, а также в арт-представлениях для обозначения тенденций в интернете, и уже тем самым название чисто графически определяет хронотоп произведения как наши дни, пространство интернета; «Костя + Ника» (Т. Крюкова), где вместо привычного слова *плюс* приводится его графический аналог, тем самым притягивающий внимание читателей к книге.

Но невербальное оформление слов в заглавиях в большей степени касается количественных обозначений. В классическом варианте данный подход реализован в названии романа «1984» Дж. Оруэлла, написанного еще в 1948 г. (не в зеркальном ли отражении года, когда было создано произведение, ответ на вопрос о названии книги?).

Исключительно цифровые заглавия не могут быть частыми, поскольку ими сложно придать книгам выразительность. Из подобных примеров цифровые названия должны быть единственно возможными. Таким образом они могут стать узнаваемыми, ср.: «23000» (В. Сорокин), где выведенное в название число обозначает количество братьев света, персонажей романа; «2017» (О. Славникова) – цифры 2017 символизируют время перемен, связь прошлого с современностью (сама книга написана в 2005 г.).

В иных случаях в литературной практике цифры вплетаются в повествование как ее естественные составляющие: «Экспансия-1»,

«Огарева, 6», «Петровка, 38» (Ю. Семенов); «Москва 2042» (В. Войнович); «Дело № 34840» (В. Войнович); «48 минут. Осколки» (В. Побединская).

Другой способ современного книгоименования – нарочито некодифицированное написание слов, например, «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» (В. Пелевин), где *креатив* орфографируется как *креатифф*; «Бедабеда» (М. Трауб), в котором приводится слитное написание повторяющихся слов вместо отдельного или дефисного; «Санья» (З. Прилепин), где название представляет собой библионим по манере бабушки называть главного героя Саньку.

Новым явлением в библионимическом процессе XXI в. стали иноязычные вкрапления. Они использовались и ранее, чаще в виде текстонимов, и лишь изредка выносились в заглавия книг, например: «Anno Domini» (А. Ахматова), ст.-слав. «Камо грядеши?» (пол. «Quo vadis: Powieść z czasów Nerona», Г. Сенкевич) ← лат. *quo vadis?* ‘куда идешь?’

Теперь же такой подход в русской библионимии вполне ожидаем: «De feminis» (В. Сорокин) ← лат. о женщинах, «Empire V» (В. Пелевин) ← англ. пятая империя, «Generation «П»» (В. Пелевин) ← англ. поколение «П», «KGBT+» (В. Пелевин), «S.N.U.F.F.» (В. Пелевин), «I love New York» (Э. Севела) ← англ. я люблю Нью-Йорк, «Imagine» (Д. Данилов) ← англ. образ, «Не бойся... фунтастика» (А. Никольская-Эксели) ← англ. *fun* ‘веселье’, «Вся La vie» и «Не вся La Vie» (М. Трауб) ← фр. *c'est la vie* ‘такова жизнь’ и мн. др.

В русской библионимии допускаются макаронизмы в кириллическом написании: «Время секунд хэнд» (С. Алексиевич), где *секонд хэнд* – англ. *second hand* ‘вторая рука’, «Хомо эректус, или Обмен женами» (Ю. Поляков), где *хомо эректус* – лат. *homo erectus* ‘человек прямоходящий’.

Примером библионима, в котором сходится несколько элементов экспериментального озаглавливания книг, можно назвать книгу «Полное оZOOMление» (М. Трауб). В данном названии используются такие параметры привлечения внимания, как иноязычное вкрапление Zoom

(программа видеоконференций) в прописном написании в инлаутном расположении, а также создание окказионализма из обычного слова *изумление*.

На фоне русской чувашская библионимия более традиционная, консервативная. Она строго регламентирована орфографическими нормами. Заимствование русского опыта экспериментальных названий практически не происходит. Можно привести лишь несколько примеров экспериментального названия чувашской книги – сборника рассказов Б. Чиндыкова «Hotel Chuvashia» («Отель “Чувашия”»), издание которого в 1989 г. стало событием в литературной жизни республики потому, что книга была озаглавлена по-английски; сказки «Эснереш» П. Яковлева 2005 г., в котором заглавие восходит к слову *эреш* ‘орнамент’ в его детском криптографическом осмыслении – *э(сне)реш*; книга В. Степанова 2008 г. «Эфемероптера каşё, е ФАУст-2 : роман-киллер = Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2 : роман-киллер на получувашском языке», изобилующей эпатажными средствами, не типичными для чувашского книгоиздания.

Описываемая ситуация скорее всего связана с тем, что новые тенденции в русской библионимии проявились сравнительно недавно и еще не успели войти в чувашский библионимический процесс.

Таким образом, в обеих лингвистических культурах библионимия основывается на классических правилах орфографии. Появившийся в конце XX в. тренд на экспериментирование с названиями книг чаще всего основывается на модернизации правописания. Обозначенный подход в библионимии – не более, чем мода, которой следует небольшое число писателей, и он не способен стать привычным для авторов из-за слишком сильной и нестандартной выразительности.

Какими бы ни были эксперименты в библионимии, все они остаются в пределах допустимого.

§ 4.2. Пунктуация в библионимии

Пунктуация служит членению речи на части, которые имеют значение для выражения мысли на письме [1, с. 5]. «Основная роль пунктуации – обозначение тех смысловых отношений и оттенков, которые, будучи важны для понимания письменного текста, не могут быть выражены лексическими и синтаксическими средствами» [124, с. 86].

Особых правил, регулирующих пунктуацию в библионимии, ни в русской, ни в чувашской лингвистике не существует. Но к ее регуляторам применимы правила пунктуационного оформления названий текстов, практикуемых в периодических изданиях. Согласно Д. Э. Розенталю, «в газетных и журнальных заголовках, с их многообразными функциями (номинативной, информативной, рекламно-экспрессивной, побудительно-убеждающей, графически-выделительной), используются почти все знаки русской пунктуации» [88] (в правилах русской орфографии и пунктуации под редакцией В. В. Лопатина, являющимся полным академическим справочником, пунктуационное сопровождение библионимов не рассматривается [81]). В отличие от орфографии, в библионимии элементы экспериментальной пунктуации встречаются в исключительных случаях.

Пунктограммы в библионимах используются реже, чем в развернутых текстах. Авторы, подбирая названия книгам, стараются избегать пунктуационных знаков, поскольку некоторые из них, особенно внутрифразовых, утяжеляют названия.

Изучение частотности знаков препинания в русской и чувашской выборках позволяет установить их количественные поведенческие характеристики.

В русской части библионимов, включающей тысячу названий, общее количество употреблений знаков препинания составляет долю в 13,1 процентов (таблица 23).

Таблица 23 – Частотность знаков пунктуации в русских библионимах

Пунктограмма	Количество	Доля, в %
запятая	58	5,8
точка	50	5,0
многоточие	12	1,2
тире	12	1,2
восклицательный знак	5	0,5
кавычки	5	0,5
двоеточие	3	0,3
вопросительный знак	2	0,2
скобки	1	0,1
Всего	131	13,1

Самые востребованные знаки технические – запятая и точка с общей долей в 10,8 процентов. На долю остальных технических пунктограмм (двоеточия, скобок, кавычек) приходится менее одного процента употреблений.

В художественной библионимии также используются эмотивные пунктограммы (вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, тире), их суммарная доля составляет 3,2 процента.

Иная частотная последовательность знаков препинания складывается в чувашской библионимии (таблица 24).

Таблица 24 – Частотность знаков пунктуации в чувашских библионимах

Пунктограмма	Количество	Доля, в %
запятая	37	3,7
тире	15	1,5

Пунктограмма	Количество	Доля, в %
многоточие	13	1,3
вопросительный знак	11	1,1
восклицательный знак	8	0,8
скобки	4	0,4
точка	3	0,3
двоеточие	1	0,1
кавычки	1	0,1
Всего	93	9,3

Как видим, чувашская библионимическая пунктуация выражена слабее русской: общее количество библионимов с пунктограммами – 9,3 процентов (меньше русской на 3,6 пунктов). Также в ней наблюдается другая частотная последовательность пунктограмм. К примеру, доля точек в чувашской библионимии минимальна и составляет лишь 0,3 процента в то время, как в русской употребление точек достигает доли в пять процентов.

Чувашские библионимы более эмотивны. В них доля заглавий с сенситивными знаками составляет 4,7 процентов, в то время как в русской библионимии лишь 1,9 процентов.

В обеих выборках не фиксируется такой знак препинания, как точка с запятой. Возможно, это связано с максимальной технической сущностью данного символа, не позволяющего его включать в художественную библионимическую культуру.

Далее подробнее рассмотрим использование знаков препинания в названиях книг.

Точка – условный знак, предупреждающий о завершении высказывания. Названия книг в любом проявлении – в виде словосочетания или сложносочиненного предложения – являются завершенными фразами. Следовательно, они обязаны в конце иметь точку. Однако в письменных

традициях ее в названиях ставить не принято: «Точка в конце заголовка, состоящего из одного предложения, не ставится» [81, с. 202]. Исключение составляют детские книги, в которых микробиблиони́мы завершаются точкой, но макробиблиони́мы ею не сопровождается.

В этом случае следует говорить не об отсутствующей пунктограмме, а о нулевом знаке: точка подразумевается, но графически не оформляется. В пользу такой трактовки говорит подбор аналогий: иные знаки – восклицательный, вопросительный, многоточие – привычны в библионимии потому, что приносят в заглавия дополнительные смыслы, в отличие от точки, оповещающей лишь о завершении нейтральной фразы.

Нулевое оформление точки в заглавиях говорит об их характере, повествовательном и завершающем мысль. Графическое выделение библионима другими средствами – крупным шрифтом, централизацией на странице – также предполагает избыточность пунктограммы.

При этом в заглавиях книг точка может применяться, если они, заглавия, состоят из нескольких фраз: «Точка ставится после первого предложения в двучленном заголовке» [81, с. 202], например: «Детство. Отрочество. Юность» (Л. Толстой), «Пятое измерение. На границе времени и пространства» (А. Битов), «Степень доверия. Повесть о Вере Фигнер» (В. Войнович), «Советство. Пионерская ночь» (Ю. Поляков), «Гипсовый трубач. Дубль два» (Ю. Поляков).

Такие сложные названия – полибиблиони́мы – не обязательно взаимосвязаны между собой по содержанию. Многосоставные библиони́мы могут озаглавливать книги, включающие в свой состав несколько самостоятельных произведений одного или нескольких авторов: «Дни и ночи. Двадцать дней без войны» (К. Симонов), «Исчезновение. Старик. Отблеск костра» (Ю. Трифонов), «Кролики и удавы. Человек и его окрестности» (Ф. Искандер), «Компромисс. Иностранка. Чемодан. Наши» (С. Довлатов), «Кузька. Королевство кривых зеркал. Баранкин, будь

человеком! Приключения Жакони...» (Т. Александрова, В. Губарев, В. Медведев, Ю. Магалиф).

Если для русской книжной культуры данный подход к оформлению сложных названий обычная практика, то в чувашской он использовался в исключительных случаях и чаще всего в середине XX в.: «Паянхи сӑнарсем. Вӑрçӑ кунӑсем» («Будни. Военные дни», А. Яндаш), «Лаох. Хырсем ёмӑрех ем-ешӑл» («Лаох. Вечно зеленые ели» В. Алендей), «Пӑрле ўснисем. Тўрӑ пурӑнмасан» («Сверстники. Когда живешь неправдой», Г. Плаксин).

Точки могут быть сгруппированы. В этом случае они начинают квалифицироваться в качестве нового знака – многоточия.

Многоточия используются для выражения незавершенности мысли, многозначности, подтекста, модальности в постпозиции, например: «А тем временем где-то...» (А. Алексин), «Выпивать и закусывать...» (Д. Рубина), «И маятник качнулся...» (В. Иванова), «Я, следовательно...» (Г. и А. Вайнеры).

Согласно нашим наблюдениям, многоточие вначале заглавий встречается очень редко. Нами зафиксировано всего лишь несколько таких примеров: «...И дверь откроется» (Н. Дёвова, А. Родин, Т. Якубец, М. Каблукова), см. также переводные книги «...И в трещинах зеркальный круг» (англ. «The Mirror Crack'd from Side to Side», А. Кристи), «...Она же Грейс» (англ. «Alias Grace», М. Этвуд, перевод В. Нугатова). И еще реже многоточие используется в середине библионимов: «За полчаса до... зимы» (Н. Милютин).

В чувашских библионимах инициальное и центральное использование многоточий не фиксируется, оно строго привязано к завершению фразы: «Ялан чап-чап уйӑхӑ пулмасть...» («Не всегда медовый месяц...», Л. Агаков), «Пӑррехинче XXI ёмӑрте...» («Однажды в XXI веке...», Н. Максимов), «Эсӑ пур чух...» («Когда ты есть...», А. Назул); «Юлашки юн тумламӑччен...» («До последней капли крови...», Г. Орлов), «Чи сывӑх сын эсӑ пулӑ иккен...» («А самым близки, оказывается, был ты...», В. Садай), «Юлашки юн тумламӑччен...» («До последней капли крови...», Г. Орлов).

Как правило, в чувашской лингвокультуре, особенно в лирике, многоточие может быть осложнено сочетанием с другими знаками – восклицательным или вопросительным: «Атя-ха, чунӑм, каласар!..» («Давай, душа моя, поговорим!..», З. Сурбан), «Ҫӑлтӑрӑм, ҫӑлтӑрӑм, ҫун!..» («Звезда моя, гори!..», Ю. Стеклов), «Ас тӑватӑн-и?..» («А помнишь ли?..», Г. Ефимов). Русская же библионимическая культура старается избегать такого рода названий.

Восклицательный и вопросительный знаки также являются пунктограммами, завершающими предложения. Поскольку они несут дополнительные смысловые нагрузки – восхищение, эмоциональность, удивление, которые без знаков сложно передать, то данные пунктограммы в библионимах сохраняются: «Пойдем ловить чудовище!» (А. Плошкина), «Баранкин, будь человеком!» (В. Медведев), «Азирис Нуна, или Сегодня, мама!» (Ю. Буркин, С. Лукьяненко), «Ан авӑн, шӗшкӗ!» («Не гнись, орешник!», А. Артемьев), «Пурӑн, юрату!» («Живи, любовь!», П. Афанасьев), «Эпир пулӑн, пур, пулатпӑр!» («Были мы, мы есть и будем!», П. Хузангай), «Ӑҫта-ши эсӗ, манӑн юрату?» («Где жы ты, моя любовь?», В. Игнатьев), «Ҫунатсӑр-и эпир?» («Есть у нас крылья», букв. «Мы бескрылые?», А. Лукин), «Ӑҫта эс, ылтӑн кайӑк?» («Лесная легенда», букв. «Где ты, золотая птица?», Г. Луч). Финальные пунктограммы всегда эмоционально обусловлены.

Запятая как внутрифразовый знак используется в развернутых библионимах при перечислении, уточнении и иной грамматической необходимости: «Девочка, с которой ничего не случится» (В. Головачев), «Жаль, что вас не было с нами» (В. Аксенов), «И был вечер, и было утро» (Б. Васильев), «Война, блокада, я и другие...» (Л. Пожедаева), «Виҫӗ кун, виҫӗ каҫ» («Три дня, три ночи», Ф. Уяр), «Вӑрҫӑччен, вӑрҫӑра, вӑрҫӑ хыҫҫӑн» («До войны, на войне, после войны», А. Талвир), «Инҫетре ку пулӑн, Тухӑсра» («Далеко это было, на Востоке», Н. Естафьев).

В применении запятой в библионимах наблюдается существенная этноязыковая разница: в чувашских названиях книг – в более чем половине случаев доминирует функция запятой, связанная с выделением обращений: «Шавлър, хурамасем!» («Шумите, вязы!», А. Николаев), «Ыранччен, чун савни» («До зари, милый друг», Ю. Вирьял), «Ыталатӑп, сёр-шывӑм, сана» («Обнимаю, отчизна, тебя», А. Лукин), «Тупатӑпах сана, Сильва» («Я найду тебя, Сильва», Л. Маяксем). В русской книжной культуре обращения, выделяемые запятыми, составляют менее девяти процентов.

Как особую функцию следует выделить постановку запятой в названиях с союзом *или*: «Бом-бом, или Искусство бросать жребий» (П. Крусанов), «Хрустальный ключ, или Жили-были мы» (А. Адабашьян, А. Чернакова), «Умереть и воскреснуть, или Последний и-чу» (Л. Смирнов), «Беспощадный, или Искатели смерти» (В. Головачев). По сути здесь запятая и союз *или* являются аналогами точки, однако постановка точки в таких заглавиях способна разделить сложный монобиблионим на несколько разных, не связанных между собой, ср.: «Андеграунд, или Герой нашего времени» (В. Маканин) ≠ «Андеграунд. Герой нашего времени»; «Нечаянная радость, или Раб божий Владлен и другие истории» (Ю. Вознесенская) ≠ «Нечаянная радость. Раб божий Владлен и другие истории». Аналоги такого рода названий встречаются в чувашском книгоиздании как исключение, преимущественно в номинации переводных книг: «Ылтӑн усӑ, е Буратино мыскарисем» (А. Толстой, перевод Н. Романовой).

Тире – выразительный знак, наделенный глубоким философским смыслом и в равной мере используемый в обеих языковых традициях [19; 26].

В силу выразительности тире ставится даже там, где без него можно было бы обойтись: «А за околицей – тьма» (Д. Стрельченко), «Моя бабушка – Лермонтов» (М. Трауб), «Навеки – девятнадцатилетние» (Г. Бакланов), «Остановите самолет – я слезу» (Э. Севела), «Эпир – пёр тӑвансем» («Мы братья», В. Давыдов-Анатри).

Тире также может заместить другие знаки препинания, например, запятые: «Необыкновенная история жизни Патрика Фицджеральда Додо – единственного и неповторимого» (А. Никольская), «Век живи – век люби» (В. Распутин), «Кама савать – савна каять» («Кого полюблю – за того выйду», Н. Айзман), «Кулэш – ёсре пулэш» («Смех в помощь в работе», букв. «Смех, в работе помощи»), «Ситетпёр хёрёхе – иртетпёр хёрёхрен» («Нам уже за сорок», букв. «Нам исполняется сорок – нам уже за сорок», Г. Краснов), «Малалла – хёвел анёснелле» («Вперед, на запад», М. Уйп).

Несмотря на универсальный характер, тире в заглавиях книг нельзя назвать популярным знаком.

Самые редкие пунктограммы в обеих национальных библионимических системах – кавычки, двоеточие и скобки. С указанными знаками регистрируются единичные примеры: «Возвращение клипера “Кречет”» (В. Крапивин), «Операция “Икс два нуля”» (В. Липатов); «Оставьте мою душу в покое: Почти все» (В. Ерофеев), «Евдокия (Семья Пирожковых)» (В. Панова); «Бурлаксем (Элнет)» («Бурлаки (Элнет), Н. Мранькка); «Вутра (Шуррисемпе сапёсни)» («В огне (Борьба с белыми)», В. Краснов-Асли). Кавычки используются в собственных именах, написание которых предполагает их обязательность. Скобочные библионимы являются исторические варианты кодифицированных названий книг.

Библионимия обеих языковых культур допускает предельное насыщение заглавий пунктограммами обычно до пяти символов, ср.: «Кораблики, или “Помоги мне в пути...”» (В. Крапивин) – три знака; «S.N.U.F.F.» (В. Пелевин) – пять знаков; «Шәпчәксем, эп сире итлесе... : шухәшәмпа ёмётём» («Соловьи, слушая вас... : мысли мои и мечты» А. Канаш) – три знака, «Кайри – мала, хур кайәксем!..» («Помогите ведущему, журавли!..», Н. Терентьев) – четыре знака.

Итак, в библионимии обоих языков пунктуация используется согласно академическим правилам. Каких-либо ограничений, кроме неотображаемой точки в конце заглавия, не встречается. Дополнительные смысловые нагрузки придают пунктограммам обязательные свойства.

В подборе названий книгам в использовании знаков препинания наблюдается их спецификация. В частности, запятая в чувашской библионимии становится выделителем обращений, авторы книг стремятся не использовать кавычки, в порядке исключения в заглавия художественных книг допускаются двоеточия и скобки.

Пунктуация чувашской библионимии, по сравнению с русской, более ровно выражена, в ней пунктограммы встречаются реже. При всем том она на фоне русской более эмотивна.

§ 4.3. Микробиблионимы в их отношении к макробиблионимам

Объемное художественное произведение без деления на составные части – все равно, что большой текст без абзацев: оно не предполагает остановки на обдумывание событий ни для самого автора, ни для читателя и воспринимается сложнее. В целях оптимальной организации литературного текста исторически сложилась система его дробления на части и главы, которые могут иметь разнокачественные заглавия.

Микробиблионимы (названия составных частей книги) и макробиблионимы (сами названия книг) между собой находятся в сложных взаимосвязях. По качественным параметрам их следует разделить на собственно художественные и формальные, между которыми существует пласт библионимов-цитат.

Исходно структурная схема собственно художественных микробиблионимов проста: они словесно называют части произведения. Например, рассмотрим библионимическую структуру повести Ю. Иваниченко и В. Демченко «Сорок градусов по Маннергейму»:

Сорок градусов по Маннергейму

Вынужденный пролог
 Северо-Западный фланг
 В ближнем тылу
 Настоящее нерадостное
 На фланге западном
 Немногие вернулись с поля
 Вновь настоящее и вновь
 нерадостное
 Нет истории без предыстории
 Недавнее неблизкое
 Давнее неблизкое
 Жутко лирическое отступление
 ...

макробиблионим

микробиблионимы

Не каждый микробиблионим может быть осмыслен в качестве макробиблионима. Их задача – давать названия самостоятельным фрагментам текста и уточнять итоговый библионим.

Формальные микробиблионимы в составе крупных текстов выражаются в виде обычной нумерации глав. Например, тетралогия Л. Толстого «Война и мир», роман в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин» делятся на главы, обозначаемые римскими цифрами; повесть В. Быкова «Мертвым не больно» состоит из 38 глав без конкретных названий. Такой подход не случаен.

Дело в том, что вербализированные названия глав крупных произведений, настоящие микробиблионимы, усложняют восприятие книги. Они в большей степени способны внести непонимание в повествование, и здесь более предпочтительно цифровое оглавление, способное объединить произведение в единое целое в соответствии с идеями автора.

Формальное деление на главы служит авторам инструментом, упорядочивающим книгу, а читателям помогает организовывать навигацию по тексту и управлять чтением. Для ср.: в литературе нон-фикшн деление текста неформальное. В ней каждый эпизод повествования оформляется в виде рассказа с конкретным условным названием. Например, книга В. Шпинева «Записки реаниматолога» включают такие эпизоды, как «Тяжелое дежурство», «Эпилептическое», «Орешек в трахее», «Идет охота на врача», «Мы его похоронили» и т. п. Части такого рода произведений, в отличие от романной литературы, могут существовать сами по себе без строгой привязки к общему повествованию.

На фоне утверждения об особом эстетическом назначении художественной библионимии кажется неожиданным существование технического подхода к подбору названий книгам. Но он применяется и сводится к прямому указанию на жанровую сущность сборников. Прежде всего это касается поэзии и малой прозы, например: «Стихотворения» (А. Ахматова), «Стихотворения. Драматические произведения» (Д. Хармс), «Стихи. 1914–1957» (Н. Асеев), «Сәвәсемпе поэмәсем» («Стихи и поэмы», А. Алга), «Тәват йөркен» («Четверостишия», Н. Исмуков), «Юмахсем» («Сказки», С. Эльгер). В этом случае названия сборников выступают в привязке к имени автора, и скучное техническое заглавие нивелируется.

Примыкают к таким названиям собрания сочинений, избранные сочинения, хрестоматии и антологии. С одной стороны, указанная группа как будто называет книгу с текстами согласно книговедческим традициям в целом, с другой – такие библионимы нельзя назвать художественными. Фактически они – условные технические названия, функционирующие в контексте художественной литературы.

Описанные базовые схемы микробиблионимии часто сочетают в себе цифровые и вербальные средства. См., например, фрагмент библионимической структуры книги А. Солженицына «В круге первом»:

В круге первом

1. Торпеда
2. Промах
3. Шарашка
4. Протестантское Рождество
5. Хьюги-Буги
6. Мирный быт
7. Женское сердце
8. Остановись, мгновенье!
- ...

макробиблионим

микробиблионимы

Аналогичное сочетание макро- и микробиблионимов иллюстрирует фрагмент библионимической структуры книги В. Крапивина «Гваделорка»:

Гваделорка

- Часть первая
- Самый длинный день

макробиблионим

микробиблионимы первого
уровня: нумерованный и
вербализированный
макробиблионим

- Помидоры
- Давние времена
- Полуденный выстрел
- Трубачи и Никель
- Орудие по наследству
- Блик на звездном глобусе
- Музыка из прошлого
- ...

микробиблионимы второго
уровня – названия глав

Таким же образом построен роман Ю. Вознесенской «Женский декамерон», представляющий сборник рассказов рожениц в условиях карантина. В книге используются текстонимы аннотированного типа:

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, ГЛАВА ПЕРВАЯ,

с которой начинается эта книга, хотя надо сказать, что большинство известных автору книг тоже начинается с первой главы, если ей не предшествует авторский пролог или предисловие критика, в котором читателю разъясняется содержание книги, а также дается информация о том, чего автор не учел, недопонял, где он находится под влиянием буржуазного мировоззрения и до чего он просто не дорос, – после чего любая книга читается со значительно меньшим удовольствием. Именно поэтому автор решил ограничиться совсем небольшим вступлением – о, всего две странички! – и начать книгу с историй

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

рассказанная работницей Адмиралтейского судостроительного завода Ольгой, повествующая о том, как между немецким судостроителем и советской рабочей завязался роман в духе интернационализма, но дело кончилось выкидышем, хотя этой любовью и занимались органы двух государств

Подобная подача позволяет сохранить единый повествовательный подход, объединить в цельную линию разноголосье героинь.

Оригинальной представляется текстовая, вслед за ней и микробиблионимическая структура романа Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны»:

Семнадцать мгновений весны

макробиблионим

«Кто есть кто?»

микробиблионим

первого уровня

*2.2.1945 (18 часов 38 минут)**12.2.1945 (19 часов 56 минут)**15.2.1945 (20 часов 30 минут)**15.2.1945 (20 часов 44 минуты)*

микробиблионимы

второго уровня

«Кем они меня там считают?»

(Задание)

микробиблионим

первого уровня

Информация к размышлению

(Геринг)

15.2.1945 (22 часа 32 минуты)

микробиблионим

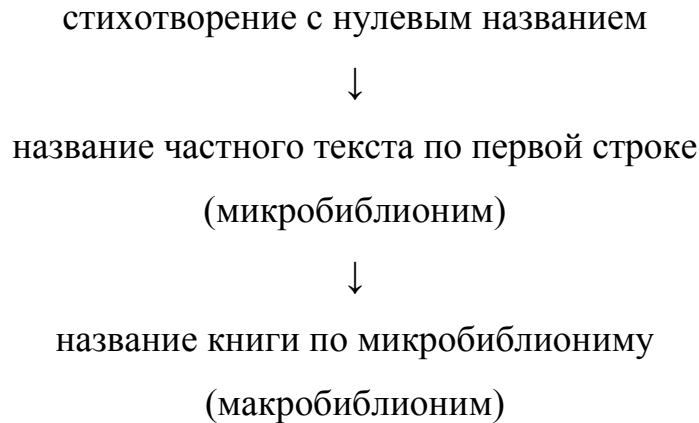
второго уровня

...

В данном случае введение в повествование микробиблионимов разных уровней придает роману степенность, кинематографическую фрагментарность, многолинейность, т. е. позволяет организовывать внешние параметры текста, и даже более – становятся графическим средством поэтизации рассказа.

Библионимы-самоцитаты обычно существуют в рамках поэтических сборников. Их суть сводится к озаглавливанию книги через использование первой строки одного из популярных стихотворений, включенных в издание.

Этот процесс предполагает переход нулевого названия стихотворного произведения, его первой строки, во всеобъемлющий библионим, ср.:

На приеме прямого самоцитирования, когда автор озаглавливает книгу, или косвенного, когда название подбирается другими участниками издательского процесса, построены такие названия, как «Лето – это маленькая жизнь» О. Митяева (*Я ушел в апрель, я нашел повод. / Я замерз, укутываясь в твой холод / и пошел на улицу встречать лето. / А лето – это маленькая жизнь*), «Свеча горела...» Б. Пастернака (*Мело, мело по всей земле / во все пределы. / Свеча горела на столе, / свеча горела*), «Я буду гнать велосипед» Н. Рубцова (*Я буду долго / гнать велосипед. / В глухих лугах его остановлю. / Нарву цветов. / И подарю букет / Той девушке, которую люблю*), «Ўак юрра эп ахаль мар юрларӑм» («Я недаром эту песню спел») В. Митты (*Хир-хир урӑй сахал мар хутларӑм: / џак юрра эп ахаль мар юрларӑм* ‘Много ходил по полям: / я недаром эту песню спел’).

Однако, в отличие от технических микробиблионимов (глав с цифровым обозначением), цитатные заглавия несут в себе эстетический отпечаток, и он шире микротекстового, или микробиблионимического, поскольку начинает соотноситься не только с конкретным текстом, но и со всей книгой. Такие названия концентрируют основную идею книги и, вполне вероятно, всего творчества поэта.

Библионимы-цитаты, в отличие от самоцитирующих названий, – редкое явление в библионимии, например, книга «Я шагаю по Москве, как шагают по доске» (Ю. Богатырев) состоит из строк стихотворения Г. Шпаликова (*Я шагаю по Москве, / как шагают по доске. / Что такое – сквер направо / и налево тоже сквер*); роман братьев Стругацких «За поворотом, в глубине, или Улитка на склоне» сочетает в названии строки из стихотворения Б. Пастернака «За поворотом» и неточную цитату из хокку И. Кобаяси в переводе В. Марковой (*За поворотом, в глубине / лесного лога, / готово будущее мне / верней залога* и *Тихо, тихо ползи, / улитка, по склону Фудзи / вверх, до самых высот!*). Подобные названия выстраивают интертекстуальные связи между авторами, временем и местом разворачивающихся в книгах событий и таким образом рождают новые смыслы.

Близки к библионимам-цитатам названия сборников прозаических текстов, когда в заголовок возводятся названия программных произведений. Различие только в том, что у этих текстов уже имеются установленные авторские заглавия, и такие заглавия по многим параметрам уступают поэтическим цитатам, служащим макробиблионимом. Например, книга Е. Лисиной, изданная в 1994 г., включает лучшие произведения автора: рассказы «Сивё ир» («Холодное утро»), «Хёле кёрес умён» («Предзимье», «Сăкăр чёлли» («Кусок хлеба»), «Сăлтăрсем курăнман каç» («Беззвездная ночь»), «Масар сұмёпе» («Вдоль кладбища»), «Арсын Хёветура» («Феодора-мужик»), «Элексей» («Алексей»), «Рия», повести «Сёньял ачисем» («Дети Синьяла»), «Пăркка мучи калавёсем» («Рассказы дедушки Пркки»), «Хупах хăлха Илюк» («Лопоухий Илюк»), но в заглавие книги из прочих равных выводится микробиблионим «Сăкăр чёлли», поскольку именно данный рассказ является главным в творчестве писателя. (Для ср.: сборник рассказов писателей СССР «Ein Stück Brot» («Кусок хлеба», Гамбург, 1992), состоящий из девяти произведений, также имеет обусловленное чувашской темой

заглавие. В данном случае название рассказа чувашской писательницы выведено на обложку книги по причине того, что рассказ стал победителем конкурса немецкой радиостанции «Deutsche Welle».) Другая книга Е. Лисиной 2014 г., по большей части включающая те же произведения, уже получила иное название – «Суйласа илнисем» («Избранное»).

Поведение микро- и макробиблионимов, как русских, так и чувашских, их взаимосвязи, логически обоснованы. Микробиблионимы крупножанровых произведений – названия глав – не выводятся в заглавие книг. Во многом это связано с формальным озаглавливанием частей единосвязанного текста. В то же время микробиблионимы в сборниках стихотворений, повестей и рассказов могут быть осмыслены в качестве макробиблионимов. Данный подход становится альтернативой обобщенному жанровоориентированному обозначению. В этом случае книга получает неповторимое частное звучание, а не обобщенное, омонимичное со многими другими.

§ 4.4. Библионимы как объект лексикографии

Существующие библионимические словари по своим свойствам, как правило, являются литературоведческими [131]. Чисто языковедческий подход здесь, видимо, невозможен. Скорее всего к библионимиконам необходимо подходить как к явлениям общелингвистического свойства.

Традиционные попытки лексикографировать библионимы, номинально бытующие в качестве лексико-фразеологических единиц, сталкиваются с проблемой превращения специального словаря в обычный библиографический указатель в его худшей форме, ср. образцы библиографического описания книги и возможного лексикографирования (таблица 25):

Таблица 25 – Сравнение библиографического описания книг
и вариантов лексикографирования библионимов

Библиографическое описание	Вариант лексикографирования
Нарышкин, М. Про зло и бабло / М. Нарышкин. – М. : Эксмо, 2008. – 320 с.	Про зло и бабло (М. Нарышкин).
Пришвин, М. М. Кладовая солнца : повести / М. М. Пришвин. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1984. – 211 с.	Кладовая солнца (М. М. Пришвин).
Артемьев, А. Салампи : роман / Александр Артемьев. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2012. – 271 с.	Салампи (А. Артемьев).
Козлов, В. Ф. Чул утрав президенчĕ : повесть / Вильям Козлов ; вырăсларан Виссарион Синичкин куçарнă. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1983. – 224 с. – На чуваш. яз. – Пер. загл. : Президент каменного острова.	Чул утрав президенчĕ (В. Козлов, 1983).

Таким образом теряется всякий смысл лексикографического подхода к организации библионимии.

Понятно, что всю генеральную совокупность библионимов расписать в виде указателя или словаря невозможно: они абсолютно различны по авторству, стилистическому предназначению, языку, идеологии, хронологически разбросаны по всей эпохе письменной культуры.

Выход из обозначенной ситуации может быть в выборе признака, который должен обосновать библионимический словарь. Например,

возможен переводной словарь библионимов эпохи классицизма, словарь текстонимов А. Дюма или же словарь названий книг с этнонимами, орнитонимами, топонимами. Реализация конкретного типа словаря зависит от практической необходимости.

Именно такими свойствами может обладать словарь библионимов с афористичными свойствами, так как он вычленяет конкретные названия из их бесконечного многообразия.

В рамках рассматриваемой проблемы словарь может быть реализован на материале как одного языка, так и нескольких. Цель подобного подхода – создать словарь библионимов, выражающих ценные идеи, умозаключения, обладающих выразительностью звучания и потенциалом формирования интертекстуальных связей между фактами речи и произведениями художественной литературы.

Подготовка словаря на материале одного языка более рациональна. Афоризмы обусловлены национальной культурой человека. Он знает литературу, и афористичные библионимы в его восприятии становятся символами этничности.

Микроструктура одноязычного словаря афористичных библионимов имеет простой вид: вокабулу, указание на автора, жанр и год первой публикации, толкование библионима.

Вокабула – заглавное слово. Технически она выделяется полужирным шрифтом. Обычно вокабула набирается прописными буквами, но в случае лексикографирования фразового материала его прописное написание явно избыточно – у читателей нет практики восприятия подобных текстов.

Имя автора приводится светлым шрифтом в скобках. Там же через запятую указывается год первой публикации книги. Последнее необходимо для того, чтобы связать фразу с широким историко-культурным контекстом без развернутого объяснения.

Дефиниция вокабулы содержит указание на смысловые условия употребления афоризма, она может сопровождаться стилистическими пометами.

Дополнительные элементы словарной статьи могут быть включены по необходимости. Ими, например, могут быть варианты названий книг.

В итоге одноязычный словарь библионимов-афоризмов на чувашском материале может быть представлен следующим образом:

Ёмёр сакки сарлака (Н. Мранькка, 1959) – пурнăсра тем те пулма пултарать²⁵.

Паттăрсем хыпарсăр сұхалмассĕ (М. Кипек, 1969) – Тăван сĕршывăн аслă вăрçине хутшăннă салтаксене хисеп туса калани²⁶.

Пурăнасчĕ сынсем пек (Н. Терентьев, 1988) – сын евĕр пул, халăхран уйрăлса ан тăр²⁷.

Сак юрра эп ахаль мар юрларăм... (В. Митта, 193) – кун-сула пĕтĕмлетсе калани²⁸.

Сиçĕм хысçăн аслати (Н. Терентьев, 1978) – пĕр ёсе тунă хысçăн унпа сыханса тăкаран тепĕр ёс пулассине пĕлтерни²⁹.

Эпир пулнă. Пур. Пулатпăр (П. Хусанкай, 1962) – пирĕн йăх пур тапхăрта та упранса юлассине палăртни³⁰.

Чувашских библионимов со свойствами афоризма, вероятно, будет недостаточно для издания отдельного словаря, и они, скорее всего, должны быть включены в общий словарь крылатых слов. Однако подобный словарь может быть успешно реализован на русском материале:

Герой нашего времени (М. Лермонтов, 1840) – человек, мысли и дела которого в наибольшей степени соответствуют духу времени.

²⁵ Жизнь прожить – не поле перейти, букв. Широка скамья жизни – о сложных перипетиях жизни.

²⁶ Герои без вести не пропадают – о солдатах Великой Отечественной войны.

²⁷ Жили бы как люди – быть как все.

²⁸ «Я не зря исполнил эту песню...» – подведение итогов жизни.

²⁹ После молнии гром – о взаимосвязанности поступков.

³⁰ Были мы. Мы есть. Мы будем – о сохранении нашего рода при любых перипетиях.

Горе от ума (А. Грибоедов, 1822–1824) – трудности и неприятности, которые умный человек испытывает из-за своего интеллекта и самостоятельного мышления в обществе посредственных людей.

Вишневый сад (А. Чехов, 1903) – символ уходящего мира и его красоты.

И дольше века длится день (Ч. Айтматов, 1980), цитата из стихотворения Б. Пастернака «Единственные дни» (1959) – о дне, переполненном событиями.

Мертвые души (Н. Гоголь, Похождения Чичикова, или мертвые души, 1842) – 1. Неучтенные люди, значащиеся исключительно в документах.
2. Человек с погубленной душой.

Униженные и оскорбленные (Ф. Достоевский, 1861) – иносказательное обозначение людей, страдающих от произвола вышестоящих и тяжелых условий жизни.

Что делать? (Н. Чернышевский, 1863) – философский вопрос, задаваемый при возникновении существенных проблем.

Русский словарь афористичных библионимов может быть расширен за счет включения в него библионимов иноязычного происхождения. В этом случае в словарные статьи необходимо добавить оригинальные названия иноязычных книг:

1984 ← англ. Nineteen eighty-four (Дж. Оруэлл, 1948).

Гадкий утенок ← дат. Den grimme Ælling (Г. Х. Андресен, 1843).

Война миров ← англ. The war of the worlds (Г. Уэллс, 1897).

Герои без вести не пропадают ← чув. Паттърсем хыпарсър сүхалмаçсё (Д. Кибек, 1981).

Машина времени ← англ. The Time Machine (Г. Уэллс, 1895).

По ком звонит колокол ← англ. For whom the bell tolls (Э. Хемингуэй, 1940).

Шагреневая кожа ← фр. La peau de chagrin (О. де Бальзак, 1830–1831).

Ярмарка тщеславия ← англ. *Vanity fair: a novel without a hero* (У. Теккерей, 1847–1848).

Включение в словарь библионимов иноязычного происхождения обуславливается существованием в переводе на русский язык значительного числа текстов мировой литературы, ставших неотъемлемой частью отечественной культуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

Прикладные аспекты функционирования библионимов в русской и чувашской лингвокультурах касаются их основы основ – письменной традиции. Орфография и пунктуация ровно реализуются в библионимии, но желание привлечь внимание читателей к книге допускает использование не только традиционных написаний и пунктограмм, но и экспериментирование с заглавиями.

Орфография и пунктуация библионимов в обоих сопоставляемых языках подчиняются общим правилам. Разница лишь в том, что русская библионимия, представляющая мажоритарную литературу, орфографически и пунктуационно разнообразней чувашской. Современная русская библионимия стремится экспериментировать. Чувашская консервативна, ориентирована на классические образцы. Новые явления, использованные в русской библионимии, долго проникают в чувашскую, а в некоторых случаях и вовсе не находят реализацию в ней.

Микробиблионимы (текстонимы) находятся в сложных отношениях с заглавиями книг. В крупножанровых произведениях, как правило, используется формальный цифровой подход к градации текста, не предполагающей вербального сопровождения. Сборники художественной литературы разных авторов уже имеют технические названия из серии «Стихи про любовь» или «Юратнӑ кӑнеке» («Любимая книга»). В то же время сборники произведений одного автора нередко получают заглавие по

названию программного текста. Особый слой библионимии лирических сборников составляют библионимы-самоцитаты, когда в заглавие выносятся название наиболее известного произведения по заковыченной первой строке с троеточием в конце.

Библионимы в обеих культурах являют образцы отточенных фраз, подвергшихся кодификации в памятниках письменности. Они обладают мощными интертекстуальными связями даже тогда, когда внешне не обладают семантическими параметрами афоризмов. Указанное свойство позволяет лексикографировать особо ценные библионимы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование представляет собой первый опыт сопоставительного изучения библионимов художественных текстов, функционирующих в русской и чувашской культурах. В основе работы лежит контрастивный подход. Сопоставление материала указанных языков не случайно: чувашская письменная культура сложилась под влиянием русской, и многие ее проявления копируют русские образцы.

В ходе разработки настоящей проблемы был проведен анализ фонетической, семантической, грамматической сторон библионимов в изучаемых культурах.

Исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Библионимы – сущностный элемент произведения метатекстового плана. Они сочетают в себе разнообразные функции, требования, представления и ожидания всех участников литературного процесса, а также соблюдения общекультурных традиций, сложившихся к моменту создания книги.

Заглавия являются сложнообусловленными собственными именами, которые формируются на базе апеллятивов, и одновременно сочетают в себе свойства нарицательной и ономастической лексики. Библионимы таким образом двуестественны: с одной стороны, они именуют феномены – книги, с другой – не могут существовать в качестве типичных собственных имен в их природном естестве, свободном от лексического значения.

Специфика библионимов – их лексическое наполнение, а также синтаксические параметры, которые диктуются сферой использования языка. В этом плане перспективным следует признать изучение названий книг в контексте функциональной стилистики.

Библионимы варьируют согласно требованиям конкретных функционально-стилистических условий: самыми выразительными, семантически объемными являются названия художественных текстов,

сильной экспрессией обладают названия публицистических книг, выделяются стремлением к точности научные и деловые библионимы, апеллируют к жанрообозначению и церковной номенклатуре литургические книги. Библионимы в силу их важности могут быть выведены в самостоятельный лингвистический параметр функциональных стилей, в которых концентрируется стилистическая неповторимость озаглавливаемых ими текстов.

Заглавия представляют собой лексико-грамматические единицы, именующие книги в предикативной форме, т. е. они называют книги в виде законченной мысли, сохраняя при этом номинативную функцию. Тем самым они выделяются на общем фоне существующей ономастической традиции. Само стремление к предикативному именованию книг выдвигает на передний план имена существительные, которые безусловно доминируют в библионимическом процессе.

Библионимы русской и чувашской письменных культур семантически эквивалентны, так как их обозначения объективно связаны с универсальными условиями функционирования национальных литератур. Другой причиной схожести разноязычных библионимов являются межлитературные контакты, которые в переводных текстах зеркально отражают иноязычный оригинальный материал. В этом случае допускаются некоторые искажения и уточнения в библионимах, иногда происходит их полная замена, но в основе основ (в имени автора, в самом тексте, его идейном содержании) сохраняется преемственность первичного и производного текстов.

Внутренние различия в библионимах обусловлены лингвистическими особенностями сопоставляемых языков и отражают их стремление к самостоятельному формированию названий книг с помощью собственных средств. К примеру, в отличие от русских чувашские заглавия в большей степени оформляются в виде предикативных единиц, в чувашской библионимии чаще встречается обращение, чувашские названия книг внешне более поэтичны. Русские библионимы много чаще создаются в форме

полибиблионимов, нередко являются экспериментальными, в большей степени допускают сложный синтаксис.

Библионимы могут бытовать сами по себе в качестве самостоятельного имени и обуславливаются конкретными текстами, авторами, историческими эпохами, в силу чего обретают мощную интертекстуальную детерминированность и тем самым становятся афоризмами. Глубокая историко-культурная основа придает библионимам уникальность даже в условиях их омонимичности.

Подбор библионимов осознается в качестве предельно ответственной проблемы литературной работы, сходной, например, с выбором поэтонимов и в некоторых случаях также топонимов.

В результате экспериментального изучения подтверждается уникальность художественных библионимов, что можно объяснить спецификой авторского видения. Заглавия являются сложнообусловленными назывными единицами и даже поэтическими сущностями. Ценны не только произведения, но и их названия.

Художественные библионимы обеих языковых культур направлены на подлинное имянаречение книг через максимальное использование в них имен существительных и простых односоставных назывных предложений. В связи с возрастанием значения аттрактивной функции в заглавиях нередко используются такие типы поэтизмов, как парадоксальные и алогичные сочетания слов.

Русская библионимия XXI в. является продолжением сложившихся традиций. При этом в ней усиливается экспериментальное начало, выражающееся в выведении графов в качестве заглавий, а также в стремлении к увеличению многословности названий.

По сравнению с русской, чувашская библионимия в использовании поэтических языковых средств более консервативна. Она в большей степени базируется на уже нашедших признание моделях книгонаречения.

Художественные библионимы – суть междисциплинарная: с одной стороны, они являются объектом лингвистических исследований, с другой – литературоведческих. Их полноценное изучение может быть объективным только с учетом искусствоведческой составляющей. В связи с этим в лингвистике в настоящее время происходит становление нового раздела – литературной ономастики, должной изучать именно пространство художественного текста в самых разных его проявлениях. Литературная ономастика базируется на историко-литературном и текстологическом подходах к изучению названий художественных текстов с акцентом на языковой оценке библионимического материала.

Научно обоснованная концепция художественной библиономии возможна лишь с опорой на ее широкие экстралингвистические параметры, в числе которых в первую очередь необходимо назвать литературный фактор.

Более чем желательным представляется составление корпуса (базы данных) библионимов, в котором каждая единица будет сопровождаться указанием поэтических средств и синтаксических свойств. Введение разнонаправленного библионимического материала в корпусную лингвистику позволит установить его сущностные параметры как в синхроническом, так и диахроническом аспектах с последующим выходом на сравнительно-сопоставительные исследования.

Полученные результаты могут быть использованы в разработке и систематизации общетеоретических и частных проблем в области ономастики и литературоведения, а также в практическом науковедении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

англ. – английский язык

букв. – буквально

дат. – датский язык

диал. – диалектизм

лат. – латинский язык

лит. – литературный язык

перс. – персидский язык

пол. – польский язык

рус. – русский язык

ст.-слав. – старославянский язык

фр. – французский язык

чув. – чувашский язык

швед. – шведский язык

яп. – японский язык

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов, С. И. Методика пунктуации / С. И. Абакумов. – 4-е изд. – М. : Учпедгиз, 1954. – 119 с.
2. Альтман, М. С. О названиях художественных произведений / М. С. Альтман // Русская речь. – 1969. – № 1. – С. 25–29.
3. Ананьева, Н. Е. Опыт сопоставительной литературной ономастики (на материале библионимов польского и русского языков) / Н. Е. Ананьева // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2024. – № 1. – С. 67–82.
4. Ахметова, А. Р. Артионимы как культурный феномен текста города / А. Р. Ахметова // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2020. – № 2. – С. 19–25.
5. Ашмарин, Н. И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Изд-во акад. Центра Татнаркомпроса, 1928. – 160 с.
6. Ашмарин, Н. И. Основы чувашской мимологии: о подражательных словах в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Изд. Чуваш. нац. орг., 1918. – 10 с.
7. Бабичева, Ю. В. Поэтика заглавия / Ю. В. Бабичева // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия : Гуманитарные науки (Филология). – Томск, 2000. – Вып. 6. – С. 61–64.
8. Баранова, К. Г. Переводческие трансформации библионимов в русскоязычном переводе произведения Шона Байтелла «The Diary of a Bookseller» / К. Г. Баранова // Молодая наука – 2024. – Ярославль, 2024. – С. 232–236.
9. Барякина, Э. Справочник писателя: как написать книгу и издать успешную книгу / Э. Барякина. – 2-е изд., перераб. – М. : Университет. кн., 2011. – 271 с.

10. Библиотечно-библиографическая классификация : рабочие таблицы для массовых библиотек. – М. : Либерия, 1997. – 688 с.
11. Белоусов, К. И. Введение в экспериментальную лингвистику : учеб. пособие / К. И. Белоусов, Н. А. Блазнова. – М. : Флинта, Наука, 2005. – 136 с.
12. Белошапкова В.А. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, Л. А. Новиков, М. В. Панов ; под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
13. Блисковский, З. Д. Муки заголовка / З. Д. Блисковский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книга, 1981. – 111 с.
14. Богданова, О. Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) / О. Ю. Богданова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 140–143.
15. Большакова, Н. В. О чем говорят названия книг? : для тех, кто любит читать / Н. В. Большакова. – М. : Сказочная дорога, 2017. – 174 с.
16. Бугакова, Н. Б. О некоторых особенностях формирования библионимов И. Бродского / Н. Б. Бугакова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 2. – С. 37–47.
17. Бугакова, Н. Б. Семантический потенциал библионима повести А. Платонова «Джан» / Н. Б. Бугакова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2024. – № 1. – С. 65–68.
18. Бугакова, Н. Б. Структурно-семантическое своеобразие библионимов Н. Сладкова / Н. Б. Бугакова, Н. Н. Устинова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2. – С. 1–10.
19. Будниченко, Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) / Л. А. Будниченко ; филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та. – СПб., 2003. – 264 с.

20. Бурмистрова, Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Бурмистрова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2006. – 23 с.

21. Васильева, Т. В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте: на материале современного американского рассказа : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Т. В. Васильева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2005. – 23 с.

22. Веселова, Н. А. «Имя текста» в тексте / Н. А. Веселова // Литературный текст: проблемы и методы. – Тверь, 2000. – Вып. 6. – С. 66–72.

23. Веселова, Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Н. А. Веселова. – Тверь, 1998. – 234 с.

24. Веселова, Н. А. Заметки о заглавии / Н. Веселова, С. Орлицкий // Арион. – 1998. – № 1. – URL : <https://magazines.gorky.media/arion/1998/1/zametki-o-zaglavii.html> (дата обращения : 12.02.2025).

25. Волкова, К. Р. Библионимы в прозаическом наследии Н. А. Дуровой / К. Р. Волкова // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем. – Елабуга, 2015. – С. 215–217.

26. Гаврилов, А. Д. Особенности пунктуационного оформления сетевых аналитических газетных заголовков : на материале русского, чувашского и английского языков : дис ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Д. Гаврилов ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2022. – 184 с.

27. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1981. – 139 с.

28. Гинзбург, Л. Я. О поэтике заглавия / Л. Я. Гинзбург // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 309–316.

29. Гойко, Ю. Н. Библионимы как знаки интертекстуальности: особенности функционирования в поэтическом тексте / Ю. Н. Гойко // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. – 2020. – № 7. – С. 137–146.

30. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1980. – 335 с.

31. Головин, Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1970. – 190 с.

32. Давыдкина, О. Д. Стратегии перевода библионимов (на материале англоязычных библионимов и их перевода на русский язык) / О. Д. Давыдкина, Л. Ю. Дондик // Ученые записки НТГСПИ. Серия : История и филология. – 2023. – № 2. – С. 85–97.

33. Давыдкина, О. Д. Стратегии перевода французских библионимов на русский язык / О. Д. Давыдкина, Л. Ю. Дондик // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2025. – № 1. – С. 42–54.

34. Девель, А. Проблема заглавия / А. Девель // Редакторы книги об опыте своей работы. – М., 1960. – Вып. 2. – С. 189–202.

35. Джанджакова, Е. В. О поэтике заглавия / Е. В. Джанджакова // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 207–214.

36. Дускаева, Л. Р. Официально-деловой стиль / Л. Р. Дускаева, О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 273–277.

37. Евса, Т. А. Заглавие как первый знак системы целого текста / Т. Е. Евса // Системные характеристики лингвистических единиц разных уровней. – Куйбышев, 1986. – С. 85–92.

38. Журавлев, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. – 2 изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1991. – 160 с.

39. Зырянова, С. А. Историческая эволюция заглавия художественного произведения / С. А. Зырянова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 291–295.

40. Иванова, С. В. Языковые особенности поэтического заголовка (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Иванова ; Ульянов. гос. ун-т. – Ульяновск, 2006. – 168 с.

41. Использование названия чужого произведения: нарушение или нет? – URL : ebooks.gardium.ru/digest_21-trends1 (дата обращения : 05.01.2025).

42. Климкова, Л. А. Артионимические модели в немецком и русском языках / Л. А. Климкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 8. – С. 57–62.

43. Климкова, Л. А. Библионим как знак концептуальности и интертекстуальности художественного произведения / Л. А. Климкова // Сучасныя праблемы анамастыкі. – Минск, 2022. – С. 122–129.

44. Климкова, Л. А. Библионимы в лирике С. А. Есенина / Л. А. Климкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 3. – С. 17–26.

45. Климкова, Л. А. Тезоименность в русской библионимии / Л. А. Климкова // Ономастика Поволжья. – 2020. – Т. 1. – С. 64–71.

46. Кожина, М. Н. Научный стиль / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 242–248.

47. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1993. – 224 с.

48. Кожина, М. Н. Художественный стиль речи / М. Н. Кожина, Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 594–608.

49. Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Кожина. – М., 1986. – 288 с.

50. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов ; под ред. Н. А. Баскакова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 184 с.

51. Корытная, М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста : дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Корытная. – Тверь, 1996. – 189 с.

52. Костина, К. В. Библионимы в творчестве В. П. Крапивина: семантика, типология / К. В. Костина, Л. А. Климов // Молодой ученый. – 2015. – № 22.1. – С. 187–191.

53. Костина, К. В. Библионимы, включающие имена собственные, в творчестве В. П. Крапивина / К. В. Костина // Ономастика Поволжья. – 2016. – С. 462–466.

54. Кравченко, А. Методология и методы социологических исследований / А. Кравченко. URL : https://studme.org/249888/sotsiologiya/struktura_sotsiologicheskogo_znaniya (дата обращения : 11.01.2025).

55. Кржижановский, С. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. – М. : Никитинские субботники, 1931. – 31 с.

56. Крутова, М. С. Терминологическая дефиниция названий русских рукописных книг XI–XIX вв. / М. С. Крутова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7. – С. 76–80.

57. Кручинина, А. А. Особенности функционирования библионимов и поэтонимов в официальном городском онимическом пространстве / А. А. Кручинина // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск, 2023. – С. 195–198.

58. Кузьмина, Э. Магия заглавия / Э. Кузьмина // СловоWord. – 2013. – № 80. – URL : <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/80/magiya-zaglaviya.html> (дата обращения : 24.12.2024).

59. Ли, Л. Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений : дис... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ли ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. – 185 с.

60. Лиходкина, И. А. Заглавие как важный компонент паратекста и специфика его перевода / И. А. Лиходкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2. – Ч. 1. – С. 110–113.

61. Маркова, М. А. Заглавие как ключ к пониманию текста / М. А. Маркова // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. – Чебоксары, 2024. – С. 63–67.

62. Маркова, М. А. Лексико-семантическая характеристика библионимов в русском и чувашском языках: сборник трудов конференции / М. А. Маркова // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2025. – Чебоксары : Среда, 2025. – С. 297–300.

63. Маркова, М. А. Лингвистический анализ библионимов в произведениях русской и чувашской литературы XIX–XX веков: постановка цели исследования / М. А. Маркова, А. М. Иванова // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. – Чебоксары, 2023. – С. 46–50.

64. Маркова, М. А. Место библионимов в ономастическом пространстве / М. А. Маркова // Этническая культура. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 44–48.

65. Маркова, М. А. Пунктуация в русских и чувашских библионимах / М. А. Маркова // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2025. – Чебоксары : Среда, 2025. – С. 300–304.

66. Маркова, М. А. Структурная классификация библионимов (на материале русского, английского и чувашского языков) / М. А. Маркова // Казанская наука. – 2025. – № 1. – С. 364–367.

67. Медриш, Д. Н. Из жизни заглавий / Д. Н. Медриш // Русская речь. – 1994. – № 5. – С. 108–113.

68. Мужев, В. С. Длина заголовка (сравнительный анализ) / В. С. Мужев // Сборник научных трудов Московского государственного

педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. – М., 1971. – Вып. 61. – С. 301–309.

69. Мужев, В. С. О функциях заголовков / В. С. Мужев // Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. – М., 1970. – Вып. 55. – С. 86–94.

70. Мурадова, Л. А. Слова-реалии в составе библионимов: проблемы перевода (на материале французского и русского языков) / Л. А. Мурадова // Лингвистика и образование. – М., 2023. – С. 158–162.

71. Мурадова, Л. А. Топонимы в названиях произведений художественной литературы: проблемы перевода (на материале французского и русского языков) / Л. А. Мурадова // Язык и действительность. – Москва, 2019. – С. 297–304.

72. Нанси, Н. М. Семантика заглавий как обособленных образований и как компонентов текста (на материале рассказов А. П. Чехова) : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н. М. Нанси. – Воронеж, 1989. – 24 с.

73. Николаева, Н. Г. Проблема «церковно-религиозного» стиля в современном русском языке / Н. Г. Николаева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – № 6. – С. 123–126.

74. Оленев, С. В. Стратегии перевода названий китайских книг и фильмов на русский язык / С. В. Оленев, С. О. Гордеева, Е. А. Аникеенко // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4. – С. 412–415.

75. Остапчук, О. А. Название литературного произведения как объект номинации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / О. А. Остапчук. – М., 1998. 183 с.

76. Петрат, Т. Р. Заглавие художественного произведения: сущность, свойства, структура заглавий / Т. Р. Петрат // Вестник Хакасского государственного университета. Серия : Языкознание. – 2001. – Вып. 2. – С. 124–128.

77. Петров, Н. П. Магистр богословия Виктор Вишневецкий и его роль в истории старочувашской письменности и литературного языка / Н. П. Петров. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 107 с.

78. Петров, Н. П. Чăваш литература чĕлхин историйĕ: Яковлевченхи тапхăр : вĕренÿ пособийĕ / Н. П. Петров. – Шупашкар : Чăваш патшалăх университетĕ, 1978. – 110 с. – Перевод заглавия : История чувашского литературного языка: дояковлевский период.

79. Подковырин, Ю. В. Заглавие / Ю. В. Подковырин // Новый филологический вестник. – 2011. – Т. 17, № 2. – С. 101–111.

80. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская, отв. ред. А. В. Суперанская ; Ин-т языкознания АН СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

81. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М. : Эксмо, 2006. – 480 с.

82. Пронин, В. В. Заглавии суть / В. Пронин // Литературная учеба. – 1987. – № 3. – С. 202–208.

83. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь ; под ред. И. Б. Голуб. – 11-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 368 с.

84. Самохин, И. С. Словарь ослышек : более 1000 коллективных и индивидуальных мондегринов, родившихся при прослушивании отечественных и зарубежных песен / И. С. Самохин. – Москва : Триумф, 2024. – 156 с.

85. Скударь, Е. В. Название (заглавие) литературного произведения. Размышления редактора / Е. В. Скударь // Вестник Московского университета. – 2011. – № 2. – С. 61–68.

86. Скурдина, С. А. Библионимы в творчестве В. М. Шукшина / С. А. Скурдина, Е. Н. Карташова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – С. 271–279.

87. Солганик, Г. Я. Публицистический стиль / Г. Я. Солганик // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 312–315.

88. Справочник по русскому языку. – URL : http://old-rozental.ru/orfograf_uk.php?oid=3191 (дата обращения : 09.10.2024).

89. Справочник по УДК. – URL : <https://teacode.com/online/udc> (дата обращения : 12.12.2024).

90. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская ; отв. ред. д-р филол. наук А. А. Реформатский ; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Наука, 1973. – 368 с.

91. Суперанская, А. В. Ономастика. Типология. Стратиграфия / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 264 с.

92. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. – М. : Наука, 1986. – 256 с.

93. Супрун, В. И. Паремийные библионимы А. Н. Островского: к 200-летию со дня рождения драматурга / В. И. Супрун // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск, 2023. – С. 167–171.

94. Супрун, В. И. Размышления над ономастической терминологией / В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8. – С. 133–138.

95. Сухова, К. И. Семантический потенциал библионимов в творчестве В. А. Солоухина / К. И. Сухова // Имя в пространстве культуры. – Воронеж : Воронеж. обл. тип., 2023. – С. 306–311.

96. Тикунова, С. Г. Взаимодействие структурных и содержательных характеристика художественного текста и его заглавия (на материале англоязычной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Г. Тикунова. – М., 2004. – 278 с.

97. Тураева, З. Я. Заголовок и эпитафия / З. Я. Тураева // Лингвистика текста. – М., 1986. – С. 52–55.
98. Тутатина, Е. А. Заглавия книг в современных издательских практиках: генезис, эволюция, поэтика и прагматика : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Тутатина. – М., 2021. – 197 с.
99. Тутатина, Е. А. Заглавие книги: прагматика, поэтика и эволюция / Е. А. Тутатина // Неофилология. – 2019. – Т. 5, № 19. – С. 349–356.
100. Тутатина, Е. А. Заглавие книги: современные тенденции в книгоиздании / Е. А. Тутатина // Библиография и книговедение. – 2020. – № 1. – С. 111–119.
101. Тутатина, Е. А. Заглавие: эволюция и место в книге / Е. А. Тутатина // Румянцевские чтения – 2019. – М., 2019. – Ч. 3. – С. 184–188.
102. Тутатина, Е. А. Поэтика и прагматика заглавий / Е. А. Тутатина // Вестник Московского государственного университета печати. – 2013. – № 7. – С. 36–39.
103. Тутатина, Е. А. Цитирование как один из современных тенденций озаглавливания книг / Е. А. Тутатина // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – М., 2017. – № 3. – С. 63–67.
104. Тюпа, В. Г. Произведение и его имя / В. Г. Тюпа // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2000. – С. 9–18.
105. Устинова, Н. Н. Аспекты изучения библионимов / Н. Н. Устинова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 4. – С. 60–63.
106. Устинова, Н. Н. Индивидуально-авторское своеобразие библионимов писателей-натуралистов / Н. Н. Устинова, Н. Б. Бугакова // ФИЛОЛОГОС. – 2025. – № 1. – С. 40–46.
107. Устинова, Н. Н. Структурно-семантическое своеобразие библионимов в творчестве Е. И. Чарушина / Н. Н. Устинова // Язык –

текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты. – Самара, 2024. – С. 237–241.

108. Федунина, О. В. К вопросу о функциях заглавия в детективе («Неподходящее занятие для женщины» Ф. Д. Джеймс в контексте традиции) / О. В. Федунина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. – 2011. – № 7. – С. 59–66.

109. Фоменко, И. В. Заглавие литературно-художественного текста как филологическая проблема / И. В. Фоменко // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. – Калинин, 1983. – С. 84–89.

110. Фомин, Э. В. Чувашская книга дооктябрьского периода : новые названия / Э. В. Фомин // Культура Поволжья : традиции и современность : материалы межрегион. науч.-практич. конф., Чебоксары, 15 марта 2008 г. – Чебоксары, 2008. – С. 79–84.

111. Фомин, Э. В. Иностраный пласт чувашской книги: библиогр. указ. / Э. В. Фомин // Этнопедагогика как фактор сохранения этнокультурных ценностей в современном социуме. – Чебоксары, 2018. – С. 134–143.

112. Фомин, Э. В. Научный стиль чувашского языка конца XIX – начала XX вв. : моногр. / Э. В. Фомин. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 131 с.

113. Фомин, Э. В. О семантической идентичности переводных библионимов / Э. В. Фомин // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. – Симферополь, 2025. – С. 258–262.

114. Фомин, Э. В. Чувашская книга XVIII – начала XX веков = XVIII – XX ёмёр пусламăшёнчи чăваш кёнеки / Э. В. Фомин ; Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств. – Чебоксары : Пегас, 2013. – 138 с.

115. Фоминых, Б. И. Синтаксические структуры заглавий / В. И. Фоминых // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. Ленина. – 1960. – Вып. 10. – № 8. – С. 153–173.

116. Фролова, О. Е. Грамматика заглавия / О. Е. Фролова // Русская речь. – 2006. – № 5. – С. 49–57.
117. Харченко, Н. П. Заглавия, их функции и структура (на материале научного стиля современного русского языка) : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н. П. Харченко. – Л., 1968. – 21 с.
118. Частотный словарь русского языка : около 40 000 слов / под ред. Л. Н. Засориной ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, Науч.-исслед. ин-т приклад. математики и кибернетики при Горьк. гос. ун-те им. Н. И. Лобачевского. – М. : Рус. яз., 1977. – 934 с.
119. Черкасский, Л. Е. Начнем с заглавия / Л. Е. Черкасский // Иностранная литература. – 1986. – № 5. – С. 225–230.
120. Черняк, М. А. Поэтика заглавия массовой литературы конца XX века / М. А. Черняк // Русский язык на рубеже тысячелетий. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 540–548.
121. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1978. – Т. 6. – С. 85–86.
122. Чувашская книга до 1917 года = 1917 ӗҫлеченхи чӑваш кӑнеки : 1917 ӗҫлеченхи чӑваш кӑнеки : ретросп. библиогр. указ. лит. / Гос. архив печати Чуваш. Респ. ; [сост. : Р. Н. Григорьева и др.]. – 2-е изд., испр., доп. – Чебоксары : Гос. архив печати Чувашской Республики, 2001. – 199 с.
123. Шанский, Н. М. Современный русский литературный язык / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, А. В. Филиппов, С. И. Небыкова, Д. И. Израненков ; под ред. Н. М. Шанского. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1988. – 671 с.
124. Шапиро, А. Б. Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 398 с.
125. Щур, Е. Эрратизация в библионимах как средство продвижения издательского продукта / Е. Щур // Славистика: новые имена в науке. – Горловка, 2021. – С. 148–154.

126. Якимов, П. А. Религиозные библионимы в русской поэзии / П. А. Якимов // Современные стратегии и технологии обучения русскому языку и литературе в школе и вузе. – Оренбург, 2024. – С. 84–91.

127. Bernard, A. Now All We Need is a Title: Famous Book Titles and How They Got that Way / A. Bernard. – New York, 1995. – 127 p.

128. Bock M. Some Effects of Titles on Building and Recalling Text Structures / M. Bock // Discourse Processes. – 1980. – Vol. 3. – № 4. – P. 301–311.

129. Genette, G. Structure and Functions of the Title in Literature / G. Genette, B. Crampé // Critical Inquiry. – 1988. – Vol. 14, № 4. – P. 692–720. – URL : <https://www.jstor.org/stable/1343668> (date : 15.12.2024).

130. Levin, H. The Title as a Literary Genre / H. Levin // The Modern Language Review. – 1977. – Vol. 72, № 4. – P. 23–36. – URL : <https://www.jstor.org/stable/3724776> (date : 10.03.2025).

131. Room A. Literally Entitled: a Dictionary of the Origins of the Titles of Over 1300 Major Literary Works of the Nineteenth and Twentieth Centuries / A. Room. – Jefferson, NC : Mc Farland, 1996. – 249 p.